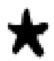
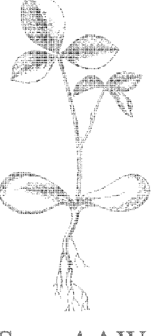
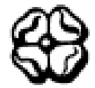
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

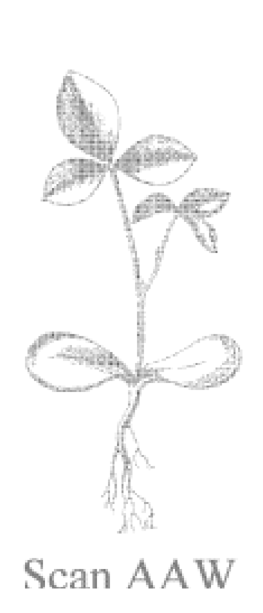

Scan AAW

ИЗ ИСТОРИИ КНИГИ И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В РОССИИ

Москва · 1962

СОСТАВЛЕНИЕ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
А. З. ОКОРОКОВА

ХУДОЖНИК Н. СИМАГИН

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рукопись этой книги имеет свою историю. В 1922 году автор представил ее в Госиздат с просьбой — «просмотреть». Она была прочитана многими руководящими работниками советского издательства того времени. Скромнейший и добрейший из виденных мною политических редакторов — Д. А. Фурманов, между прочим, сказал: «Как это все интересно, хоть роман пиши...» Но печатание книги все-таки было отложено до более удобных времен.

В последующее время в советском издательском мире не раз вспоминали о поучительном труде известного книгоиздателя дореволюционной России, но рукописи не могли обнаружить, она затерялась в несовершенных тогда архивах. И только вот теперь сын покойного автора обнаружил один из экземпляров рукописи среди бумаг отца и предложил ее вниманию издательства.

Труд старейшего представителя полувековой эпохи книгоиздательского дела теперь становится достоянием советской общественности. Многочисленные деятели литературы, культуры, народного просвещения, книгоиздательства и книготорговли с большим интересом встретят издание книги, найдут в ней много ценного. И не только они — молодые, пытливые

советские читатели с пользой и удовольствием прочтут эту книгу и как повесть о жизни и делах удивительного капиталиста, захваченного в сферу чудесного влияния книги, идей просвещения, и как исторический документ о тех преследованиях, «препонах» и «карах», какими встречал книгу и просвещение дикий, невежественный и жестокий строй дворянско-чиновничьей олигархии.

Великий писатель нашей эпохи А. М. Горький так оценил деятельность И. Д. Сытина: «Одним из таких редких людей я считаю И. Д. Сытина, человека весьма уважаемого мною. Он слишком скромен для того, чтобы я мог позволить себе говорить о его полувековой работе и расценивать ее значение, но все-таки я скажу — *огромная работа.* Пятьдесят лет посвящено этой работе, но человек, совершивший ее, не устал, не утратил своей любви к труду... И я горячо желаю Ивану Дмитриевичу доброго здоровья, долгой жизни для успешной работы, *которую его страна со временем оценит правильно...»*

При чтении этой книги нельзя забывать, что написал ее семидесятилетний человек иного общественного мира, несвободный от многих заблуждений и предрассудков (наивная вера в благожелательного бога, преувеличение роли личной предприимчивости, преклонение перед патриархальными нормами отношений между людьми и т. п.). Тем ярче предстанут перед глазами читателя личные черты этого человека: страстная любовь к книге, неукротимая энергия в достижении целей, стремление умножать, украшать и широко распространять книгу как орудие культуры и прогресса.

Можно напомнить читателю, что этот замечательный книгоиздатель второй половины XIX и начала XX века жил в то время, которое В. И. Ленин характеризовал так:

«...Земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда.»

«Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка.»

«...все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения» *.

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 270, 524, 526.

Эти изменения не могли не вызвать стремления к грамотности, школе, книге. Это и благоприятствовало той жизненной деятельности, в сферу которой вступил И. Д. Сытин.

Деревенский паренек из села Гнездникова Костромской губернии, родившийся еще при крепостном праве (в 1851 году), начал жизнь с единственным достоянием — физическим здоровьем, весьма скромной грамотностью (по псалтырю), крестьянской любовью и уважением к своему и чужому труду. Очень метко писатель Вас. Ив. Немирович-Данченко в юбилейном приветствии назвал его «сам себе предок», ибо не было у деревенского мальчишки ни наследственного имущества, ни влиятельных родственников, помогающих ему «строить жизнь».

Если добавить, что Сытин безусловно обладал живым, пытливым умом, практической сметкой, чуткостью ко всему новому, полезному, то этим будет сказано главное.

14 лет (в 1866 году) Сытин стал «учеником для всех надобностей» в маленькой книжно-картинной и скорняжной лавочке Шарапова на Никольском рынке в Москве. Это была патриархальная торговля лубочными картинами, преимущественно религиозного содержания, и традиционной литературой Никольского рынка — аляповатыми песенниками, письмовниками, сказками типа «Бовы-королевича», «Еруслана Лазаревича» и т. п. Книги и картины распространялись вразнос мелкими торговцами — коробейниками (офенями). Многие из них торговали единолично, а некоторые объединялись в артели со своеобразным «хозяином» во главе, обеспечивавшим их товаром, кредитом и связью с оптовыми поставщиками. Коробейники торговали не только картинами и книгами, но и различными мелкими хозяйственными предметами, украшениями. Шарапов снабжал эти «универмаги на ногах» картинами и лубочной литературой, будучи не издателем, а только посредником.

Но и в эту примитивную, совсем непросветительскую деятельность молодой Сытин внес что-то новое. Он начал машинное производство картин, улучшил их качество. Книжки, издаваемые Сытиным, лучше исполняются полиграфически, становятся предельно дешевыми. В этих традиционных условиях «издателя для Никольского рынка» Сытин впервые в лубочной литературе издает известную повесть «Наталка Полтавка», не оставляет поиска нового типа народной книжки. Здесь же зарождается (под влиянием

Л. Н. Толстого) мысль об издании подлинно художественной литературы для народа.

К чести молодого торговца-издателя нужно сказать, что в «минуты горестных раздумий» он признавал: «Все изъяны Никольского рынка я очень хорошо видел. Чутьем, догадкой я понимал, как далеки мы были от настоящей литературы и как переплелись в нашем деле добро и зло, красота и безобразье, разум и глупость!..»

Скоро Сытин становится основным поставщиком лубочных картин и книжек Никольского рынка. Он использует и картины крупных художников (Микешина, А. Васнецова и других).

Мы остановились несколько подробнее на первоначальном периоде деятельности И. Д. Сытина, так как в нем уже раскрываются ее основные черты (новаторство, широкий размах, борьба за качество и дешевизну).

Через полвека (в 1916 году) И. Д. Сытина приветствует цвет русской прогрессивной интеллигенции: ученые, писатели, великие художники, педагоги, общественные деятели, в том числе В. Бехтерев, С. Ольденбург, Н. Рерих, Ф. Батюшков, М. Горький, И. Бунин, Н. Рубакин, В. Чертков, А. Куприн, Н. Телешов, И. Грабарь, А. Васнецов, М. Нестеров, И. Павлов, В. Поленов, В. Суриков, К. Юон, В. Вахтеров, С. Венгеров, А. Кони, Н. Тулупов, имена которых вошли в историю нашей культуры.

Все они вместе с сотнями и тысячами передовых людей страны оценивают Сытина как крупнейшего книгоиздателя-просветителя, давшего России сотни миллионов дешевых учебников, общеобразовательных и школьных пособий, популярных книг для народного чтения, библиотек и библиотечек по самообразованию, освоению ремесел и искусств, развитию сельского хозяйства и промышленности.

Один из виднейших педагогов того времени, автор многих учебников и детских книг, Н. Тулупов, так выражает чувства и мысли лучшей части прогрессивной интеллигенции по отношению к деятельности И. Д. Сытина: «Он приблизил к народу настоящую книгу. Он претворил в плоть и кровь благородные стремления лучших умов нашей интеллигенции — дать народу здоровую духовную пищу. В этом величайшая заслуга Сытина, дающая ему право занять почетное место в ряду деятелей русского просвещения» *.

* Сборник «Полвека для книги», М., 1916, стр. 102.

Горячо и убедительно говорит о значении книгоиздательской деятельности Сытина не менее известный и в наше время педагог-писатель В. Вахтеров: «Книги его дешевы, портативны, и потому они легко могли проникнуть туда, где нет ни лекций, ни лабораторий, ни музеев, ни университетов. ...И мне кажется особенно уместно говорить обо всем этом по отношению к Сытину, которого я считаю художником книгоиздательского дела... Его пример показывает, что творчество, напоминающее художника, осуществляющего свои образы на полотне, можно найти и в деятельности книгоиздателя, если он осуществляет такую грандиозную мечту, как издать и распространить в широких народных массах сотни миллионов экземпляров хороших книг, провести их в самые глухие углы нашей родины, сделать их по дешевизне доступными неимущему рабочему и бедному крестьянину...» *

Огромное культурно-просветительное значение издательства Сытина, без сомнения, состоит в выпуске самых дешевых изданий собраний сочинений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других великих писателей, первых изданий Народной, Детской, Военной энциклопедий, крупнейших трудов по истории, географии. Эти книги были доступны, и большинство из них быстро доходило до читателей благодаря широкой сети многочисленных отделений издательства. Через эти отделения Сытин деятельно расширял сеть мелкой книготорговли, предоставляя ей значительные скидки и постоянный кредит. Это было новым явлением в книготорговле того времени.

Во всем этом бурном потоке книг, конечно, не все соответствовало передовым требованиям науки, не все было прогрессивным, но лучшие из них несомненно сыграли свою просветительскую роль.

Сам И. Д. Сытин справедливо говорит, что постоянной его целью было издать книгу по самой минимальной цене. И он действительно стал зачинателем дешевой, доступной книги! Но не только доступностью популярной книги для широких масс народа Сытин произвел своеобразную «революцию» в книгоиздательском деле. Есть и другие весьма поучительные стороны его книгоиздательской деятельности.

В своих многократных беседах с нами, советскими издателями, он пояснял успехи своей работы: книгу нужно выпускать не «одиночкой»,

* Сборник «Полвека для книги», стр. 260—261.

а группами, сериями, библиотеками; отдельная книжка даже при самой животрепещущей теме может затеряться среди массы книг, а при выпуске группами книгу скорее заметит читатель. «Поэтому я выпускал детские книги, библиотечки по сельскому хозяйству, истории, географии страны, ее промышленности и ремесла всегда группами,— говорил Сытин,— выходил десяток, два десятка книг, и этим создавался им более широкий путь к распространению».

Большое значение Сытин придавал широкой пропаганде книги. В издательстве выходили многочисленные каталоги, особенно каталоги такого типа, как «Что читать народу». Они служили пособиями для библиотекаря, книготорговца, учителя и многих других людей, от деятельности которых зависели популярность книги и ее распространение.

Так же много внимания в издательстве уделялось оформлению. «Мне с трудом удавалось и наконец удалось привлечь самых лучших художников к этому делу,— вспоминал Сытин,— лучших инициативных мастеров дешевого, но прочного переплета. Коллектив рабочих и художественная общественность помогали и помогли мне в этом, без их инициативы и творческого труда я не мог бы совершить такого большого дела».

В публикуемых воспоминаниях автор с мудрой прозорливостью отмечает: «Чем шире развивалась моя издательская работа, тем больше созревала у меня мысль, что в России *издательское дело безгранично* и что нет такого угла в народной жизни, где русскому издателю совсем нечего было бы делать!..»

Стремясь осуществить эту мысль, Сытин создает универсальное издательство чрезвычайно разнообразных книг, картин и школьных пособий, плакатов, справочников, календарей, крупных многотомных изданий по различным отраслям науки и знания, популярных журналов.

В «Товарищество И. Д. Сытина» постепенно вовлекаются лучшие сотрудники, близкие к издательству специалисты. Сытиным был создан коллектив опытных и умелых руководителей, на счет которых можно отнести значительную часть успехов предприятия.

Стремясь использовать опыт и знания интеллигенции, издательство широко вступает в сотрудничество с разными обществами, просветительскими организациями: с Харьковским обществом распространения грамотности, с Объединением библиотекарей, с Петербургским комитетом грамотности, с Вольным объединением писателей, близким Л. Н. Толстому

(«Посредник»). В этом сотрудничестве создаются такие широко известные в книжном деле издания, как Народная энциклопедия, библиотека «Посредника» с сотнями книг, которые помогли вытеснить с рынка малограмотные лубочные издания.

В своих воспоминаниях Сытин приводит много фактов общественной инициативы, рассказывает об идеях и планах, предложенных ему и по-деловому осуществленных. Он с благоговением вспоминает почин Л. Н. Толстого в создании художественных, доступных для народа книжек; многократно повторяет, что идеей создания распространенной газеты, помогающей книжному делу, он обязан А. П. Чехову. Сытин с интересом готовился к осуществлению мысли А. М. Горького об издании многотомного коллективного труда по истории русского народа. Он отмечает также успех большого начинания группы харьковских учителей, библиотекарей во главе с общественной деятельницей Х. Д. Алчевской по изданию пособий «Что читать народу» и «Книга для взрослых».

Он подсказывает группе молодых, передовых офицеров план создания военной энциклопедии. Несмотря на то что издание это военным министерством было встречено враждебно, он затрачивает на него свыше миллиона рублей.

В течение ряда лет вынашивал издатель план создания общества «Школа и знание» со своими образцовыми школами, с новыми, более совершенными учебниками, с новыми методами и программами преподавания. С этим планом он обращался к «вершителям судеб» дореволюционной России Победоносцеву, Витте и даже к самому царю. Но в верхах он наталкивался на непреодолимые преграды — на скрытое или явное злобное нежелание что-либо делать для просвещения народа.

В рассказе об аудиенции у царя искренне и откровенно передаются «старомужицкое» чувство автора, его преклонение перед трехсотлетней монаршей властью и туманные надежды, что именно она еще способна разрешить его планы о народном просвещении... Но, когда в ответ он слышит безвольные и бездушные отговорки, он теряет часть своей «старой души».

Хотя борьба Сытина с дворянско-чиновничьим самовластием за право деятельности происходила в рамках легальности, его неоднократно предавали суду. Всероссийский душитель мысли мракобес К. П. Победоносцев считал его «подстрекателем», сеятелем еретических учений Толстого и

в беседе о создании «Школы и знания» заявил, что церковь и народ *не нуждаются ни в каком печатном слове,* пусть народ слушает только то, что в церкви читается на непонятном ему древнеславянском языке, больше он ничего не должен знать!! Это было откровенным признанием: «...чтоб зло пресечь, собрать все книги бы да сжечь!»

И сатрапы строя поджигателей культуры в 1905 году по-звериному отомстили Сытину действительно сумасшедшим и нелепым поджогом лучшей части книгоиздательского предприятия.

К 1915—1916 годам издательство Сытина достигло вершины своей деятельности. По отчетам Русского отдела Всемирной лейпцигской выставки, «Товарищество И. Д. Сытина» уже в 1914 году давало стране свыше 25% всей книжной продукции России.

И. Д. Сытин не был ни революционером, ни реформатором, он был энтузиастом-книжником, безгранично преданным своему делу. Он понимал, что это дело может успешно идти только в сотрудничестве с передовыми общественными силами, с прогрессивной интеллигенцией, учеными, учителями, с объединяемым им коллективом разнообразных специалистов-рабочих. Это был предприниматель, у которого любовь к книге и ее распространению брала верх над интересами буржуа.

Высоко ценил Сытин людей, делавших книгу. О своих рабочих он говорил: «Это великолепный, может быть, лучший в Европе рабочий! Уровень талантливости, находчивости и догадки чрезвычайно высок. Но техническая подготовка, за отсутствием школы, недостаточна и слаба. Но и при этом я беру на себя смелость утверждать, что это *замечательные умельцы».*

Социалистическую революцию Сытин встретил с твердой верой в то, что установленная ею Советская власть обеспечит делу его жизни — книге более совершенные условия развития и влияния на самые широкие массы народа.

Его волновало лишь одно: найдет ли он применение своему труду в новом общественном книгоиздательстве. И свыше пяти лет Сытин честно работал в советском издательском деле. Около двух лет он был уполномоченным бывшей своей типографии, деятельно помогал восстанавливать ее, выполнял ряд важных поручений Наркомпроса, ВСНХ, ездил за границу для переговоров о бумажных концессиях, о заказах бумаги, для устройства художественной выставки (в США), был консультантом Госиздата РСФСР и управлял небольшими типографиями.

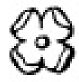
Но физические силы иссякали... Сытину было уже 75 лет. Советское правительство назначило ему персональную пенсию и закрепило за ним площадь в доме на улице Горького (бывш. Тверская).

В течение последующих почти десяти лет многие работники книжного дела, в том числе и пишущий эти строки, сохраняли с И. Д. Сытиным дружескую связь и многому учились у него, выполняя завет великого Ильича — осваивать все достижения старой культуры, чтобы успешно строить коммунизм.

Н. Накоряков

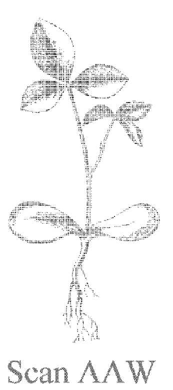
И. Д. Сытин

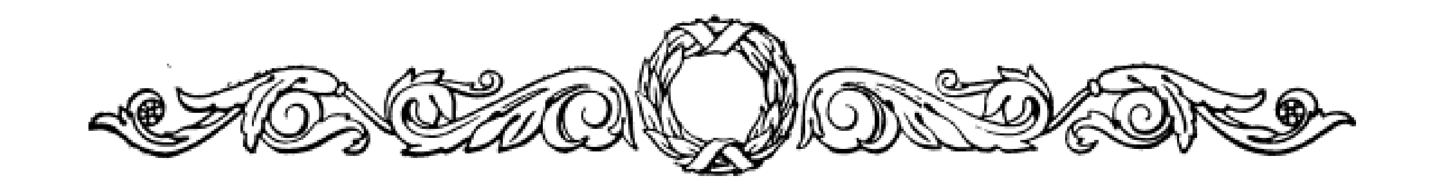

Иван Дмитриевич Сытин

В ЛАВКЕ У П. Н. ШАРАПОВА

Я родился в 1851 году в селе Гнездникове Костромской губернии, Солигаличского уезда.

Родитель — из крестьян, как лучший ученик, был взят из начальной школы в город для подготовки в волостные писаря и всю жизнь был в округе образцовым старшим писарем. Умный и способный, он страшно тяготился невыносимым однообразием своей работы, канцелярщиной волостного правления и полной невозможностью применить свои недюжинные силы. В семье я был старший сын. Кроме меня были еще две сестры и младший брат.

Родители, постоянно нуждаясь в самом необходимом, мало обращали внимания на нас. Мы были предоставлены самим себе и изнывали от безделья и скуки. Как волостной писарь, отец не занимался сельским хозяйством, и, помню, с какой мучительной завистью я смотрел на своих сверстников — ребятишек, которые запрягали лошадь, помогали своим отцам в поле или веселой гурьбой ездили в ночное. Ничего этого у нас не было: дети писаря сидели по углам, унылые, тоскующие и мучились своей праздностью и одиночеством в трудовой крестьянской среде.

— Не дворяне и не крестьяне, а писарята.

Учился я в сельской начальной школе при волостном правлении. Учебниками были славянская азбука, часовник, псалтырь и начальная арифметика. Школа была одноклассная, в преподавании — полная безалаберность. Учеников пороли, ставили в угол на колени или же на горох, нередко давали и подзатыльники. Учитель появлялся в класс иногда в пьяном виде. А в результате всего этого — полная распущенность учеников и пренебрежение к урокам. Я вышел из школы ленивым и получил отвращение к учению и книге — так опротивела за три года зубрежка наизусть. Я знал от слова до слова весь псалтырь и часовник, и ничего, кроме слов, в голове не осталось.

В период моего учения с отцом начались припадки меланхолии. Для семьи это было тяжкое время: были прожиты не только последние сбережения, но даже и одежда. Лечить больного было нечем и не у кого. Он был предоставлен самому себе: уходил из дома, скитался, ночевал где попало и недели проводил вне семьи. Эта своеобразная свобода на время совершенно излечивала его. Проходили тоска, скука, ненормальность, и он являлся домой свежим, умным, спокойным человеком.

А в семье в это время все развалилось. Вставали мучительные вопросы, что будет дальше, как и чем жить. Поездки к угодникам и знахаркам еще больше усиливали лишения, мы со страхом смотрели на будущее. О детях думать было некогда.

Тем временем я подрастал. Мне было 12 лет. Надо было искать дела. Во время одного довольно продолжительного припадка отец потерял место. Надо было как-то устраиваться. Семья переехала в Галич, и отец поступил письмоводителем в галичскую земскую управу на жалованье 22 рубля в месяц. Это было самое счастливое для него время. Новая среда и дело пробудили в нем новые интересы. Жизнь стала лучше.

Изменилось и мое положение. Дяде моему, скорняку Василию, поручили везти меня в Нижний на ярмарку. Здесь я помогал ему торговать вразнос меховыми вещами. Дело это у меня клеилось: я был боек, предупредителен, очень много работал, чем услужил дяде и тому хозяину, у которого брали для продажи товар. Я получил первый заработок — 25 рублей.

После ярмарки мне предстояло поступить в мальчики к маляру в Елабугу, но дядя посоветовал подождать еще год и выбрать место получше.

В следующем году я снова поехал в Нижний. Ярмарка мне была уже привычна и знакома. Дела шли еще лучше. В конце ярмарки мой хозяин, коломенский купец Василий Кузьмич, сказал мне:

— Что тебе ехать домой и болтаться там без дела, поедем, я устрою тебя в Москве.

Я с радостью поблагодарил его и поехал с ним в Коломну. Заработок свой — 30 рублей — поделил пополам: половину отдал хозяину за дорогу, а половину послал семье. Уезжая из Коломны, хозяин сказал мне:

— Ну вот, я еду в Москву, у меня там дела с меховыми торговцами, постараюсь тебя пристроить, а ты оставайся и жди моего возвращения.

Я остался один в чужом городе, среди чужих людей, но это меня нисколько не тяготило.

В мастерской хозяина я быстро сдружился с рабочими-скорняками, помогал им сшивать шкурки. В воскресенье они пригласили меня участвовать в кулачном бою, но я оробел, не решился и занял место в сторонке, на пригорке, где стояли многочисленные зрители.

Это было зрелище захватывающее и увлекательное, но довольно грубое.

На просторном заречном лугу, где могло бы происходить настоящее сражение, сошлись две «стенки» — фабричные и заводские. Здесь были люди всякого возраста, были и молодые, и седые.

На расстоянии 50 шагов «стенки» остановились и начали обмениваться сначала словесными замечаниями:

— Ну, Бова, смотри, как бы я тебе морду не набил.

— А ты, Еруслан, держись покрепче да гляди, чтобы я тебе фонарей не наставил.

Бой по обычаю начали мальчики. Пока «Бову» и «Еруслана» подзадоривали насмешками, мальчишки, как орлята, с криком и удальством налетали друг на друга.

— Ура! — кричали мальчишки.— Вали его, вали шибче! Бей заводских! Не жалей, братцы, чужих ребер!

Скоро одна половина мальчишек обратилась в бегство, и это было сигналом для старших. Мальчиков-бойцов точно ветром сдуло, и поле битвы очистилось. С визгом, со свистом, с беспрестанными криками «ура» стена фабричных ударилась о стену заводских... Почти целый час слышались то резкие удары по лицу, то глухие «под микитки». С голов слетали шапки,

несколько человек уже лежало на земле, а кулаки все поднимались и молотили... Наконец одна стена не выдержала и обратилась в бегство. За бегущими кинулись вдогонку, и пощечины и зуботычины сменились ударами в шею. По неосторожности я не успел вовремя ретироваться со своего наблюдательного пункта и тоже получил две-три здоровые затрещины.

Через три дня вернулся хозяин.

— Жаль мне тебя, Ваня,— сказал он,— поздновато мы с тобой приехали: у моих друзей места в меховой торговле нет, а есть в книжной лавке у Шарапова (у Шарапова было две торговли: мехами и книгами). Поступай к нему, посмотрим: понравится — хорошо, а то в меховую переведет. Главное, служи честно, будь старателен, а старик не обидит.

Дал мне письмо и скорняка-провожатого. Мы поехали в Москву.

13 сентября 1866 года, в 6 часов вечера, мы вышли из вагона Рязанской железной дороги. С радостью шли мы на Таганку. Переночевали у знакомой моего провожатого, служившей в няньках. Няня жила в доме гимназии. Она напоила нас чаем и дала ночлег в кухне. На другой день рано утром пошли мы к Ильинским воротам. Лавка Шарапова была против часовни в ряду деревянных балаганов. Через полчаса лавку открыли. Я робко вошел и подал письмо приказчику. Пришлось подождать прихода хозяина. День был праздничный. К старику-хозяину пришли близкие знакомые и друзья, они все вместе отправились в трактир пить чай.

До прихода хозяина меня экзаменовал милый старичок, издатель и типограф Ефим Яковлевич Яковлев, товарищ и друг Шарапова. Этот худенький, седенький человек очень любил читать назидания.

— Ну что, брат, служить пришел? Служи, брат, усерднее. Себя не жалей, работай не ленись, раньше вставай, позднее ложись. Грязной работы не стыдись, себе цены не уставляй — жди, когда тебя оценят. Базар цену скажет.

Пришел хозяин, старец почтенного вида, истово помолился на образа. Ему подали мое письмо. Посмотрел.

— Ну что же, ладно. Возьмите его, Василий Никитич,— сказал он главному приказчику.— Что-то он больно велик ростом. Эй, парнюга, вот тебе наставник — Василий Никитич. Служи честно и усердно — будет хорошо.

Я низко поклонился и стал на указанное место к двери, где и стоял бессменно четыре года.

— Ну с обновой, Петр Николаевич,— сказал старичок Яковлев,— пойдем, угощай чаем.

Мне было 14 лет. Я был велик ростом и здоров физически. Всякий труд мне был по силам. Вся самая черная работа по дому лежала на мне: вечером я должен был чистить хозяину и приказчикам сапоги и калоши, чистить ножи и вилки, накрывать приказчикам на стол и подавать кушанье; утром — приносить из бассейна воду, из сарая — дрова, выносить на помойку лохань и отбросы, ходить на рынок за говядиной, молоком и другими продуктами. Все это выполнялось мною чисто, аккуратно и своевременно. Через год я стал камердинером хозяина, служил у него вместе с его близким слугой. Одной из моих обязанностей было сметать пыль и чистить серебряные и золотые части риз и лампад в древней молельне. Здесь я часто слушал назидания хозяина и читал по его совету церковные книги.

Книги получал я в известном порядке и последовательности. Старичок украдкой следил, как я исполняю его завет. Разрешено мне было жечь до 10 часов вечера сальную свечку, но строго приказано не окапать редкие древние книги, которые стоили больших денег.

На этом наша дружба спаялась еще крепче. В торжественные праздники мы ходили с хозяином в Кремль, в Успенский и другие соборы к заутрене.

В доме Шарапова жизнь текла патриархально, по старозаветному московскому укладу.

Покорность, послушание и полное смирение были обязательны для всех.

Так же патриархально, по ветхозаветному укладу велась и торговля. Шарапов торговал мехами, книгами, а у себя на дому и древними иконами, которые у него же и обновлялись искусными и знаменитыми иконописными мастерами, большими знатоками древности. Московские любители старины часто наведывались к Шарапову и покупали у него редкие иконы и древние книги.

Книжная торговля была у Шарапова лишь случайным делом, полученным по наследству от брата. Поэтому в книжное дело он мало вникал и полагался больше на приказчиков.

Большую роль в книжной и картинной торговле играли в то время офени[1]. Это была чрезвычайно своеобразная и, кажется, нигде, кроме России, небывалая торговля.

Вот как она велась в то время, когда я был мальчиком в лавке Шарапова.

В Москву с сентября месяца до Покрова дня (1 октября) съезжались обозами офени Владимирской губернии за книжным товаром. У Шарапова и других книготорговцев они брали картины и книги для развозной торговли по базарам и деревням вместе с иконами, которые заготовлялись для всей России в Холуе [2] и Мстере [2].

Я хорошо помню, как вели торг офени.

В лавку Шарапова приходили толпой мужики и начинали разговоры со старшим приказчиком.

— Здравствуйте, Василий Никитич! Ну как с товаром? По старой ли цене или по новой? Давайте нам книжек и картинок, а мы вам привезли сушеных грибов и холста домотканого.

Торговля в те времена велась и на деньги и меновая. В обмен на картины и книги офени предлагали произведения деревенского труда: несколько тысяч аршин холста (по гривеннику аршин) и сушеных грибов по 30 копеек фунт.

Торг с офенями был очень длителен. Несколько часов шли предварительные разговоры: почем книги, почем картины, в какой цене пойдут грибы и холст, сколько денег потребуется наличными и сколько будет отпущено в кредит.

Когда условия можно было считать окончательно выработанными, приступали к отбору товаров. Это продолжалось иногда не день, а два и даже три дня.

Мужики садились на лавки в ряд у прилавка, и приказчик опрашивал:

— Сколько тебе? Чего тебе?

Перед покупателями раскладывались картины и книги, и начинались веселые шутки и восклицания:

— Святых поменьше, Бовы, Еруслана и Ивана-царевича побольше, песенников помоднее!

— Что ты все нам из году в год одно и то же продаешь! Давно бы тебе пора помоднее товару печатовать. Лет 20 одно и то же таскаем, деревня давно все перечитала. Надоело все одно и то же... И когда, право, ты нам приготовишь товару посмешнее да полишее.

К вечеру первого дня отбора товара покупателей вели к хозяину на квартиру и угощали ужином и водочкой.

— А что бы, Ванюша, нам попариться? Уж больно хороши у вас в Москве бани.

Я был вожа́таем офеней, и на моей обязанности было и угощать их и водить в баню.

На другой день после бани производился расчет.

Мерялся холст, взвешивались грибы, уплачивалась (после больших споров) часть денег, записывались в книгу долги, и офени ехали, наконец, торговать.

Надо сказать, что торговля эта в общем была совершенно нищенская. В год Шарапов торговал на 20 тысяч рублей, а на Нижегородской ярмарке только на 4—5 тысяч в течение полутора месяцев (в покровскую и крещенскую ярмарки только до 3 тысяч рублей).

Чтобы понять ничтожность этой цифры, достаточно сказать, что товар надо было возить (все для тех же офеней) на лошадях из Москвы в Харьков (железных дорог еще не было) и ехать шагом почти 700 верст среди снежных заносов и зимних бурь. Но я был молод и силен (мне было 17 лет), и поездки в Малороссию на больших троечных санях доставляли мне много радости и расширяли круг моих наблюдений.

В Мало́россии, в деревнях, нас зазывали наперебой, и во всех постоялых дворах мы были желанные гости. Нас было много. Ярмарочные обозы тянулись целыми караванами, и мне было в диковинку и малороссийское гостеприимство и малороссийское угощение, когда нам выставляли целые миски жидкого меду с белыми караваями.

Связь моя с офенями, начавшаяся когда я был еще мальчиком, с годами росла и ширилась. Знакомцев и друзей между ними у меня были тысячи.

На Нижегородской ярмарке мне приходилось даже «выдумывать» этих купцов.

Вот как это делалось.

Воскресенье. Вот идет мужик типа некрасовского Власа, в сермяге, крестится на выставленные духовные картины и ужасается вслух на чертей.

— Что, старец, ужас, знать, берет? — говорю ему.

— Да, детко, боязно умирать, если таким вот в лапы попадешь.

— А ты что делаешь? — спрашиваю.

— Я водолив на барже. Дела здесь мало, сидим всю ярмарку на одном месте, отливаем воду из баржи.

— Хочешь, я выучу тебя торговать божественными картинами?

— Ну поучи, милый! Да только как ты выучишь: я неграмотный, до старости дожил — и к торговле не привычен.

— Пойдем в лавку, я подберу тебе картин на полтину серебра, будешь купец: продашь своим водоливам и барыш получишь.

Так мы сговорились начать торговлю с дядей Яковом. Прошла неделя. В следующее воскресенье он весело влетает в лавку, жмет руку.

— Спасибо, молодец, утешил ты меня, старика: ведь я как бы и богу послужил и себе прибыль сделал. Ребятенки мои все раскупили. Давай теперь на весь рубль.

Так дядя Яков за ярмарку приходил раз пять, все увеличивая покупку, и дошел до 5 рублей. Картины продавал все своим же водоливам на большом караване барок. В конце ярмарки дядя Яков пришел уже с товарищем — Леонтием, николаевским солдатом, человеком грамотным. Друзья решили купить товару на зиму, чтобы торговать в деревне. Яков отобрал на 15 рублей, Леонтий — на 8. Подбор надо было сделать умело. Пришлось изменить и самый характер товара. Все было сделано по дружбе.

А через пять лет дядя Яков и Леонтий обучили торговле картинами и книгами более 100 человек. Торговали по всему Орловскому уезду, Вятской губернии. Торговля шла вразнос и вразвоз. Скоро они стали хорошими покупателями на ярмарке. Кроме того, они убедили торговать картинами и книгами и других торговцев в Вятке, Слободском, Котельниче, Яранске и Кукарке. Дядя Яков пользовался у своих учеников особым почетом и уважением. В ярмарку приезжали уж целой компанией. По обычаю им прежде всего предлагалось угощение. Купцы рассаживались за огромным столом, начинался пир. В разгар веселой беседы дядя Яков кричал:

— Иван Дмитриевич, понимаешь ли ты, кто теперь дядюшка Яков? Угадай! Ребятенки,— обращался он к остальным,— кто у вас дядя Яков?

И весь хор в несколько десятков голосов кричал:

— Дядюшка Яков — барин.

— Иван Дмитриевич, вот кто твой дядюшка Яков: барин.

Вообще надо сказать, что торговали офени прекрасно.

Из всей массы офеней (а их были десятки тысяч) некоторые путем больших трудов и лишений превращались впоследствии в настоящих торговцев.

Встречаясь через много лет на Нижегородской ярмарке со своими старыми друзьями, мы часто вспоминали нашу молодость и совместную прежнюю работу.

— Когда же ты, Ванюша,— говорили мне,— займешься настоящим делом? И как только тебе не надоест с таким дерьмом возиться? Всю жизнь человек чужим умом торгует, из всякой головы черпает и продает.

Я, как умел, отмалчивался.

— Кто к чему приставлен, братцы... Вот вы говорите — дерьмо, а сами ко мне в лавку за дерьмом присылаете... Значит, интересно.

Как особенно яркую фигуру мне хочется помянуть здесь одного из моих друзей, Ф. Я. Рощина, который тоже начал с офенства.

В маленькую лавочку на ярмарке в селе Холуе Владимирской губернии пришел как-то ко мне деревенский оборвыш.

— Что тебе?

— Да товарцу бы.

— Кто ты?

— Я сирота, подпасок. Три года пас скотину. Вот скопил 5 рублей. Ребята наши торгуют книжками и картинами. Вот и я хочу попробовать... Поучи, сделай милость. Дай товарцу на 4 рубля, а рублик оставлю на харчи. Да поверь рублика на 3 с легкой руки, христа ради. Уплачу, будь покоен.

— Грамоте знаешь?

— Нет, неграмотный.

Он стал вынимать деньги (они висели у него на кресте), распахнул сермягу — весь голый: вместо рубашки клочья висят.

Вот какой кредитоспособный купец!

А кем стал этот голый, безграмотный подпасок?

Купцом города Яранска Вятской губернии, попечителем школ, почетным гражданином Яранска!

Под конец жизни он пошел по иному пути.

В страшной глуши, в стороне от путей сообщения и вдали от города, в лесу, он построил женский монастырь. Зажег свою лампаду и умер...

Вспоминая тысячи лиц, промелькнувших передо мной, я чувствую к тебе глубокую благодарность, мой дорогой брат офеня.

Ты объединил нас не только с городом, но и с каждой деревенской избой.

Упорным трудом пробиваешь ты себе путь к благополучию. Полжизни пройдет в тяжком труде, пока тебя оценят. А сколько из них погибнет на этом непосильном пути!

Нужно быть сильным, крепким, чтобы выйти на дорогу жизни.

По мере развития дела росла и моя дружба с хозяином. Наши отношения с ним вообще были патриархальны, жили мы по старинке. Я чувствовал себя не столько служащим и приказчиком, сколько членом семьи или воспитанником в доме воспитателя.

Как отец сыну, Шарапов дарил мне шубу, костюмы и делал другие подарки. Как отец сына, он распекал меня за молодые шалости и провинности.

Помню, как досталось мне однажды, когда я провел воскресный вечер с манухинскими приказчиками и явился домой в одиннадцатом часу вечера.

Это было неслыханное нарушение домашних правил. У Шарапова все мы ужинали в 9 часов и сейчас же отходили ко сну. Без разрешения хозяина никто не смел уходить со двора. Поэтому мое возвращение в одиннадцатом часу произвело неизгладимое впечатление.

Мне отворил дверь сам хозяин с фонарем в руках. Оказывается, он не ложился и был в большой тревоге.

— Ты где это пропадал до полуночи? Как тебе не стыдно тревожить меня, старика? Где твоя совесть?

Я в полном смущении пролепетал:

— Простите, христа ради, Петр Николаевич... Это больше никогда не повторится.

Моей работой Шарапов был всегда доволен. Не раз он говорил мне:

— Работай, хлопочи — все твое будет. Я передам тебе лавку по духовной (детей у Шарапова не было). Вместо жалованья я мог брать денег, сколько нужно, на мелкие расходы. Помещение, стол и платье были хозяйские.

В 1876 году я попросил у хозяина позволения жениться.

Мне было тогда 24 года, и по молодости лет я еще не думал серьезно о браке, но наш переплетчик Гаврила Иванович Горячев, работавший для Шарапова, задумал меня сосватать и, как водится, обратился с этой мыслью прежде всего к моему хозяину.

— Петр Николаевич, Ванюшу вашего женить бы пора. Парень он молодой, как бы чего худого не вышло...

— А что ж, это ты, парень, дело говоришь...

— Да как же, в молодых годах мало ли что бывает: сегодня вожжа под хвост попадет, завтра попадет — что хорошего?

Хозяин мой очень хорошо знал, как велики были соблазны Нижегородской ярмарки, где разгул был почти обязателен для торгового человека, так как покупатели (в особенности сибиряки) требовали, чтобы каждая сделка была вспрыснута. И это соображение окончательно склонило его к мысли, что меня надо женить.

Со мной переплетчик Гаврила Иванович заговорил о моей женитьбе только после того, как договорился с хозяином.

— Что ж, Ваня, пора, брат, тебе и жениться... Будет болтаться холостяком.

— Да тебе какая забота?

— А я тебе невесту сосватаю... Очень подходящая девушка есть на примете...

— Ну сосватай...

Так полушутя, полусерьезно подошел я к решению этого важнейшего жизненного вопроса.

В виде особой ко мне милости хозяин мой согласился поехать на смотрины невесты вместе со мной. Но так как он боялся разговоров, то из скромности сделал это тайно.

— Ты иди вперед и подожди меня на Таганке, а я вслед за тобой на извозчике приеду.

На Таганке мы встретились и пошли пешком уже вместе... К нам присоединился и сват Горячев.

Отец невесты был кондитер для свадебных балов, человек пожилой и вдовый. Дочери его, Евдокии Ивановне, было только 16 лет.

Я не знал своей невесты, но года за два перед тем, на свадьбе Горячева, я видел ее подростком.

Нас приняли очень любезно и запросто, но так как нас не ждали, то никакого специального угощения приготовлено не было.

— Что ж, Иван Ларионович, принимай гостей, угощай нас хоть чаем...

Украдкой я все поглядывал на невесту.

Красивенькая, совсем юная, тихая девушка, она бесшумно скользила по комнате.

— Насколько весело, Евдокия Ивановна, проводите время? — обратился я к невесте.

— Какое же у нас веселье? Мы для чужого веселья работаем: для свадеб, балов. А наше удовольствие тогда, когда в церковь пойдешь или в театр с папашей съездим...

Разговор не клеился. Шарапов молчал, как сыч, безмолвствовал и хозяин дома. Было тягостно и неловко.

Но когда мы с Шараповым очутились уже на улице, язык у него наконец развязался.

— Что же, невеста ничего... Жена будет хорошая. Но папаша — как есть солдафон...

Через несколько дней мы еще раз увиделись с Евдокией Ивановной — в Нескучном саду и объяснились, а недели через две сыграли и свадьбу.

Перед свадьбой отец невесты вручил мне обещанное приданое — четыре тысячи рублей процентными бумагами. Но когда хозяин мой, Шарапов, рассмотрел эти бумаги, то воскликнул:

— Ах, солдафон! И тут триста рублей нажил! За эти бумаги четырех тысяч не дадут.

Свадьба была обычная купеческая, с музыкой и танцами, очень веселая и многолюдная.

С молодой женой я поселился в двух небольших комнатках в доме хозяина, на антресолях. Как приказчик и человек служащий, я должен был жить, не меняя порядка в доме и ни в чем не нарушая того уклада, который создала старая экономка и домоправительница Шарапова Степанидушка.

Степанидушка пользовалась в доме Шарапова таким же непререкаемым авторитетом, каким в лавке пользовался Шарапов.

Слово ее было законом, и все мы так привыкли к послушанию и беспрекословному повиновению, что никому и в голову не приходило жить «по своей воле» и, даже в личной жизни, не считаться с хозяином и его Степанидушкой.

Для меня это было привычкой, но для молодой жены моей, приученной к самостоятельности в доме отца, могло показаться и тяжеловато.

Тем не менее мы с женой были очень счастливы и радостны. Я весело готовился к Нижегородской ярмарке и старался поспеть с товаром к 15 июля, а свадьба наша была 26 мая. Таким образом, так называемый медовый месяц проходил для меня в усиленном труде по подготовке и отбору товара. Но жилось все-таки радостно: целый день в труде и хлопотах, целый

день в лавке с покупателями, а вечером на антресолях в своей семье, в своем углу, в своем тепле. Женатая жизнь меня очень занимала, и в мои 24 года мне даже странно было сознавать себя женатым человеком и, так сказать, главой семьи. «Главой» я еще никогда не был и привык жить не по своей воле, а по воле хозяина и Степанидушки.

К 15 июля товар был готов, и, простившись с молодой женой, я уехал на ярмарку руководить делом.

Но уже 1 августа ко мне в гости приехала жена, и я в первый раз после свадьбы услышал слова жалобы:

— Друг мой, я не хочу тебя огорчать, но мне трудно, очень трудно будет ужиться в чужой семье. Ты что-нибудь придумай. Там надо быть рабой, покорной, бессловесной исполнительницей всех прихотей Степанидушки... Я не могу, мне тяжело... Да и они со старичком тяготятся нами и, слышно, хотят разойтись...

Я предчувствовал, что это должно было случиться, но не думал, что так скоро. Две хозяйки в доме, как два кота в одном мешке, уживаются трудно, а тут еще одна была молодая и зависимая, а другая старая и привыкшая к полной, самодержавной власти в доме.

Мне стало жалко жену.

— Ты не сокрушайся... Я все вижу и все знаю сам. Потерпи, пока ярмарка кончится. А там, бог даст, я устрою для нас другую жизнь, самостоятельную. Будь покойна, все образуется и все хорошо будет.

А ярмарка между тем проходила, как и всегда, шумно, весело, суетливо. Старик Шарапов тоже приехал к нам на недельку погостить и остался чрезвычайно доволен моей торговлей. Мы поднесли ему хорошую выручку.

— Слава богу, слава богу,— все повторял хозяин.— Поначалу все хорошо, а что конец скажет?

— Бог даст, и конец сведем, Петр Николаевич...

— Ты-то, пожалуй, сведешь, книга у тебя бойко идет, а вот с мехами у меня никак не наладится, денег мало платят. Ну, пойдем, что ли, обедать вместе, угостить тебя хочу за труды твои... Да жену зови... Пойдем кутнем немножко...

Воспользовавшись хорошим настроением хозяина, я в этот же приезд его завел речь о своей мечте, которая меня в то время чрезвычайно занимала.

— Давно, Петр Николаевич, хотел я просить вашего позволения, чтобы мне после ярмарки литографию открыть и машину Алозье[4] из Франции выписать...

— Что такое?

Я подробно изложил свой план: теперь я женат, моя семья может расшириться с появлением детей, и надо зарабатывать по крайней мере тысячу рублей в год, чтобы свести концы с концами. Я же за труды свои в книжной торговле получаю только триста. Но я не хочу обременять хозяина: сколько получал, столько и буду получать, и ни о какой прибавке нет речи. Но если я заведу литографию да разовью дело, так польза будет и мне, и хозяину.

— Вы подумайте, Петр Николаевич: машину, камни, станки и все принадлежности мне дадут, я уже говорил с Флором. Вся смета — семь тысяч рублей. Четыре тысячи приданых денег у меня есть, а на три тысячи мне дадут кредит на 6 месяцев. Только просят ваш бланк на векселе. Вот я и надумал: чтобы быть вам спокойным и обеспеченным сполна, я все сделаю на ваше имя: литография будет ваша, а вы меня не обидите.

Шарапов хотя вообще и не любил никаких новшеств, но на этот раз дал свое согласие.

— Ладно, ты парень удачливый и оборотистый, может быть, и дело выйдет...

Так решена была судьба той маленькой, почти любительской литографии, которая легла в основу огромного, многомиллионного дела.

С ярмарки я перевез молодую жену уже на новую квартиру и всю душу свою отдал новой литографии. Весело, бодро, точно на крыльях, летал я по маленькому помещению, и радость самостоятельной работы наполняла мне душу.

В литографии у меня сами собой подбирались новые, свежие, молодые силы. Печатники и художники шли ко мне с радостью, и хотя их было не много, но все это были люди надежные и талантливые. Два печатника, несколько рисовальщиков, пять рабочих и я как руководитель дела — вот каков был личный состав литографии.

И, однако же, дела наши сразу пошли блестяще. Наши художники оказались лучше всех, наши печатники — лучше всех, и картины, как по сюжету, так и по краскам,— опять-таки лучше всех. Покупатели положительно рвали товар из рук и торговались не о цене, а о количестве. Мы

далеко не могли удовлетворить всех требований рынка и поневоле ограничивали наших заборщиков.

Как было условлено, весь выработанный товар поступал в лавку Шарапова с уступкой 10% и от Шарапова шел уже в короба офеней.

Год прошел блестяще. Все были довольны, и успех окрылял всех работников молодого дела.

Но через несколько месяцев после сведения годового баланса началось то, чего следовало опасаться. Печатники и рисовальщики, у которых скопились лишние деньжонки, задумали отделиться от нас и создать свое новое дело.

— Зачем нам на всю мастерскую работать? Лучше свое дело завести. На машину у нас есть, все дела мы знаем, и все покупатели к нам пойдут.

Я не стал их уговаривать и подчинился обстоятельствам. Вскоре они действительно создали свое маленькое дело, и между нами началась ожесточенная конкуренция. Конкуренты мои вскоре перессорились, один другого выбросил из дела, и потерпевший ко мне же пришел жаловаться.

— Иван Дмитриевич, Мишка меня из дела выкинул. Возьми меня опять к себе...

Взять я не мог, в литографии у меня все новые ребята были, и дело шло превосходно. Никакого расчета не было повторять неудачный опыт и принимать в работники бывшего хозяина. Я, однако, по-приятельски помог ему создать собственную литографию и уступил в рассрочку машину. Вообще, несмотря на то что мы конкурировали в деле, наши личные отношения от этого нисколько не страдали и до седых волос мы сохранили дружбу. Когда мое дело превратилось впоследствии в крупное товарищество на паях, оба мои конкурента сделались нашими пайщиками и друзьями.

Но я забегаю вперед.

Главный успех нашей маленькой литографии совпал с русско-турецкой войной[5]. Мне пришла в голову счастливая мысль дать карты военных действий и батальные картины.

Это так увеличило наше производство, что мы едва успевали готовить товар. А затем, уже в 1882 году, большой толчок нашему делу дала Всероссийская промышленная выставка[6], где были и наши экспонаты. На выставке я получил мою первую награду — медаль.

Успех литографии превзошел самые смелые мои ожидания. На всем Никольском рынке[7] мы стояли положительно вне конкурса. Но я объясняю это только тем, что я внес кое-что новое в торговые приемы.

Я шел на риск — приглашал лучших рисовальщиков и первоклассных мастеров, никогда не торговался с ними в цене, но требовал высокого качества работы. Я, наконец, следил за рынком и с величайшим старанием изучал вкусы народа.

Вот, в сущности, и все, что я внес в дело. Но результаты это дало поразительные.

Вскоре заказы так завалили нас, что мы задыхались в маленькой литографии и надо было серьезно думать о капитальном расширении дела.

Но мой хозяин Петр Николаевич Шарапов был человек старого склада и большой «тихоход» и в делах и в торговле. Расширение дела испугало его.

— Нет, Ванюша, мне это не в пору,— говорил он.— Я люблю потихоньку да полегоньку, а ты будешь шагать все дальше и дальше. Мне за тобой не угнаться. Давай лучше разойдемся. Довольно ты у меня поработал. Открывай свою лавку и будь сам хозяин, а я тебе помогу.

Расстались мы ласково, тихо, с душевной грустью. Я почитал Шарапова, как отца, а он относился ко мне, как к сыну, и обоим нам была тяжела разлука. Отваливался целый пласт жизни, уходили в прошлое и детство, и юность, и начиналась новая, неведомая жизнь на свой риск и на свой страх.

Но, чтобы выучиться плавать, надо броситься в воду. И я бросился. Однако до конца дней Шарапова я сохранил к нему самые теплые чувства, и сейчас, когда мне идет уже восьмой десяток, я вспоминаю о нем, как о моем первом друге, хранителе моего детства и наставнике моей юности.

1 января 1883 года на Старой площади, у Ильинских ворот, появилась новая книжная лавочка, где хозяином был молодой 33-летний малый, здоровый, сильный, не боявшийся никакой работы и жадно присматривавшийся к жизни.

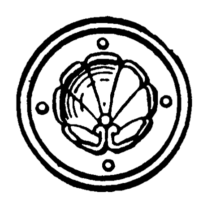
Лавочка моя была более чем скромных размеров: 10 аршин в длину и 5 в ширину. Она не отапливалась, и зимой в ней замерзали чернила. Но торговля шла бойко, и с легкой руки хозяина — Шарапова, отпустившего в кредит на пять тысяч рублей товару, дело сразу стало на рельсы. Уже через месяц после открытия торговли состоялось учреждение Товарищества.

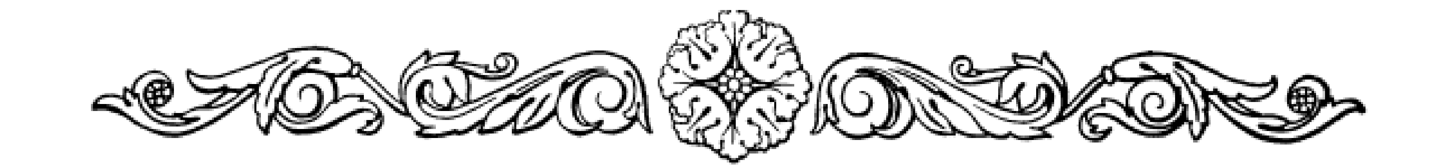
И. Д. Сытин, Д. А. Варапаев, В. Л. Нечаев и И. И. Соколов заключили между собой договор об учреждении книгоиздательского Товарищества на вере под фирмою «И. Д. Сытин и К°» с основным капиталом в 75 тысяч рублей сроком на шесть лет. Прилив капитала оживил молодое дело, и поле для предприимчивости и торговой инициативы сразу расширилось.

С первых же дней своего существования Товарищество стало подумывать об издании народного календаря. Дело это было для меня новое, очень большое, очень значительное и требовавшее большого напряжения сил.

Однако, не отказываясь от новых идей и предприятий (иногда весьма широких), мы все-таки крепко держались и за наши традиции, уделяя много внимания тем двум китам, на которых стояло все наше дело,— лубочным народным картинам и лубочной народной книге.

Моя издательская деятельность началась с картин, и картинам же я обязан первыми успехами на издательском поприще. Еще будучи приказчиком у Шарапова, я своей первой маленькой литографии отдал всю мою любовь. По ночам и рано утром, пока не открывалась лавка Шарапова, я работал с таким увлечением, точно в литографии и в картинах был весь смысл моей жизни.

ЛУБОЧНЫЕ КАРТИНЫ

чень давно известны в нашем народе лубочные картины — не менее 300 лет. Может быть, за эти три века картина дала русскому деревенскому человеку гораздо больше, чем книга. Ведь неграмотные по количеству своему всегда преобладали над грамотными, и это одно делало картину и доступнее и популярнее. Чтобы прочитать книгу, надо было знать грамоту, чтобы видеть картину, надо было иметь только глаза.

Лубочная картина на Руси своими корнями уходит в далекое прошлое. Первоначально лубок служил лишь для украшения царских палат и боярских хором. У царевича Алексея Михайловича была целая коллекция таких картин. И когда Алексей Михайлович стал царем, картины перешли в распоряжение маленького Петра и учителя его дьяка Зотова. В свободное от псалтыря время Зотов развлекал и занимал своего ученика картинками.

Как печатался в старину лубочный товар?

Всегда в одну краску (черную) и всегда на очень плохой, серой бумаге.

В таком виде картины поступали в раскраску от руки, чем в зимнее время занимались деревенские девушки и бабы. Конечно, эта раскраска

производилась до невероятности грубо. Бабы красили заячьей лапкой «по ногам и по носам», и платили им за такую работу по четвертаку с тысячи. Короче сказать, по своему качеству это походило на обыкновенное детское раскрашивание картинок, когда нос у солдата мог быть голубой, а сапоги красные [1].

Д. А. Ровинский нашел, однако, в старых лубочных картинах множество настоящих перлов, в которых чувствовалась живая сатирическая мысль и где не только замысел, но и само исполнение свидетельствовали о нераскрывшемся таланте и о громадных художественных задатках. На одно из первых мест он ставит картину «Погребение кота» [2].

Это картина сатирическая, написана она, быть может, человеком старой веры под несомненным впечатлением петровских гонений на старину вообще и на старообрядцев в особенности. Картина, как полагают, появилась вскоре после смерти Петра, и сатирик изобразил великого царя в виде огромного усатого кота, лежащего на санях со сложенными на груди лапами. В задке саней, держась за хвост усопшего, сидит кошка, а вместо лошадей запряжен шестерик мышей. Мышь же исполняет обязанности кучера. Мыши, конечно, составляют и похоронную процессию, и каждая держит в лапках какой-нибудь символический предмет, намекающий на Петрово время.

Под картиной имеется следующая надпись:

«Небылица в лицах найдена в старых светлицах, завернута в черных тряпицах. Жил-был кот Заморский, а родом Задонский, Котофевна Астраханка, а родом Казанка. Вот как мыши кота погребали, своего недруга провожали, ему честь отдавали. По прозванью Кот Котофеич, он часто пил ерофеич. Невзначай он много выпил ерошки и вздернул кверху ножки... Котофевна так и ахнула, слезами залилась, стала думать и гадать, куда Котофеича девать. Она была небогата, но только слишком торовата, посылала звать гостей изо всех волостей, по лесам и по полям, по амбарам, по клетям. Скоро мыши собрались и за дело принялись. Пошла стряпня, рукава стряхня, жарили-варили, Котофеича хвалили, блины допекали, свово недруга поминали. Коту ноги накрепко связали и на большие дровни поднимали, а Котофевну сзади посадили. Котофевна горько плакала-рыдала и причеты причитала и за хвост Котофеича держала. Так мыши кота поминали и ерофеич допивали».

Сатира в лубочных картинах — явление сравнительно редкое. Смех стоял как бы на последнем месте, а во главе угла были вопросы «вечные», занимавшие ум человека во все времена и у всех народов: о жизни и смерти, о богатстве и бедности, о добре и зле, о грехе и искуплении.

Первобытный народный художник, или, вернее, рисовальщик, старался, как умел, ответить на эти вопросы. На первом плане по тому времени стояли, конечно, картины религиозно-нравственного содержания: спаситель, богородица, христианские мученики, святые...

Рядом с картинами религиозными следует поставить картины назидательные: «Ступени человеческого века» [3], «Жизнь и пути праведника», «Жизнь и пути грешника», «Пьянство — злейший враг человечества», «Древо добра» и «Древо зла» [4].

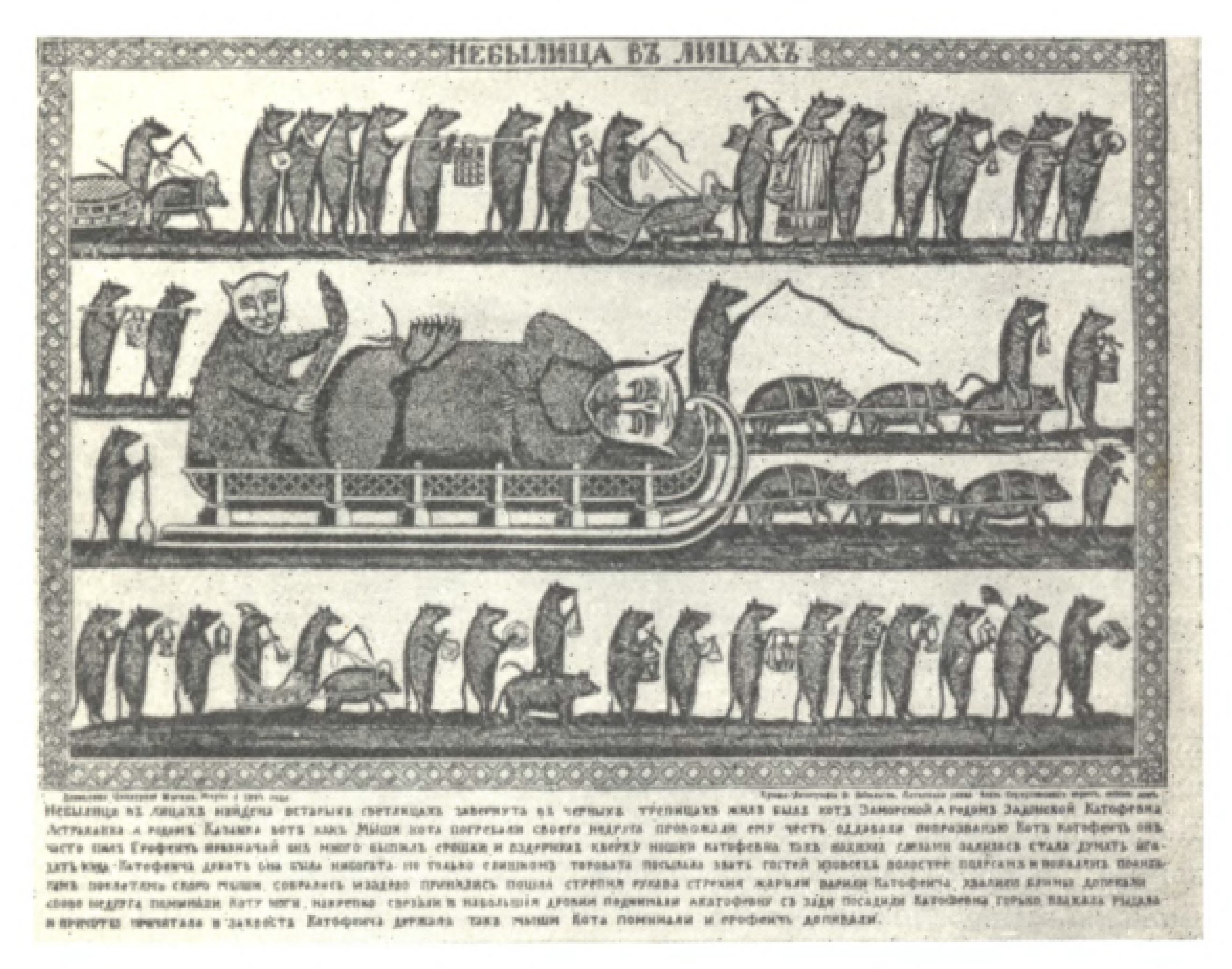
С особенным вниманием разрабатывали народные художники излюбленную тему о богатстве, о стяжании, о скупости. Неумирающий образ Кощея фигурирует во всех видах, и подписи под картинами свидетельствуют, что назидание здесь переходит в сатиру. Кощей всегда жаден, ненасытен и глуп, и даже добрые, благотворительные дела Кощея всегда оканчиваются посрамлением. Не хочет народ помощи от Кощея и с насмешкой отворачивается от его, Кощеевой, благотворительности.

Обслуживая религию и мораль, русская лубочная картина в то же время немало послужила и отечественной истории. О событиях государственной важности (войны, перемена государей, присоединение новых областей и пр.) русская деревня узнавала не только из «высочайших манифестов». Об этом сообщали и картины Никольского рынка. И Никольский рынок был всегда ближе, понятнее и доступнее народу. Не только совсем безграмотный, но и малограмотный русский человек очень часто находил свою «политическую информацию» в коробе офени. Газет было до смешного мало, да и те, которые были, печатались на непонятном народу языке.

Книга была редкостью и продавалась только в столицах. Целые области России ни книжных магазинов, ни типографий не имели совсем. Книготорговец, если бы и хотел, не мог довести до своих читателей сведения о новых изданиях. Все было окутано густым, почти непроницаемым мраком бескнижия и безграмотности, всей русской жизнью правила маленькая горсточка людей, сидевших в Петербурге за высокими стенами дворцов. Народ же в лесах и полях «безмолвствовал» и только от коробей-

ников или от прохожих солдат узнавал, что судьбы его вершит кто-то, что этот кто-то думает за него и расписывается в книге судеб человеческих за неграмотного.

При таких обстоятельствах картина Никольского рынка получала совершенно своеобразное и, можно сказать, универсальное значение. Она

Лубок «Небылица в лицах»

исполняла роль газеты, книги, школы и учителя гражданственности. Безграмотный крестьянин, затерянный в дебрях сибирской тайги или муромских лесов, узнавал о многих событиях только тогда, когда ему говорила об этом картина.

Пришел в деревню коробейник и рассказал, что война на Кавказе окончилась и в подтверждение своих слов показал картину «Сдача Шамиля с Мюрядами».

Пришел еще коробейник и сообщил, что в России провели «чугунку», или железную дорогу, которая «сама собой, без лошадей ходит». И опять в подтверждение своих слов, чтобы люди не считали его вралем, показал картинку с изображением поезда, да еще и «стихами ударил»:

Близко Красных ворот
Есть налево поворот.
Место вновь преобразилось,
Там диковинка открылась.

А дальше идет уже объяснение, в чем состоит «диковинка»:

Тамо див увидишь много,
Там чугунная дорога...
Небывалая краса.
Это просто чудеса.
В два пути чугунны шины,
По путям летят машины,
Не на тройке — на парах,
Посмотреть — так прямо страх.

Все, что делает в настоящее время газета, в старые годы делал коробейник со своими картинами, как до коробейника и до книгопечатания делали «скоморохи, люди вежливые», или странствующие балагуры и актеры.

Правда, следует сказать и то, что Никольский рынок искал не столько истории, сколько «диковинки», и потому, случалось, изображал на своих картинах «Александра Македонского на коне с войском на слонах». Но в подавляющем большинстве сюжеты выбирались все-таки из отечественной истории: «Мамаево побоище», «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «Царь Иоанн Грозный», «Иван Сусанин», «Петр Великий на коне с подзорной трубкой в руке впереди войска, идущего на штурм крепости», и другие.

Русские войны всегда находили отзвук в картинах Никольского рынка. Тон картин в большинстве случаев был, так сказать, барабанный, и наши базарные живописцы любили проповедовать ту мысль, что «наша матушка Расея всему свету голова».

Батальные картины, даже крупных художников-баталистов (если не считать Верещагина), выполненные для Никольского рынка, всегда отличались бравурностью сюжета и антихудожественным «патриотизмом».

Кроме сюжетов военных разрабатывались и сюжеты мирные, хотя и не в таком количестве и далеко не с таким воодушевлением.

Батальная картина, носившая злободневный характер, хвастливо кричала на весь деревенский базар и на всю городскую площадь: «Эй, Микадо, будет худо, разобьем твою посуду!» [5]

Лубок «Железная дорога»

Мирная картина говорила о «Крещении Руси», о равноапостольном князе Владимире, о свержении в Днепр Перуна, о Киево-Печерской лавре. В батальной картине считалась почти обязательной значительная доля наглости, бахвальства и политического ухарства, тогда как в мирной картине историческая мысль горела, как лампада, зажженная рукой дедов

и прадедов: «Освобождение крестьян», «Народы России», «Присоединение Сибири», «Пожар Москвы».

Еще Ровинский обратил внимание, что сатирический отдел лубочных картин за некоторым исключением не блещет ни остроумием, ни широкой наблюдательностью. Без преувеличения можно сказать, что это самый слабый отдел в художественном творчестве этого рода. Но так как русскому народу в высшей степени свойственны и остроумие и живой, всеми огнями переливающийся юмор (чего стоят в этом отношении одни русские пословицы и поговорки!), то исследователи готовы были видеть в этой сатирической бедности влияние цензуры.

— От нее все качества.

Очень может быть, конечно, что доля правды тут есть, но возможно, однако, что слабое внимание, которое уделяли сатире художники, объяснялось просто-напросто законами рынка. Спрос на сатиру был невелик, и предложение соответствовало спросу. Деревня очень бережет копейку, и истратить деньги на «пустяковину», на «зубоскальство» или шутку казалось ей зазорным. Иное дело — купить Николая-чудотворца, «Страшный суд» или спасителя. Эти картины можно повесить в избе рядом с образами. А так как выбор картины в деревне всегда предоставлялся отцам семейства, старикам, то понятно, почему сатирические картины стояли на втором плане.

Кто может купить картину с изображением пройдохи-свахи или дурака-жениха? Солдат, молодой парень из заводских, приказчик, половой из трактира, волжский матрос и вообще неженатый хлопец городского склада. Ему будет интересно, и он будет хохотать, глядя на картину, где развалился на диване разодетый жених, которому сваха читает «роспись приданого».

«Я читать буду, слушай, жених,— не вертись, что написано — не сердись».

Для городского парня самый перечень приданого может показаться верхом остроумия: «Серьги золотые из меди литые, четыре браслеты на девичьи щиблеты, платье из материи море мор с Воробьиных гор, салоп меховой, три лисьих овчинки, да на сто рублей починки, перина из ежова пуха, колочена в три обуха, кровать об трех ногах, полено в головах, на дворе петух да курица, а в поставе грош да медная пуговица. Ножик, вилка, чашка да кошка Машка. Если вам, сударь, моя роспись в честь, то извольте посмотреть и невеста здесь».

Конечно, такая сатира могла производить впечатление только на «молодых лакеев», как говорил Л. Н. Толстой. Крестьянину и вообще человеку деревни она была чужда и непонятна даже в бытовом отношении. В деревнях не так женятся: и женихи, и свахи там другие. И оттого на широкий сбыт среди крестьянского потребителя такая картина рассчитывать, конечно, не могла. Гораздо больше успеха имели сатирические картины, затрагивающие деревенский быт и особенно баб-щеголих. Одна из таких картин — «Урок мужьям-простакам и женам-щеголихам» имела успех. На картине был изображен мужик, выводящий со двора корову и лошадь, и баба, играющая на свирели, а перед бабой — коза, пляшущая на задних ногах.

«Баба мыслит ухитриться, чтоб получше нарядиться. Стала мужу говорить, стала ласково просить: продай лошадь и корову да купи ты мне обнову».

Глупый муж согласился, и вот на том же листе изображены последствия его малодушия: пришла зима, и мужик запряг в сани бабу, чтобы ехать в лес за дровами. Тут баба образумилась и запела уже другую песенку: «Ты продай обнову, купи лошадь и корову».

Вообще следует заметить, что рисовальщики Никольского рынка, как люди городские и оторвавшиеся от народного быта, редко выбирали сюжеты своих картин из чужой для них деревенской жизни. Их творчество тянулось в город, на улицу, и, может быть, оттого сатирическая народная картина не получила своего развития.

Примечательно, однако, что даже привлечение к лубочной работе настоящих крупных художников и больших талантов не помогло делу. У нас был опыт. Две картины бытового и шуточного характера принес в «дар» Никольскому рынку художник Микешин, но и он не имел того успеха, на который имел право по своему таланту.

Первая картина изображала чудесно написанную русскую красавицу, полнотелую щеголиху, положившую руку на бедро и приготовившуюся к пляске.

Внизу картины подпись: «Это наша Катерина — намалевана картина».

А вверху другая: «Перед мальчиками ходит пальчиками, перед зрелыми людьми ходит белыми грудьми». Эта картина очень нравилась в городе и прошла почти незамеченной в деревне.

Другая картина того же Микешина — «О мужике Епихе» [6] понравилась. У мужика Епихи пристала кобыла, а цыган посоветовал помазать у кобылы под хвостом скипидаром. Простодушный Епиха послушался и помазал. Кобыла как пустится вскачь — не догнать Епихе. Тут опять цыган посоветовал применить то же средство к мужику, и наскипидаренный Епиха «пошел махать во всю силу».

Рисунок Микешина исполнен прекрасно, и все фигуры полны грубого, но сочного юмора. И однако же успех картины не соответствовал таланту автора. Васнецов дал для Никольского рынка картину «Страшный суд», но не только не затмил прежнюю, старую картину, написанную на ту же тему неведомым художником, но даже не повлиял на ее сбыт.

Старая картина нравилась больше новой, и деревенский покупатель не изменил своей традиции.

Очевидно, есть в народном вкусе своя устойчивость, которая слагалась веками и от которой народ отказывается не легко.

Рядом с неведомым, наивным рисовальщиком прошлых столетий, изобразившим «Страшный суд», Васнецов кажется настоящим исполином. Но вот деревня прошла мимо исполина и почему-то тянулась к старому, привычному.

Наша фирма делала эти опыты неоднократно и привлекала к лубочной работе самых прославленных, самых талантливых художников. Но результаты почти всегда были одни и те же.

Живо помнится, как лихорадочно готовился я к выставке 1882 года, где в первый раз должны были предстать перед судом просвещенного общества лубочные картины, издаваемые мной.

На выставку ожидали царя Александра III, должны были прийти все выдающиеся художники, писатели, и это меня вдвойне волновало.

Московский городской голова Алексеев, председатель выставочного комитета, дал мне отличное место на выставке — рядом с художественным отделом. А академик Боткин, заведовавший этим отделом, принял самое теплое участие в моем молодом, только что начавшемся деле. Он долго рассматривал мои картины, нашел их художественно грамотными и дал совет пользоваться для нашей лубочной картины произведениями старых прославленных мастеров.

Выставка прошла прекрасно. В день открытия пожаловали важные гости: царь с царицей и два сына — Николай и Георгий и с ними князь

Черногорский. Весь выставочный комитет встретил царя, и начался обход. Все смолкло, притихло, все вытянулось и застыло. После того как гости осмотрели художественный отдел, Боткин повел гостей к моему лубочному павильону. Всей группой они встали вокруг. Царь смотрел, и ему понравились некоторые лубки. Царица просматривала детские книги, а Боткин наскоро отобрал ей несколько книжек в подарок.

Из павильона гости последовали в печатный отдел, где у меня работала первая изготовленная в России печатная машина (до этого в России своих печатных машин совсем не было). Машина печатала портреты царской семьи и князя Черногорского. Тут же в присутствии гостей было отпечатано несколько десятков экземпляров. Мои лубки были признаны образцовыми, но, как крестьянину, мне присудили только бронзовую медаль. Может быть, не все это знают, но в России был такой закон: люди податного сословия, крестьяне не могли получать золотых медалей...

Я помню, что тогда меня это очень обидело...

Но хотя впоследствии, когда я был уже купцом, мне присудили на выставках в России и за границей больше двадцати медалей (и по преимуществу золотых и больших золотых), первая, бронзовая, «крестьянская» медаль долго сидела в моей памяти, была для меня дороже всех золотых.

В последние двадцать лет лубочные картины в нашем производстве, на мой взгляд, значительно изменились к лучшему. Я не забыл совета, данного мне академиком Боткиным, и привлек к лубочной работе все наличные художественные силы страны. Благодаря дружескому отношению к нам русской интеллигенции (литераторов и художников) над картинами для народа стали работать такие люди, о которых Никольский рынок не смел никогда и мечтать, так что картины наши стали лучшим украшением каждой деревенской хаты.

Печатали мы их в семи красках хромолитографии на плотной бумаге, и в продажу они шли по две и по четыре копейки штука.

Сюжеты выбирались как «духовные», так и «светские» и отвечали самым разнообразным вкусам огромного крестьянского океана.

Каждый год мы продавали свыше 50 миллионов картин, и по мере развития в народе грамотности и вкуса содержание картин улучшалось.

Насколько это предприятие разрослось, можно видеть из того, что, начавшись с одной маленькой литографской машины, оно потребовало затем напряженной работы пятидесяти печатных машин.

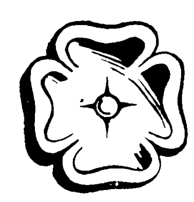
Этот гигантский рост спроса объясняется, конечно, и тем, что с заказами к нам стали обращаться народные школы. Картины служили наглядными пособиями по географии, этнографии, биологии, истории. Издательство обратило особенное внимание на портреты исторических лиц и на чудеса русской природы. Реки, озера, Кавказские горы, опасные переправы, а также губернские города, Петербург, Москва, знаменитейшие здания России — все это изображалось на картинах. Школьные стены, как и мужицкие избы, были увешаны нашими произведениями.

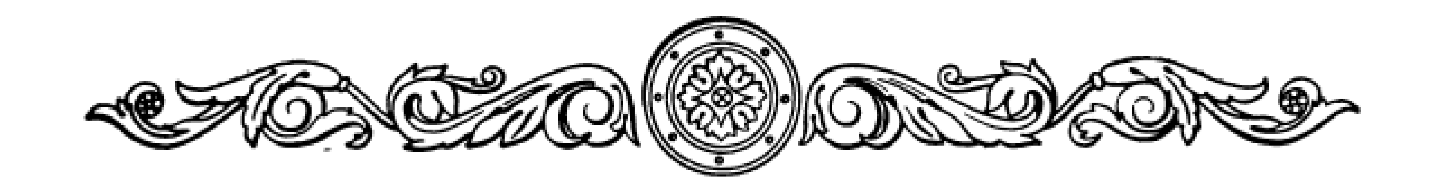
Не помню сейчас, как велик был общий тираж лубочной картины, но, конечно, это были цифры астрономические: сотни миллионов, а может быть, и весь миллиард наберется.

Продажа картин очень заметно отразилась и на сбыте книг. Картина тянула книгу, а книга — картину.

Но картина шла все-таки больше, так как торговля картинами не была затруднена административными стеснениями. Каждая картина рассматривалась как простой товар, и каждый торговец имел право продавать этот товар без специального разрешения губернатора.

Особенно разрастался спрос на картины великим постом, перед пасхой. Всего более, однако, покупались картины на Украине, где хозяйки наперебой друг перед дружкой спешили убрать свою хату «ради праздника»...

КНИГА ДЛЯ НАРОДА

дновременно с большой работой над картинами наша фирма продолжала и свою обычную работу Никольского рынка — печатала во множестве народные книги.

Какие это были книги? Да все те же, над которыми столько лет, не переставая, смеялась настоящая русская литература: «Бова», «Еруслан», сонники, песенники, произведения молодых и старых авторов Никольского рынка. Народный роман, народная повесть создавались, так сказать, в литературном подполье, куда никогда не проникал луч света и куда никто из настоящих писателей даже не заглядывал.

Никольский рынок сам творил и сам издавал, сам искал и находил свои, особые пути к полуграмотному деревенскому читателю.

В качестве издателя Никольского рынка я знал всех наших авторов лично, и многие из их произведений прошли через мои руки.

Особняком от литературы, никому не ведомые, всеми презираемые, делали свою писательскую «карьеру» авторы Никольского рынка.

Кто они, откуда, и как пришла им в голову мысль взяться за перо и творческую работу?

Недоучившиеся семинаристы, убоявшиеся бездны книжной премудрости, и всякого рода изгнанники учебных заведений, запьянцовские чиновники, нетрезвые иереи и вообще неудачники всех видов, потерявшие профессию, утратившие репутацию и похоронившие надежду.

Миша Евстигнеев, Коля Миленький, Суворов, Кузнецов — кто теперь знает и кто помнит эти имена?

А между тем это была в своем роде «плеяда», создавшая первоначальный тип «народного» романа с головокружительными приключениями и с невероятными ужасами.

Как оплачивался каторжный труд этих литературных нищих?

Никак не оплачивался: это было скорее подаяние, чем литературный гонорар.

Авторы получали от трех до пяти рублей за печатный лист (36 маленьких страничек), и произведения их всегда продавались в полную собственность издателя.

Ни один нищий не мог бы прожить на такой гонорар, но никольские писатели как-то ухитрялись жить и даже заливали вином свои неудачи. Среди них были, впрочем, и свои «аристократы» и «корифеи».

Миша Евстигнеев, писавший повести, романы, письмовники, самоучители танцев и все вообще, что «закажут», считался самым популярным автором. Его гонорар был от пяти до десяти рублей за лист. Он работал для фирмы Манухина, которая почти монопольно пользовалась его трудами.

Суворов, автор многочисленных исторических повестей и романов, был человек лохматый, с малиновым носом и вечной пьяной улыбкой.

Робко останавливался он у порога купеческой лавки и ласково говорил:

— Не будет ли, Иван Дмитриевич, какого заказа? Заказали бы вы мне, право, исторический роман в двух частях...

Такого же типа человек был и Коля Миленький, поставлявший товар в духе пинкертоновщины.

Он, кстати, был родным братом прославленного московского фельетониста Алексея Пазухина.

Коля Миленький был за какие-то провинности исключен из гимназии. Он много пил, был неопрятен в одежде и отличался удивительной робостью. Все переговоры о продаже своих произведений он вел обыкновенно с при-

казчиками и очень редко — с хозяином. Бывало войдет бочком в лавку, остановится у притолоки и шепотом спрашивает приказчиков:

— А «сам» в лавке?

— Нету, в трактир пошел чай пить...

— Вот что, Данилыч, голубчик... Принес тут я одну рукопись... Ужасно жалостливая штучка... Ты прочитай и пущай «сам» прочитает, а я после за ответом зайду... Очень жалостливо написано, плакать будешь...

Из всех авторов, кажется, один Коля Миленький домогался, чтобы его произведения предварительно прочитывались издателями. Остальные на этом не настаивали, и надо сказать правду: Никольский рынок никогда не читал рукописей, а покупал, так сказать, на ощупь и на глаз.

Возьмет купец в руки роман или повесть, посмотрит заглавие и скажет:

— «Страшный колдун, или Ужасный чародей»... Что ж, заглавие для нас подходящее... Три рубля дать.

Заглавие определяло участь романа или повести. Хлесткое, сногсшибательное заглавие требовалось прежде всего. Что же касается содержания, то в моде были только три типа повестей: очень страшное, или очень жалостливое, или смешное. Эта привычка покупать «товар» не читая и не читая же сдавать его в печать иногда оканчивалась неприятностями. С пьяных глаз или просто из озорства авторы всучивали покупателям такие непристойности, что издатель хватался потом за голову и приказывал уничтожить все напечатанное.

Случались, конечно, и плагиаты. Работая по три рубля за лист, никольские авторы широкой рукой прибегали к «заимствованиям». Но плагиат, даже самый открытый, даже беззастенчивый, не считался грехом на Никольском рынке. Иногда в этих грехах литературной молодости бывали повинны и такие люди, которые впоследствии стали широко известны русской читающей публике.

Не могу обойти молчанием следующий достопримечательный случай, свидетелем которого сделала меня судьба. Однажды в самом начале моей самостоятельной торговли за два дня до рождества ко мне в лавку зашел молодой человек, или, точнее сказать, мальчик лет 14—15. На дворе было холодно, а молодой человек был одет не по сезону: длинный, с чужого плеча сюртук, осенняя шляпа с широчайшими полями и на ногах валяные боты.

— Что прикажете, молодой человек? — спрашиваю я.

— Вот не купите ли у меня рукопись?

Озябшей, синей от холода рукой он протянул мне эту рукопись. Я взял, развернул... «Страшная ночь, или Ужасный колдун»...

— Что ж,— говорю,— молодой человек, заглавие для нас подходящее... А сколько вы хотите за ваше произведение?

— Давайте 15 целковых...

— Не дороговато ли будет...

— Уж сделайте милость,— говорит,— дайте 15... Вы видите, я в нужде, праздники подошли...

— Да вы кто такой, чем заниматься изволите?

— Да ничем еще... Меня только недавно из училища исключили...

— Что так? Набедокурили, значит, в училище.

— Нет, ничего особенного не было, а просто я под партой разные шутливые штучки на учителей писал, вот и выключили... А теперь вот повесть написал... Только вы уже сделайте одолжение, 15 рублей положите за нее... Мне очень нужно...

— Ну что ж,— говорю,— молодой человек, пусть будет по-вашему... Пишите на обратной стороне расписку, что я, нижеподписавшийся, продал И. Д. Сытину в вечное владение настоящую рукопись мою «Страшная ночь, или Ужасный колдун»...

Взял он перо, а рука от холода и писать не может. Уж он дул, дул в свои синие кулаки, а потом еле-еле нацарапал расписку и внизу подписал: «Власий Дорошевич»...

Заплатил я деньги, 15 рублей, и жалко мне стало этого молодого человека. Весь синий, озяб, дрожит (лавка моя не отапливалась) и все в кулаки дует.

— Вы,— говорю,— молодой человек, в случае чего наведывайтесь ко мне в лавку... Может быть, у меня и работишка какая-нибудь найдется.

Расстались мы друзьями, я отдал в набор «Ужасного колдуна».

Но через некоторое время прибегает ко мне встревоженный корректор (человек с образованием, из семинаристов) и говорит:

— Иван Дмитриевич, как бы чего не вышло с вашим «Ужасным колдуном».

— А что такое?

— Да ведь это,— говорит,— повесть Гоголя... Непременно отвечать будете...

— Ах ты, задача какая... Что ж теперь нам делать?

— А больше ничего,— говорит,— как переделать эту повесть.

Как на счастье, вскоре пришел и мой молодой человек, и мы мирно и даже благодушно покончили наше недоразумение.

— Ежели хотите, Иван Дмитриевич, я все могу переделать.

— Нет,— говорю,— все-то не надо, лучше Гоголя не напишете, а страниц десять переделайте по-новому, чтоб скандалу не было.

Таковы были нравы и традиции Никольского рынка.

Маленькая, неотапливаемая лавочка, и в ней «издатель», покупающий у исключенных гимназистов повести по одному только заглавию.

Чутьем, однако, я понимал, что все мы делаем не то, что надо, что мы срамим самих себя, свою торговлю и то великое дело, которому служим.

В русской литературе нельзя, кажется, указать ни одного произведения, которое прожило бы 300 лет и не растеряло бы своих читателей.

Жизнь книги почти так же коротка, как и жизнь человека: 50, 75, очень редко 100 лет — и затем наступает забвение и смерть.

В этом смысле можно сказать, что старинные библиотеки, переходящие от поколения к поколению, похожи скорее на кладбище человеческой мысли, чем на обычные книгохранилища.

Лежат на полках покойники в деревянных и кожаных переплетах, как в гробах, и целые десятилетия проходят, пока какой-нибудь ученый смахнет пыль с того или другого томика и заглянет в него, чтобы навести справку.

Но вот странность: в народно-лубочной литературе есть книги, которые живут и читаются больше 300 лет.

Бова-королевич и Еруслан Лазаревич, вероятно, были современниками Бориса Годунова или, по крайней мере, Алексея Михайловича.

Повесть о Бове-королевиче у нас очень долго считали сказкой, и притом русской сказкой, хотя более поздние изыскания с несомненностью установили, что это итальянский рыцарский роман.

Герой романа — Буова из города Анконы на русской почве стал Бовою из города Антона.

Итальянские рукописи этого романа, как говорят, восходят к XVI столетию.

Значит, Буове из Анконы уже лет 400—500.

А Бове из Антона, вероятно, лет 300.

Старше Бовы в наших сказках только Еруслан Лазаревич, но и Еруслан принадлежит к произведениям заимствованным и никак не может считаться русским.

Это Уруслан Залазарович — национальный герой Ирана, он же Рустем, сын Залзары.

Повесть о нем и о его славных подвигах вошла в национальную эпопею XI века «Шах-Намэ» поэта Фирдоуси. Но не оттуда заимствовал его русский народ. Не у Фирдоуси, а из тех устных вариантов, которые были распространены среди персидского народа, причем русский пересказчик кое-что переделал и кое-что добавил применительно ко вкусам и традициям своей страны.

В чем же, однако, дело? Почему русский народ сотни лет рассказывает эти чужие сказки и никогда не устает слушать их?
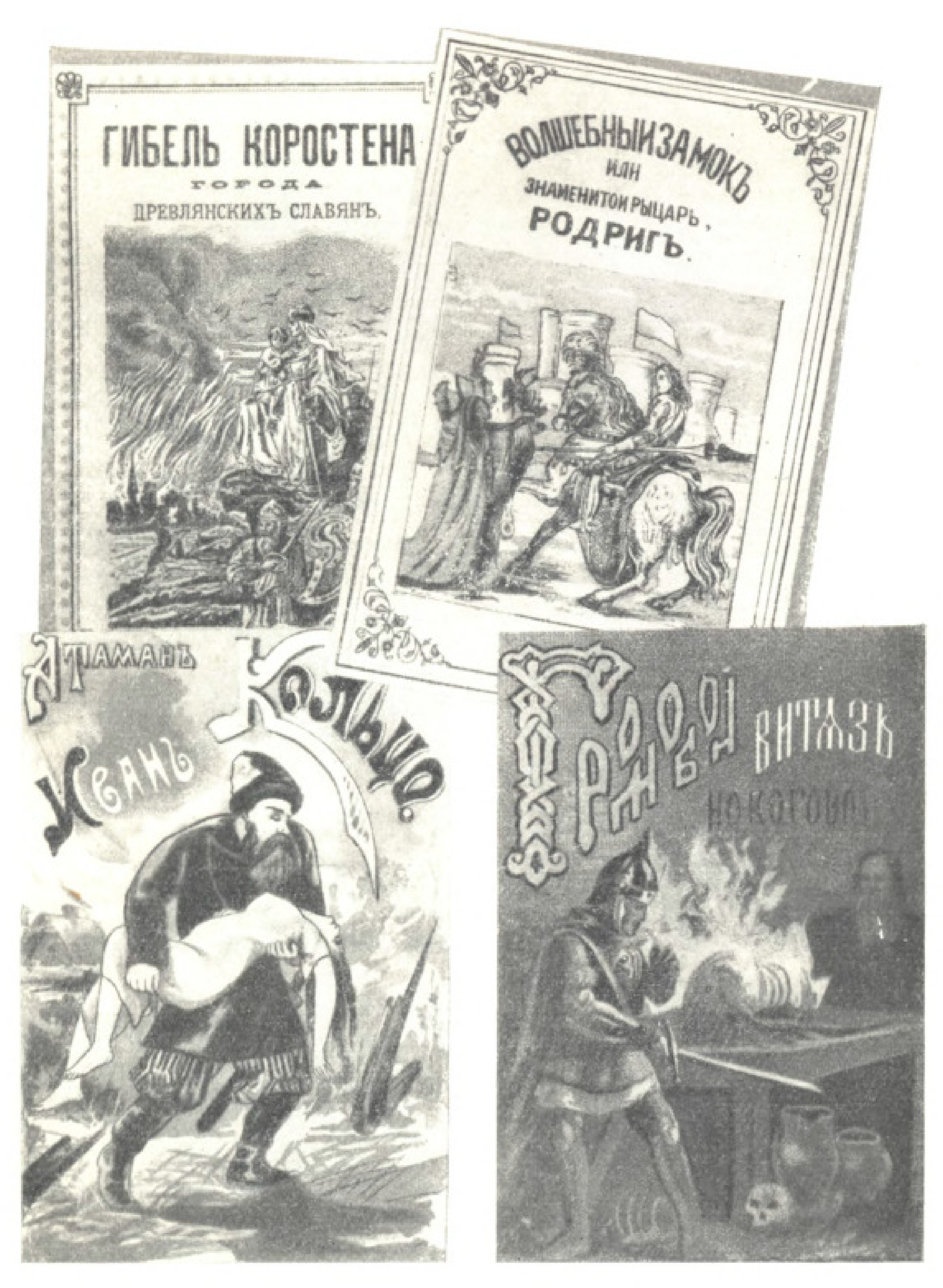
Очевидно, героизм, которым пропитаны оба сказания, неизменно нравится русскому народу. Приключения, опасности, торжество над врагами и подвиги пленяют воображение. Проходят целые столетия, а художественное обаяние этих образов не теряет своей силы.

Такой же притягательной силой обладали многие другие народно-лубочные произведения более поздней эпохи: «Повесть о милорде английском Георге» [1], «Францыл Венециан» [2] и другие.

Для народа был уже доступен и Толстой, и Пушкин, а «глупый милорд», как назвал его Некрасов, так прижился в русской деревне, что еще долго не хотел уходить из нее.

Но постепенно повести из русской жизни стали вытеснять «глупого милорда» и другие сюжеты. Большой успех по части сбыта имели «Шут Балакирев» (эпоха Петра), «Как солдат спас жизнь Петра Великого», «Ермак, покоритель Сибири», «Таинственный монах» и более поздние — «Мазепа», «Полтавский бой», «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа». Приключения разбойников, их героизм, их отвага и доброе сердце были одной из излюбленных тем. Успех «Разбойника Чуркина» [3] вызвал массу подражаний и внес в лубочно-народную литературу, так сказать, целую «разбойничью» струю.

Но лубочный разбойник, чтобы иметь успех, должен быть благороден. Простой душегуб, лишенный всякого героического оттенка, вызовет только отвращение.

Лубочные книжки издания И. Д. Сытина

Третью группу лубочных произведений составляют повести, романы и рассказы, заимствованные из нашей общей литературы. Достойно внимания, что литературные произведения в их чистом виде почти никогда не появлялись в лавках Никольского рынка. Я уже говорил, что никольский писатель старого времени почти не делал разницы между словами «писать» и «списать». Плагиат считался явлением самым обыкновенным. Поэтому почти все произведения наших больших и даже великих писателей появлялись на Никольском рынке в сокращенном или, во всяком случае, измененном виде.

Повесть Гоголя «Вий» в издании Никольского рынка называлась «Три ночи у гроба». Повесть «Страшная месть» названа «Страшный колдун».

Текст этих повестей уже не вполне гоголевский.

Никольский писатель всегда относился к чужому литературному произведению совершенно так, как мы относимся к народной песне. Кто-то сложил песню, а я хочу спеть ее по-другому, по-своему. Разве нельзя? Кому принадлежит песня? Никому, хозяина у нее нет. Как хочу, так и пою, а вы хотите — слушайте, хотите — нет, дело ваше.

Эти «писатели», не имеющие даже отдаленного представления о «плагиате», заимствования и переделки не считали грехом... Какой-нибудь Миша Евстигнеев совершенно запросто говорил:

— Вот Гоголь повесть написал, да только у него нескладно вышло, надо перефасонить.

И «перефасонивал». Сокращал, изменял, менял заглавие.

Я, конечно, понимал, что подобное «перефасонивание» — дело не очень хорошее, но традиции лубочной книжной торговли были еще очень живучи и ломать их следовало с терпением.

Уже намного позже стали появляться в лубочных изданиях произведения русских писателей в их настоящем виде: «Капитанская дочка», «Дубровский», «Недоросль», басни Крылова и даже «Горе от ума». Но другие, более объемные произведения, такие, как «Юрий Милославский» Загоскина, «Князь Серебряный» А. Толстого, издавались с сокращениями, а «Князь Серебряный» много раз переделывался и переписывался, причем и заглавие появилось новое: «Князь Золотой».

До изобретения книгопечатания русский народ был един в своих художественно-литературных вкусах. Сказка, песня, былина, жития святых и

рукописная повесть были одинаково доступны и одинаково интересны и для бояр, и для царя, и для крестьянина.

Но со временем дело изменилось: стало как бы два народа — образованный и необразованный, они с трудом понимали друг друга и далеко расходились в своих художественных вкусах и в своем художественном творчестве. Это историческое несчастье наше всего ярче было заметно в тех схоластических спорах, которые велись в свое время по вопросу о том, что читать народу.

Теперь даже странно вспомнить, как много наивного было сказано и сделано по этому поводу.

Одни полагали, что для народа нужна какая-то особая литература, которая должна заняться мужиком и мужицким интересом, и что эту литературу должна «сделать» интеллигенция. «Старший брат» (под ним мыслилась интеллигенция) должен учить (всегда «учить», непременно «учить»!) «меньшого брата». То, что создано литературным творчеством до сих пор, не годится. Надо создать новое, мужицкое, народное.

Так говорили и думали порою люди огромных дарований, большого ума и самых добрых устремлений...

Не странно ли в наше время читать «яснополянские» статьи Л. Н. Толстого, где он говорит, что русская литература «так же, как и откупа, есть только искусная эксплуатация, выгодная только для ее участников и невыгодная для народа». «У нас есть «Современник», есть «Современное слово», есть сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И все эти журналы и сочинения, несмотря на давность существования, неизвестны, не нужны для народа и не принесут ему никакой пользы» [4].

Очень близко к этой «яснополянской» точке зрения стоял и публицист Н. К. Михайловский. «У нас, — говорил он, — часто называют Пушкина общечеловеческим поэтом. Это замечательно неверно. Пушкин есть поэт по преимуществу дворянский, и потому его способен принять близко к сердцу и образованный немец, и образованный француз, и средней руки русский дворянин. Но ни русский купец, ни русский мужик ему большой цены не дадут...» [5]

Эти странные, сгоряча высказанные мнения покоились, конечно, только на догадках. Толстому казалось, что Пушкин не нужен народу, и Михайловский «догадывался», что купец и мужик останутся холодны

к нашему национальному поэту. Но насколько эти догадки были справедливы?

Я произвел опыт и на основании опыта беру на себя смелость утверждать, что и Л. Н. Толстой и Н. К. Михайловский были на тысячу верст от действительности.

Я издал Пушкина в количестве 100 тысяч экземпляров, и издание разошлось с замечательной быстротой и с блестящим успехом.

Я точно так же издал Гоголя (тоже в 100 тысяч экземпляров), и издание разошлось с такой же головокружительной быстротой.

Совершенно очевидно, что если бы Пушкин и Гоголь не были близки и понятны русскому народу, то он не расхватал бы 200 тысяч книг в короткое время. Сказалось тут, конечно, и то, за какую цену продавались книги: пока Пушкин продавался по 5 рублей за полное собрание сочинений, он был недоступен народу. Но когда я стал продавать всего Пушкина по 80 копеек, а Гоголя — по 50 копеек, то спрос на книги этих писателей превысил самые смелые мои ожидания.

Между тем мнение Толстого и Михайловского было как бы законом для русской литературы, и целое поколение русских писателей предприняло сизифову работу по созданию особой, отдельной «народно-крестьянской» литературы.

Этот литературный «заказ» для мужика делался, конечно, по мерке, снятой народниками и народничеством, причем «Русское богатство» [6] дало и программу этого странного заказа в виде двух основных тезисов: 1) «литература общества недоступна и непригодна народу» и 2) «народу-крестьянину (?) необходима теперь книга, специально для него написанная, из его жизни, в его духе и его языком».

Это было началом того «прогрессивно-крестьянского» направления в литературе, которое отняло у русских писателей десятки лет очень напряженного и очень старательного, но никому не нужного труда. Прогрессивно-крестьянские сапоги были сшиты, но заказчик отказался их надеть и продолжал ходить в своих лаптях.

Народ решительно не захотел сделаться народником. Образцы этого «народного» творчества всем хорошо известны. «Старший брат» стал поучать «меньшого брата» и донимать его душеспасительным словом. Никто не спрашивал, хочет или не хочет мужик «учиться», и все его «учили».

Как и всякий рядовой читатель, мужик ждал от книги занятного, интересного, увлекательного чтения, а его со всех сторон гвоздили нравоучениями. Вместо писателей к нему пришли проповедники и требовали от него терпения, нестяжания, всепрощения, непротивления и покаяния.

Достаточно привести несколько заглавий этих добродетельных, но адски скучных книжечек, чтобы понять, как они были «поучительны». «Не гонись за большим — малое потеряешь, или Как крестьянин наживал деньги в Москве», «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь», «Максим-самоучка, или Дошел до дела», «Чужое добро — одно страданье да гибель», «Тонул, да выплыл, или Похождения мужичка в Питере», «Не в деньгах счастье».

Как же отнесся к этой мармеладной литературе народ?

На этот счет в книге Х. Д. Алчевской «Что читать народу?» есть очень яркие свидетельства.

Харьковские учительницы, читавшие в воскресной школе рассказ г-на Красова «Четыре брата» (издание «Русского богатства»), пишут: «Все это до того деланно и неестественно, что нам положительно было стыдно читать громко этот рассказ перед взрослыми ученицами воскресной школы».

А те же учительницы, читавшие «Битву русских с кабардинцами» и «Гуака», «с удовольствием рекомендуют» эти книги для народного чтения и отмечают, что книги произвели на аудиторию «самое хорошее впечатление».

Но эта попытка создать особую, народную литературу все-таки имела и свою хорошую сторону.

Опыт учит, и в результате выяснились следующие, ныне уже проверенные и бесспорные истины: никакой отдельной литературы для народа создать нельзя, да и не нужно; первоклассные писатели всех наций для народа доступны и понятны; как и все читатели, народ не терпит скуки и презирает «сюсюкание», т. е. подделку под народный язык и народный разум.

И еще выяснилось, что книга должна быть дешева, что для книги нужна опора в виде внешкольного просвещения народа.

Народный театр, воскресные курсы, литературные вечера, лекции, выставки, музеи и даже кинематограф — вот что повышает в народе спрос на книгу. «Книжные словеса суть реки, напояющие вселенную»,— сказал

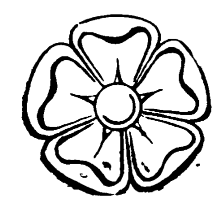
летописец. И не следует думать, что для мужика и для народа нужны особые реки, текущие народническим млеком и нравоучительным медом. Пусть только реки будут чисты и пусть текут, а напиться из них мужик и сам сумеет.

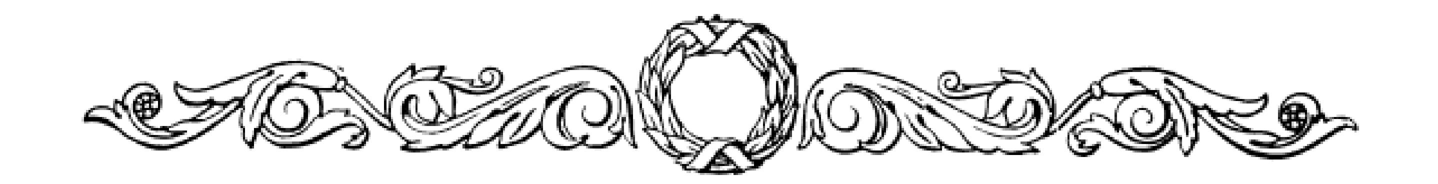
Мой издательский опыт и вся моя жизнь, проведенная среди книг, утвердили меня в мысли, что есть только два условия, которые обеспечивают успех книги:

— Очень интересно.

— Очень доступно.

Эти две цели я всю жизнь и преследовал.

КОНЕЦ ОФЕНЕЙ

До 1877 года книжная и картинная торговля велась так: во всех концах России существовало множество книгонош-офеней — русских, славян и венгерцев; все они появлялись на ярмарках со своим товаром.

В базарные дни все эти торговцы появлялись на базарных площадях, предлагая книжный товар собравшемуся народу, в другие же дни ходили по деревням с коробом за плечами из избы в избу, показывая здесь свой товар, расхваливая его и предлагая его собравшейся около короба деревенской публике, с которой они умели говорить понятным ей языком.

Таким образом они сбывали свой товар, переходя из деревни в деревню. Торговля шла бойко, и книги попадали в самые глухие деревни.

Для снабжения книгами офеней имелись в разных городах и местечках России у местных торговцев крупные склады книг, картин, галантерейных и других товаров, поэтому торговля офеней была достаточно обеспечена быстрым и удобным получением товара.

Разрешение на право торговли эти местные торговцы имели или от губернаторов, или от городничих, офени же не имели никаких свидетельств или получали их от местной полиции.

Позднее, когда на книжном рынке появились книги первоклассных русских писателей в дешевом издании, это вызвало резкое неудовольствие цензурного начальства и в особенности всесильного К. П. Победоносцева. Вскоре мне пришлось вести личную беседу с этим временщиком.

Победоносцев вызвал меня для объяснения. Свидание произошло в Москве, на Никитской улице, в доме синодального хора, после окончания всенощной, которая специально служилась для Победоносцева.

— Ваше превосходительство приказали мне явиться. Моя фамилия Сытин.

— Сытин...— на бледном недобром лице с большими усами появилось изумление.

— Так это ты Сытин? Вот он какой Сытин...

Победоносцев ущипнул себя за нижнюю губу и сквозь круглые очки окинул меня пристальным недобрым взглядом с головы до ног.

— Скажи мне, Сытин, как это тебе позволили печатать в народном издании Льва Толстого и других еретиков нашей православной церкви?

— Ваше превосходительство, я ничего не печатаю без разрешений нашей светской и духовной цензуры. Все, что напечатано, было разрешено и одобрено цензурным комитетом.

— Знаю... Очень знаю нашу дуру-цензуру. Она сама не понимает, что разрешает. А я тебе говорю: ты сам должен быть своим цензором. Мы тебе эту пакость запретим. Прекрати сеять в народе эту толстовщину.

Я молчал.

А Победоносцев все пощипывал свою нижнюю губу, переваливался с каблуков на носки и продолжал:

— Я говорил по делу твоих изданий с М. Н. Катковым. Он тебя вызовет и объяснится.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Разговор на этом закончился. Победоносцев кивнул своей бледной мертвой головой, и мы расстались.

На другой день я поехал к Каткову. Он принял меня стоя в своем кабинете.

Это был грузный, полный, высокий мужчина, пудов десяти весом. Очень красивое, барственное лицо, роскошная шевелюра с проседью.

Не протягивая мне руки и не здороваясь, он начал:

— Послушайте, Сытин, что это вы обижаете нашего старика Победоносцева? Он мне говорил, что вы печатаете какие-то зловредные книги Толстого и тому подобное.

Я повторил только то, что говорил Победоносцеву.

— Ваше превосходительство, я печатаю все то, что печатает и Петербургский комитет грамотности [1]. Все, что печатается, разрешено цензурой.

— Но вы же знаете, что Толстой — атеист и что он вносит в народ ересь. Комитет вам не указ: вы идете в народ, вы распространяете книги через офеней — это большая разница. И имейте в виду, что этих покупателей мы у вас отстрижем.

Катков говорил властным тоном, не терпящим возражений, — тоном неофициального, но полномочного вельможи, которому все позволено и который все может.

Я пробовал было возражать. Я говорил, что офени торгуют не только произведениями Толстого, что в коробе каждого офени есть и молитвенники, и псалтыри, и евангелие и что народные книжки Толстого тонут в этом коробе, как капля в море.

— Согласитесь, ваше превосходительство, что мужику негде будет купить ни молитвенника, ни псалтыря. Не ехать же ему для этого в город? Да и в городе разве он знает, где купить и что купить?

Но Катков упорно стоял на своем.

— И не нужно мужику молитвенников. Все, что ему надо, он услышит в церкви. А больше ему ничего и не требуется.

Ледяной тон тучного барина дышал такою непреклонностью, что мне не оставалось ничего больше как замолчать. Я видел, что все мои доводы, которые я считал неотразимыми, отскакивали, как горох от стенки, от этого барственного, заматерелого презрения к народу.

Результатом этой беседы, которая велась все время стоя, было то, что через шесть месяцев все офени и всякие вообще торговцы книгами вразнос были обязаны представлять свидетельство о благонадежности, получать специальное губернаторское разрешение на право торговли книгами.

Когда разносчикам, т. е. главным деятелям, двигавшим на своих крепких спинах книжную и картинную торговлю России, урядники объявили, что отныне офени не имеют права торговать без губернаторского разрешения, тотчас же сотни разносчиков оставили совсем книжную торговлю вследствие неумения и непонимания, как ходатайствовать о разрешении. При деле остались лишь самые состоятельные из офеней, торгующие по городам и торговым селам.

На местных постоянных торговцах эта мера также сказалась отрицательно, потому что в некоторых местах стали давать разрешение только на специально книжную торговлю, а не на смешанную с другими товарами, как было прежде. Но в то время в уездном городе торговля одними книгами была немыслима, так как книги не составляли еще в России такой необходимой потребности, как посуда или ситец, да и покупатель не привык идти специально покупать книгу: он покупал книгу попутно с другими товарами, когда книга попадала ему на глаза.

Приведу несколько примеров, доказывающих мои слова.

В Великом Устюге было прежде десять местных торговцев народными книгами, и общий оборот их равнялся 6 тысячам рублей. Так как всем им было воспрещено торговать книгами совместно с другими товарами, то из десяти осталось только двое, и они производили торговлю всего не более как на 3 тысячи рублей. Таким образом, здесь торговля сразу сократилась наполовину. В Туле произошло то же самое. В Сызрани дело шло очень хорошо. Здесь им занимались солидные местные торговцы, но, конечно, при других товарах, и оборот народными книгами здесь доходил до 10 тысяч рублей. Всем им, однако, была воспрещена книжная торговля при других товарах, и из-за этого в городе осталась только одна книжная лавка Умновой, которая еще тащила свое дело, производя оборот не более 1500 рублей в год.

Это одно способно было убить всякую мелкую торговлю, но на горе офеней с них потребовали еще предъявления каталогов с обозначением всех книг, находившихся у них в коробах.

В итоге огромное дело, которое выросло на русской земле само собой, без всякой помощи правительства и без малейшего его содействия, погибло безвозвратно. Доступ книги к народу был сильно затруднен. Пока работали офени, мужик мог приобрести и картинку и книгу даже без денег. Он мог выменять их за ночлег и за кормежку лошади, за кусок хлеба, за ужин, за

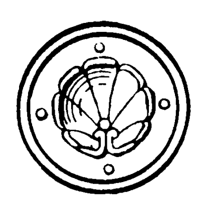

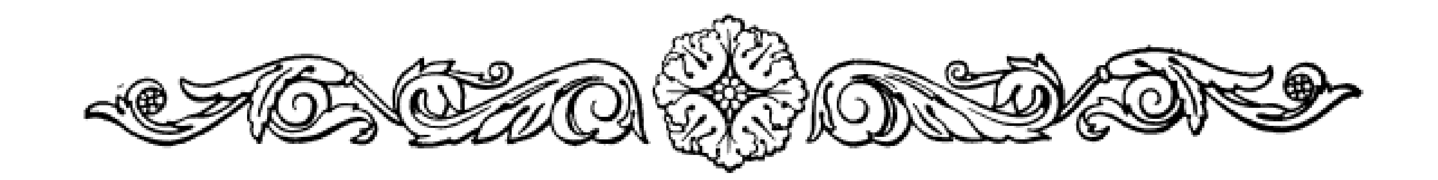
Картина Н. Кошелева «Офеня в деревне»

крынку молока. От мужика теперь потребовалось, чтобы он сам ехал в город за книгой, ибо книга потеряла доступ к мужику и не шла больше к нему через офеню.

Чтобы как-нибудь смягчить этот разгром книжного рынка, приходилось отдельных офеней превращать в городских книготорговцев и открывать бесчисленные отделения центральных московских издательств. Но это была капля в море, и спасти дело она не могла.

Книга стала городским товаром, строго запрещенным даже на фабриках и заводах и совершенно недоступным копеечному деревенскому покупателю.

«ПОСРЕДНИК»

отя работа над лубочной книгой и составляла мою профессию с детских лет, но все изъяны Никольского рынка я очень хорошо видел. Чутьем и догадкой я понимал, как далеки мы были от настоящей литературы и как переплелись в нашем деле добро и зло, красота и безобразие, разум и глупость. Но как выйти из положения? Как завязать связи с недосягаемым для нас миром настоящих писателей и настоящей литературы?

Случай, однако, помог мне, и все вышло, как в волшебной сказке. Прямо от Миши Евстигнеева и Коли Миленького я шагнул к Льву Толстому и Короленко.

Вот как это вышло.

Шел ноябрь 1884 года. В один счастливый для меня день в лавку на Старой площади зашел очень красивый молодой человек в высокой бобровой шапке, в изящной дохе и сказал:

— Меня направил к вам В. Н. Маракуев... Моя фамилия Чертков. Я бы хотел, чтобы вы издали для народа вот эти книги.

Он вынул из кармана три тоненькие книжки, изданные Петербургским комитетом грамотности, и одну рукопись. Это были толстовские «Чем люди живы», «Два старика» и «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова. Для меня это была полная и очень счастливая неожиданность.

С большим интересом выслушал я это предложение и поблагодарил В. Г. Черткова за внимание к читателю лубка. В дальнейшем наше соглашение приняло такую окончательную форму. Первая серия книг шла бесплатно. Дальнейшие книжки могли быть платными, причем авторский гонорар не должен был превышать существовавшего тогда гонорара для дешевых народных книг. Печать, бумага и другие расходы по изданию составляли 65 копеек на сотню листовок, а продавались по 80 копеек за сотню. Издатель обязан уплачивать авторам гонорар, если материал платный, также и художникам за рисунки. На Черткове лежала работа по редакции, корректуре и художественной части изданий. Здесь он был полный хозяин. Расходы по оплате гонорара одних авторов уравновешивались бесплатным материалом других авторов, благодаря чему книжки можно было продавать не дороже лубочных. Книжки, поступившие через Черткова, были всеобщей собственностью. Издатель права собственности на них не имел. Печатать мог каждый желающий.

Так начались издания «Посредника».

Делу этому я посвятил всю мою любовь и внимание.

Книжки по тому времени вышли необыкновенные: дешевые, изящные, с рисунками Сурикова, Репина, Кившенко и других. Дешевизна их сильно помогала распространению. Перед этим подобные книжки начал издавать Петербургский комитет грамотности, но по цене 7 копеек за книжку. Мы выпустили по 80 копеек за 100 штук. Успех издания увлек Черткова. Он всей душой отдался этому делу: открыл в Петербурге контору и склад «Посредника» и привлек большую группу работников и вообще сочувствующих. Изданием дешевых книг для народа интересовались и другие просветительные учреждения, близкие нашему издательству. Многим хотелось дать народу хорошую книгу. Но все начинания кончались малыми результатами. Выходило 5—6 книжек, недоступных по цене для народа, затем все прекращалось. «Посредник» же неутомимо работал и в короткое время дал народу целую серию великолепных дешевых изданий.

Наша совместная работа с В. Г. Чертковым продолжалась лет 15. Что это было за время! Это была не простая работа, а священнослужение. Я вел

свое все развивающееся дело. Рядом шло дело «Посредника». Я был счастлив видеть интеллигентного человека, так преданного делу просвещения народа. Чертков строго следил, чтобы ничто не нарушило в его изданиях принятого направления. Выработанная программа была святая святых всей серии. Все сотрудники относились к этому начинанию с таким же вниманием и любовью. Л. Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок. Любил он ходить ко мне в лавку, особенно осенью, когда начинался «слет грачей», как мы называли офеней, которые с первопутком трогались в путь на зимний промысел — торговлю книгами и иконами. В это время в лавке часто собиралось их до 50 человек сразу. Офени сами отбирали себе книги и картины. Целый день шла работа, слышались шутки, анекдоты. В это время любил заходить в лавку Л. Н. Толстой и часто подолгу беседовал с мужиками. Он ходил в русской одежде, и офени часто не знали, кто ведет с ними беседу. Льва Николаевича всегда дружески встречал наш кассир Павлыч, большой балагур.

— Здравствуйте, батюшка Лев Николаевич,— встречал он великого писателя.— А сегодня у нас, касатик, грачи прилетели. Ишь, в лавке какую шумиху несут. Уж очень шумливый народ-то. Иван Дмитриевич им языки-то размочил — хлебнули, теперь до вечера будут галдеть, а к вечеру, батюшка, в баню будут проситься. И водим, касатик, водим.

Лев Николаевич смеется, отходит к прилавку, в толпу:

— Здравствуйте. Ну, как торгуете?

— Ничего, торгуем помаленьку. А тебе, что же, поучиться хочется? Стар, брат, опоздал, раньше бы приходил.

Павлыч суетится, видит, что они дерзят Толстому, как простому мужику.

— Вы, ребята, понимаете, с кем говорите? Это ведь сам Лев Николаевич Толстой.

— Так зачем же он оделся по-мужицки? Иль барское надоело. Дал бы нам, мы бы поносили.

Искренне, от души смеется Лев Николаевич.

— Ну, Лев Николаевич, побеседуй с нами. Мы, брат, работники, труженики. Мучаемся, таскаем вот сытинский товар всю зиму, а толку мало: грамотеев-то в деревне нет. Картинки еще покупают, а вот насчет книг плохо.

Издания «Посредника»

Лев Николаевич интересуется, как идут книги под девизом «Не в силе бог, а в правде».

— По новости плохо. Таскаешь их в каждый дом. За зиму даже надоест. Спрашивают везде все пострашнее да почуднее. А тут все жалостливые да милостивые. В деревне и без того оголтелая скучища. Только и ждут, как наш брат, балагур, придет, всю деревню взбаламутит. Только и выезжаем на чертяке. Вот какого изобразил Стрельцов: зеленого и красного! Целую дюжину чертяк! На весь вечер беседы хватит. Старухи каются, под образа вешают, молятся и на чертяку косятся. Кому не надо, и то продадим. Пишите-ка, Лев Николаевич, книжечки пострашнее. Ваши берут, кто поумнее: попы, писаря, мещане на базаре. В деревне разве только большому грамотею всучишь.

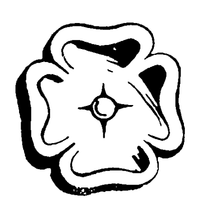
— А где вы торгуете? — интересуется Лев Николаевич.

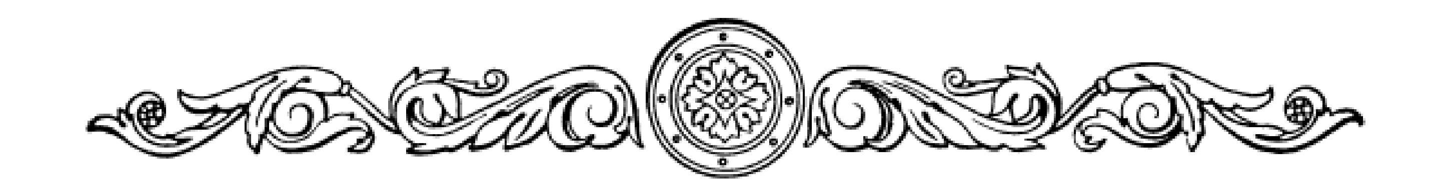
— Мы-то? Везде. По всей матушке России. Я Калужскую, он Курскую, этот Орловскую, Смоленскую, Тверскую колесит. Где кто привык. По знакомым местам, деревням и ярмаркам ездим.

Много раз так беседовал Лев Николаевич с офенями.

Дела «Посредника» между тем развивались. В лавке Товарищества книжки его имели совершенно особое отделение. В. Г. Чертков неустанно работал. Он посвятил всего себя этому делу. Я часто бывал с ним у наших литературных корифеев: Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко и других.

Издание «Посредника» для издательства было первой дружественной ласточкой сближения крупной издательской фирмы с интеллигенцией.

КАЛЕНДАРЬ

усская интеллигентная публика (в особенности высшая интеллигенция) всегда относилась к календарям несколько свысока и презрительно повторяла знаменитую фразу Фамусова: «все врут календари...» [1] Лишь в редких случаях вдумчивые люди понимали, что в России, в русских условиях календарь — дело громадной и, можно даже сказать, всенародной важности и что он может служить первоначальным проводником культуры.

В такой стране, как Россия, жили и умирали миллионы людей, не имевших никакой доли в культурном наследстве человечества. Заброшенные в глухие углы, отрезанные от центров русским бездорожьем и русскими расстояниями, люди эти не имели никакого соприкосновения с печатным словом — ни книг, ни газет, ни школ у них не было, и календарь для таких людей был единственным окном, через которое они смотрели на мир.

По календарю они думали, по календарю учились, из календаря черпали все свои знания, и календарь же давал им наставления на все случаи жизни.

К сожалению, эта сторона дела ускользнула от русской интеллигенции, и в наше время люди науки (по крайней мере 80-х годов) не опустили в эту копилку народного знания ни единого грошика.

Но не так было при Петре. Великий Петр хорошо знал свое отечество и повелел Якову Вилимовичу Брюсу, а потом и Академии наук заняться составлением календаря. Один из первых календарей назывался так: «Календарь іли месяцослов Христіанскіі. По старому штілю, іли ізчисленію, на лет от воплощенія Бога Слова 1710. Напечатан в Москве, лета Господня 1709. Декабря в день».

До 1865 года издание календаря составляло исключительную привилегию Академии наук, и лишь с этого года календарь в России стал «вольным» [2]. Но от русского внимания это важное дело все-таки ускользнуло, и за составление календаря для России взялся иностранец Гатцук, родом чех.

Календарь Гатцука пользовался широким распространением и лишь во второй половине 80-х годов был вытеснен календарями нашего издания.

За издание календаря я взялся не сразу и готовился к этому делу целых пять лет. Необходимо было позаботиться о выписке из-за границы специальных ротационных машин и оборудования, создать целый ряд приспособлений для размножения календаря в огромных, еще неслыханных в России размерах.

Приступая к делу, я поставил самому себе три требования: очень дешево, очень изящно, очень доступно по содержанию.

Не мне судить, хорошо или дурно я исполнил этот громадный труд, но общий тираж календаря (до 6 миллионов экземпляров в год) как будто говорит, что задача была понята правильно и решение ее было удовлетворительно.

Я смотрел на календарь как на универсальную справочную книгу, как на домашнюю энциклопедию на все случаи жизни.

В календаре должно быть все: и святцы, и железнодорожные станции, и экономика, и средство от лишаев, и государственное устройство России, и лечение ящура.

Я имел в виду читателя массового, для которого календарь часто является его первой и последней книгой и который в календаре ищет ответа на все запросы пробуждающегося ума.

«Всеобщий русский календарь»

При календаре я всегда печатал коротенькое обращение к читателю с просьбой сообщить о всех замеченных недочетах издания и о читательских пожеланиях.

Это была очень счастливая мысль, потому что редакция календаря получила впоследствии тысячи писем, по которым можно было проследить вкусы и требования читателя, так сказать, в первые годы его читательского детства.

Вот перед нами читательский эмбрион: деревенский человек, только что научившийся грамоте. А вот эмбрион уже вылупился из яйца и купил первую книгу. А вот, наконец, он начинает ходить; робко, неуверенно, спотыкаясь и падая, плетется со страницы на страницу. Позвольте для образца привести некоторые отрывки из этих читательских писем, так как они лучше всего характеризуют и читателя, и календарное дело в России.

«Отчего нет в календаре таблицы умножения? — спрашивает один читатель и поясняет свою мысль: — К сожалению народной малограмотности, я расскажу вкратце из-за каких причин я, по просьбе малограмотных, требую таблицу, столь необходимую при покупке и продаже. Были случаи, что выедет человек с покупкой или продажей на базар, например, вывез 75 штук яиц, 17 фунтов масла, 27 пудов пшеницы или ржи, зайдет в красную набрать материи. Почем он наберет, этого он не знает. Здесь требуется таблица умножения, которая была бы переписана с календаря каждым малограмотным и таилась бы им в кармане».

Другой читатель пишет: «Не знаю, возможно ли будет сделать в вашей редакции и допустят ли поглядеть в телескоп на небесные планеты...»

Нет вопросов, которыми не интересовался бы начинающий ходить читатель, и нет пределов его любознательности. Как маленькие дети могут целый день задавать вопросы своим родителям, так вновь родившийся читатель задает вопросы своему календарю. Он твердо верит, что календарь ответит на все его вопросы, разрешит все сомнения:

«Нужно обозначать, что такое затмение луны и солнца. Чем закрывается, когда делается затмение. Означьте, что такое луна, как она ходит вокруг земли».

«Сведения о восходе и заходе луны, — пишет из деревни духовное лицо, — необходимы, чтобы знать, в какие ночи можно путешествовать при луне».

«Уведомляю, что календарь нужно дополнить: нужно план всех частей, т. е. всего земного шара, чтобы каждый знал, где у нас Америка и Австралия, Азия и Африка, и Европа, где океаны. По моему мнению, нужен глобус и полушарие».

«Если возможно и известны вам государственные законы, то выставьте в календаре таксу за каждую скотину, которая будет в саду или на засеянном поле».

«С каждым годом (пишет терский казак) меня ваши календари увлекают и очень я ими интересуюсь, но не нахожу и в нем недостатка, только есть один для меня недостаток: поверстное расстояние меня очень интересует между станциями железной дороги, чтобы были напечатаны каждая станция и полустанок и разъезд».

«Мое заявление в том, что если редакция принимает рукописные сочинения, то через полмесяца я много мог бы вам описаний представить, но только прошу извинения в том, что если будет неправильное постановление букв, потому что я совсем малограмотный».

«Напечатайте в календаре побольше откликов из сокровищ русской жизни на явления природы».

«Напишите, что может Государственная дума и куда идут народные деньги».

«Желал бы знать подробный свод законов. Напишите, как и где искать законы».

«Нельзя ли написать вечный календарь, дни и часы прошедших, настоящих и будущих времен от сотворения мира до окончания мира».

«Остроумные профессоры писали, что появится кольцевая планета Галеи и подойдет близко к земле. От веков сего не было и вечно не может быть, чтобы какая небесная планета подошла близко к земле и погубила земли и твари божии».

Такова была матушка Россия, таков был эмбрион русского читателя. К этой толще народной мог проникнуть пока только календарь, как первое печатное слово, как предтеча газеты и предшественник книги.

Какова была доходность календаря и что давало издательской фирме это колоссальное дело, над которым трудились целый год?

Это покажется странным, но календарь был почти бездоходным делом. Он продавался оптом покупателям по 9 копеек экземпляр при обложечной цене 15 копеек, а себестоимость его была тоже около 9 копеек. Таким

Календари издания И. Д. Сытина

образом, при сведении годичных итогов результаты всегда были «ни в чью». Цель, которую преследовало издательство, состояла не в барышах, а в другом. Календарь представлял собой прекрасную рекламу всероссийского и даже более чем всероссийского характера, так как своих читателей календарь находил и в Америке, и в Австралии, и в Азии, и всюду, куда судьба заносила русского человека.

Такая реклама, конечно, сближала читателя с нашей фирмой и очень заметно влияла на общее расширение нашего рынка и нашего сбыта.

Кроме издания «Всеобщего календаря» я одновременно увлекся и другой огромной задачей — отрывным, или стенным, календарем. Это тоже было одно из тех дел, которые никогда не привлекали к себе внимания интеллигенции. Весьма многие не считали это даже делом: ну что за важность сброшюровать 365 листков и обозначить черной краской дни будние, а красной праздничные? Я уверен, что иному читателю показалась бы просто смешной одна мысль составить «редакцию» стенного календаря и пригласить «специалистов». Но за этими отрывными листками стояли миллионы русских людей, и из уважения просто к этой колоссальной аудитории я рассуждал иначе.

Я начал с того, что обратился к Льву Николаевичу Толстому за советом и поддержкой.

Как я и думал, Лев Николаевич отнесся к моей идее с чрезвычайным вниманием и ободрил меня своими прекрасными советами. Между прочим, Лев Николаевич рекомендовал мне в качестве редактора отрывного календаря известного шестидесятника Полушина.

Это был очень интересный и своеобразный человек из числа тех «грамотных людей», которых всегда так любил Л. Н. Толстой.

Полушин был сыном богатого фабриканта из Иваново-Вознесенска и в молодости отличался большими чудачествами, из-за которых и потерял свое значительное состояние. В редакторы ко мне он поступил уже тогда, когда был беден и добывал средства к жизни копеечными литературными заработками.

Полушин с радостью и даже с восторгом согласился на мое предложение. Он принялся за дело с такой горячностью и с таким воодушевлением, что на каждый отрывной листок готов был смотреть, как на скрижали завета [2]. Мы вместе выработали программу календаря с таким расчетом, чтобы в каждом листке были поговорки, пословицы, практические указания

по домашнему и сельскому хозяйству и разного рода житейские мелочи и обиходные советы. Отрывной календарь тоже имел громадный успех в России. Он печатался в 8 миллионах экземпляров (около тысячи вагонов), и мы едва успевали выполнять целую лавину заказов.

Но именно астрономические цифры этого издания заставили насторожиться наше цензурное ведомство и обратить на отрывной календарь особое, удвоенное и утроенное, внимание.

Издатель, разумеется, принимал со своей стороны все меры, чтобы не дразнить гусей и избежать каких бы то ни было недоразумений и неприятностей. Но редактор Полушин не разделял этого взгляда и, как шестидесятник, да еще и «народолюбец», любил вставить в календарь колючую поговорку или слишком острую пословицу.

Так, уже незадолго перед смертью Полушина с нами случилась большая цензурная беда.

В ноябре, когда календарь уже был весь отпечатан и больше половины его было разослано на места, департамент полиции неожиданно потребовал, чтобы календарь был изъят из продажи и конфискован.

Оказалось, что мы, сами того не зная, совершили государственное преступление.

В календаре были напечатаны следующие пословицы, взятые из словаря Даля: «Сегодня свеча, завтра свеча, а там и шуба с плеча». И другая пословица: «Повадился к вечерне, не хуже харчевни».

Кроме того, в календаре была помещена следующая заметка из иностранного журнала:

«Американский рабочий ест фунт говядины в день. Английский — 3/4 фунта. Французский и немецкий — 1/2 фунта. Русский — 2 золотника».

Вот эти пословицы и эта справка из быта рабочих и вызвали постановление департамента полиции изъять календарь из обращения и привлечь к ответственности издателя и составителя календаря. Практически это значило, что мы должны были не только понести миллионы рублей убытка, но и потерять нашу издательскую репутацию. Среди наших покупателей могла произойти паника, и фирма лишилась бы доверия. Чтобы спасти дело, я поехал в Петербург и бросился в департамент полиции к знаменитому Зволянскому. Я объяснил ему, что календарь был разрешен цензурой и что нас напрасно обвиняют в подрыве церковного авторитета и в колебании

государственных основ. Но пролезть сквозь игольное ухо департамента и убедить в чем-нибудь Зволянского было трудно.

— Вы на цензуру не сваливайте. Вы знали, что делали, и будете за это отвечать. А календарь ваш мы все равно конфискуем, и больше нам говорить не о чем.

Зволянский был более чем сух в разговоре, и я видел, что всякие дальнейшие слова бесполезны.

Что было делать? От Зволянского я поехал к министру внутренних дел И. Л. Горемыкину и опять начал все ту же сказку про цензурного бычка.

Но и Горемыкин был непреклонен:

— А, наконец-то Сытин понесет достойную кару за свои деяния! Никаких послаблений вам не будет! Что сказал Зволянский, то будет исполнено! Мое почтение...

Как утопающий за соломинку, я ухватился за своего старого знакомого и большого друга наших изданий П. Е. Кеппена, который состоял управляющим делами у великого князя Константина Константиновича.

— Дорогой Павел Егорович, выручайте! Стряслась беда с нашим календарем...

Я объяснил, в чем дело, и просил заступничества великого князя как председателя Академии наук.

Это была до отчаяния смелая попытка. У меня явилась мысль написать на имя царя докладную записку с изложением всего печального события и просить князя представить эту записку и календари непосредственно царю.

Все случилось, как в сказке. Князь заинтересовался моим делом, и дня через два записка была отвезена во дворец.

К великой моей радости, царь лично прочитал записку и сказал:

— Сытинские календари я знаю. Они у меня есть. Календари составляются хорошо, и я желал бы только, чтобы отдел ремесленного труда составлялся полнее. А что касается пословиц Даля, то, конечно, жаль, что эти пословицы попали в календарь, но ведь их не изменишь.

На докладной записке царь положил собственноручную резолюцию: «...Не вижу оснований налагать кару на подцензурное издание».

Эта неожиданная резолюция, по-видимому, произвела и в министерстве внутренних дел и в цензурном ведомстве впечатление разорвавшейся бомбы.

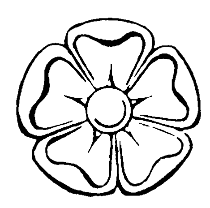
Но странная вещь: когда затем я пришел в цензурное ведомство, то мне любезно сообщили, что это цензура выхлопотала для меня отмену кары:

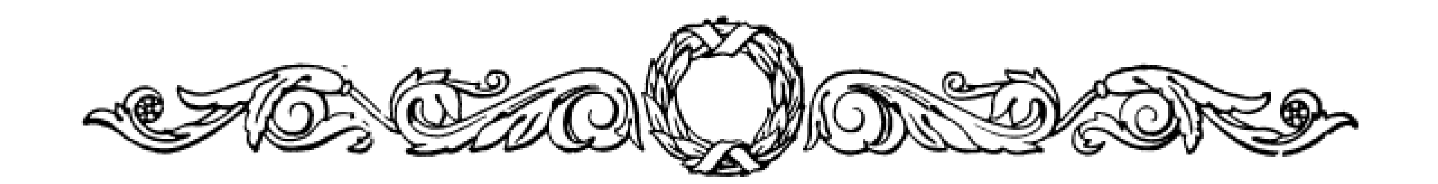
— Вот вы все на нас жалуетесь, а мы, между тем, для вас хлопочем.

Иначе отнесся к делу министр Горемыкин.

Когда я явился в министерство, чтобы «благодарить» за смягчение кары, он так и напустился на меня:

— Как ты мог, как ты смел беспокоить великого князя! Помни, что эту выходку твою мы никогда тебе не простим.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

елинский писал рецензии на детские книги; в одной из таких рецензий он воскликнул:

«Бедные дети, сохрани вас бог от оспы, кори и сочинений Беркена, Жанлис и Бульи!» [1]

В ту пору детская литература в основном питалась переводами и переделками иностранных книг, причем ни переводчики, ни переделыватели не заботились о выборе материала, пригодного и интересного для русского ребенка.

Своей детской литературы еще почти не было, и только в 60-х годах, когда вопросы воспитания заняли едва ли не центральное место, завладели общественным вниманием, у нас появились детские писатели и детские книги. Чистяков, Ярцева, Даль, Фурман, Ростовская и некоторые другие очень быстро приобрели широкую популярность среди детской аудитории.

В 60-х годах появляются и издательские фирмы, впервые взглянувшие на детскую литературу как на важную отрасль книжной торговли.

Маврикий Вольф, Битепаж, Михин, Колесов и некоторые другие очень быстро приобрели репутацию детских издателей и тем значительно расширили свои обороты.

«Дон-Кихот Ламанчский» Сервантеса
Издание для детей И. Д. Сытина

Но следует все-таки сказать, что в 60-е годы детская литература состояла в большинстве случаев из переводов и, так сказать, перелицовок иностранного материала на русский лад. Авторы думали, что, перенося действие рассказов с берегов Сены на берега Волги и заменяя имена Ганса и Гретхен Ваней и Таней, они дают «чисторусское» произведение. В художественном отношении эти произведения были слабыми, даже очень слабыми, а издатели не прилагали никаких усилий, чтобы выбрасывать на рынок хороший товар. Детские книги печатались аляповато, рисунки и иллюстрации к тексту делались грубо, и цена книги была неимоверно высока. Все это, взятое вместе, вело к тому, что детская литература в России и по содержанию своему, и по цене была доступна только для самых состоятельных людей. Старые издатели так и смотрели на дело. Назначая цену детской книги в три и даже в пять рублей, они знали, что эту книгу купит у них генерал, помещик, крупный чиновник и вообще человек обеспеченный, желающий преподнести своему ребенку именинный подарок. Были у нас даже торговцы, специализировавшиеся на «подарочной книге».

Ошибка этих старых издательских фирм была очевидна: они обслуживали не народ, а только маленькую горсточку привилегированных людей, располагающих большим достатком.

А между тем в народе жила несомненная потребность в детской книге. Развитие грамотности и рост школьного дела вызывали спрос на дешевую, всем доступную книжку: азбуку, сказочку, занятную побасенку. Нужно было только проложить пути к этой новой аудитории, чтобы создать совсем новый и очень широкий рынок сбыта. И я думаю, что с моей стороны не будет большой нескромностью, если я скажу, что эти пути в основном проложило и эту аудиторию создало Товарищество И. Д. Сытина. В начале дела мы шли ощупью, прислушиваясь к новым требованиям и присматриваясь к новым людям, пока, по совету известной деятельницы воскресных школ А. В. Погожевой, не выпустили несколько детских книг по цене, баснословно дешевой и доступной для народной школы и школьника. Блестящий успех этих первых попыток заставил фирму обратить самое серьезное внимание на эту отрасль торговли и сделать все возможное, чтобы создать большое дело. Это было, однако, далеко не так легко и не так просто. Детских писателей почти не было, школьные библиотечки только еще начинали складываться, и способы распространения детской книги едва-едва намечались. Но среди изданий «Посредника», которые печатались и распространялись

нашим Товариществом, были книги вполне доступные по своему содержанию и для детей. Эти издания широким потоком пошли в народную школу и дали возможность составить первые школьные библиотеки. А так как некоторые книжки «Посредника» расходились уже в сотнях тысяч экземпляров, то наша фирма учредила у себя особый отдел народно-школьных изданий и привлекла к этому делу все, что было выдающегося, талантливого и значительного.

Мы начали с народных, а затем и художественных сказок для детей, которые стоили копейки. Нашими сотрудниками были К. Лукашевич («Сказки родной Украины»), Л. Шелгунова («Русские сказки»), И. Феоктистов («Русские народные детские сказки» и «Русские народные басни — сказки о зверях»).

Сказки иллюстрировались талантливым художником С. И. Ягужинским и имели настолько выдающийся успех, что мы нашли своевременным перейти и к иностранным сказкам.

Сказки братьев Гримм, норвежские сказки, собранные Асбьернсеном, румынские в переводе Яцимирского и старофранцузские из сборника Перро получили доступ к русскому ребенку и значительно дополнили сказочный отдел в школьных библиотеках.

Вместе с тем наше Товарищество приложило много труда и заботы, чтобы выпустить в художественном издании сказки Пушкина, как непревзойденный образец этого рода творчества. Это была особенно ответственная работа, так как нужно было добиться, чтобы само оформление книги производило на ребенка неотразимое впечатление.

За Пушкиным последовали сказки Жуковского, потом сказки современных писателей (Галиной, Соловьевой, Федорова-Давыдова, Бельского и других).

Таким образом, сказочный отдел разрастался у нас, можно сказать, со сказочной быстротой, и я нисколько не преувеличу, если скажу, что ни в России, ни за границей не оставалось ничего значительного, что не прошло бы через наши руки. Сказки Андерсена, Музеуса, Нордау, Эвальда, Радьярда Киплинга, Сельмы Лагерлеф — все широкой рекой полилось в русский океан, и казалось, что конца не будет этому спросу на детскую книгу.

Но сказка, рассказ и повесть далеко не исчерпывали деятельности Товарищества в этой новой области. Кроме литературы художественной издательство считало необходимым дать и научно-популярную книгу в

Книга «Хождения за три моря Афанасия Никитина».
Издание И. Д. Сытина

изложении, доступном и занятном для ребенка. А это опять-таки вело нас в новую, неисследованную и нетронутую область, где раскрывались все новые и новые, почти безбрежные горизонты.

Если мне не изменяет память, первая научно-популярная книга, которую выпустило Товарищество, была «История горы» Э. Реклю. А затем нам удалось привлечь к этой новой работе целый ряд выдающихся русских ученых, которых пленила мысль дать что-нибудь от своих научных сокровищ и для русского ребенка. А. Н. Бекетов, Д. Н. Кайгородов, А. А. Кизеветтер, М. Н. Богданов, П. Н. Сакулин — каждый по своей специальности — пришли на помощь школьному учителю и согласились писать для детей.

Но, само собой разумеется, издательство не могло рассчитывать, что русские ученые отдадут слишком много своего времени на популяризацию науки. Ученые были заняты другой работой, надо было привлечь популяризаторов, более или менее осведомленных в своей области и умеющих подойти к детской аудитории.

Почти все отделы естествознания, географии и русской истории были представлены у нас довольно полно, так что была возможность составлять школьные научно-популярные библиотеки только из наших изданий.

Среди более или менее удачных произведений этого рода особенно выделилась книга Бостром «Как Юра знакомится с жизнью животных», книга «Четыре времени года» Диц и др.

Само собой разумеется, что рядом с произведениями русских ученых и русских популяризаторов Товарищество не оставляло без должного внимания и выдающиеся, прекрасные работы иностранцев. Мы не забыли ни П. Бера, ни Сеттон-Томпсона, ни других. Равным образом не были забыты и те детские книги, которые известны в каждой стране: «Дон-Кихот», «Путешествие Гулливера», «Робинзон Крузо», «Хижина дяди Тома», «Векфильдский священник» и др.

Особую группу детских книг у нас, как и повсюду, составили произведения Додэ, Диккенса, Вальтера Скотта, Жорж Занд, Лоти и некоторые другие.

Все эти авторы отнюдь не задавались мыслью писать для детей. Но произведения их так прозрачны, так целомудренно чисты и так свежи, что достаточно самой незначительной переделки или даже купюры, чтобы эти книги стали доступны и интересны для детей.

Мне остается еще сказать об иллюстрации детских книг. Эта сторона дела составляла всегда предмет особенных забот нашего издательства, и, насколько я могу судить, здесь ничего не было упущено из виду. Иллюстрация детской книги совершенствовалась с каждым годом. Улучшались не только способы воспроизведения рисунков, но и самые рисунки. Начиная с 1900 года при нашей литографии была создана особая школа рисования под руководством художника Н. А. Касаткина. Таким образом, прежние лубочные картинки в краске постепенно отошли в область предания, уступая место оригинальному рисунку. Но школа в конце концов давала только более или менее талантливых и более или менее опытных рисовальщиков. Настоящие же шедевры были созданы, конечно, большими художниками. Некоторые из них так полюбили детскую картинку, что даже избрали ее своей специальностью. У нас работали художники Ягужинский, Неручев, Живаго, Малютин, Бартрам, Алексеев, Зворыкин и много других. Они внесли в иллюстрацию детской книги подражание детскому примитиву в красках, но сохраняли при этом очень четкий и яркий рисунок. Эта манера иллюстрации имела большой успех.

Над детской книгой, над ее усовершенствованием и удешевлением наше Товарищество работало несколько десятков лет, и итоги этой работы были настолько значительны, что уже в 90-х годах почувствовалась настоятельная потребность в издании особых каталогов детской литературы. Ни родители, ни учителя, ни составители школьных библиотек не имели никаких указаний при выборе книг для детей. Они терялись в огромной лавине этих книг и часто должны были судить о книге только по ее заглавию. Поэтому наше издательство позаботилось о составлении рекомендательного каталога. Задача состояла не в том, чтобы выпустить прейскурант, а в том, чтобы толково составить иллюстрированное пособие для выбора книг.

Мы выпустили несколько каталогов, причем рекомендовали, конечно, не только издания И. Д. Сытина, но все, что заслуживало внимания на книжном рынке. Мысль об издании каталогов надо признать чрезвычайно удачной, так как каталог укреплял те нити, которые протягивались между издателями и покупателями, между книгой и ее читателями.

Мы выпустили несколько каталогов: «Каталог сказок», «Новости детской литературы», каталог книг-подарков и общий каталог «Что нам читать?». В последний каталог было включено далеко не все, что выходило

в свет, а только те книги, которые издательство на основании отзыва компетентных лиц считало самыми лучшими.

Этот краткий (может быть, даже слишком краткий) очерк детской литературы был бы не закончен, если бы я обошел молчанием те детские журналы, которые издавались нашим Товариществом.

Мы сделали несколько таких попыток. Были у нас журналы для детей и для юношества. Но я должен признать, что наши детские журналы не имели успеха. Ни один из них не вырос в большое дело, и это, рядом с большим успехом детских книг, составляло для меня постоянную загадку.

В журналах работали те же авторы, те же художники, но журналы не шли, а книга шла. Единственное объяснение, которое я мог дать этой загадке, состояло в том, что самая периодичность журнала не соответствовала детскому возрасту. Психология ребенка требует, чтобы сказка, повесть или рассказ, однажды начатые, были сейчас же доведены до конца. Но прочитать начало повести в январе, середину в феврале, а конец в марте — это непосильно ни для детской памяти, ни для детского воображения. Это не нравится, не увлекает и, разрывая внимание, погашает интерес.

Но зато наш журнал для юношества — «Вокруг света» [2] — имел прочный успех и создал большую и чрезвычайно интересную аудиторию.

Я купил этот журнал 22 июня 1891 года. Его подписная цена была 4 рубля, а количество подписчиков — 4500.

Но уже в следующем году благодаря удачному подбору материала и приложений, которые рассылались при журнале, удалось утроить количество подписчиков и довести их число до 12 тысяч. А затем с каждым годом эта юная аудитория все росла и росла.

С 12 тысяч мы поднялись до 15, потом до 37 тысяч, потом до 42 и т. д.

В этом быстром росте тиражей журнала сыграл свою роль постоянный принцип, которым мы всегда руководствовались в деятельности издательства: как можно лучше и как можно дешевле!

Мы давали такую массу приложений, что один только перечень их действовал на воображение, и хотя приложения неизбежно поднимали подписную цену на журнал, но они были так заманчивы и в общем так дешевы, что подписка росла из года в год.

Чтобы не затруднять читателя подробностями, я перечислю только часть тех приложений, которые широкой рекой полились в русскую читающую семью: Бичер-Стоу, Жюль Верн, Гюго, Гоголь, Жуковский,

Загоскин, Вальтер Скотт, Конан Дойль, Эдгар По, Фламмарион, Уэллс, Киплинг, Джером Джером, Томпсон, И. С. Никитин, Генрих Сенкевич, Реклю, Майн-Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон, Хаггард и, наконец, полное посмертное собрание сочинений Л. Н. Толстого.

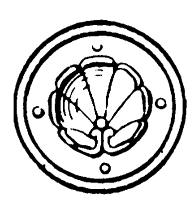
Я перечислил далеко не все. Из одних приложений к журналу можно было составить очень порядочную домашнюю библиотеку для юношества. Но и в журнале юный читатель находил многое из того, что могло заинтересовать его пытливый ум.

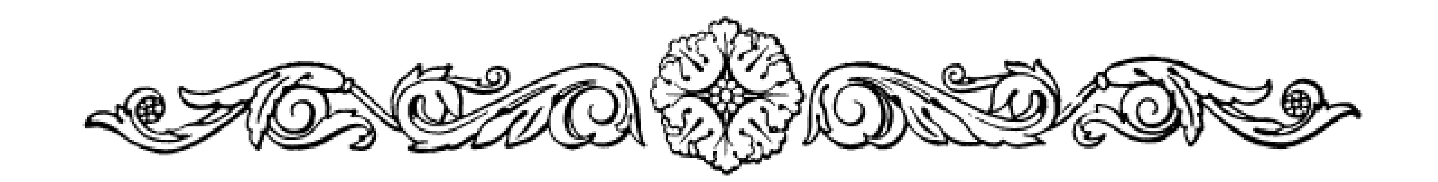
Научные экспедиции и географические открытия; предания и легенды разных народов; биографии знаменитых людей; рассказы путешественников; образовательные экскурсии, научные открытия; грандиозные проекты; необычайные охоты на суше и на море; катастрофы в воздухе и драмы в океане. В журнале был даже «уголок филателиста» и хрестоматия международного языка «эсперанто».

Чтобы закончить эту главу о детской литературе, необходимо хоть в двух словах сказать еще о «Детской энциклопедии», которая в свое время имела большой успех, вызвала множество сочувственных откликов в печати и разошлась до последнего экземпляра, несмотря на высокую цену.

Это издание мы предприняли по образцу английского и в качестве редакторов пригласили проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, проф. И. П. Козловского, Н. А. Морозова, проф. С. И. Метальникова и М. В. Новорусского.

Цели этого издания были самые широкие: дать ответы на все запросы пытливого детского ума и в то же время дать большой научный материал родителям и воспитателям для бесед и занятий с детьми.

НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

Еще так недавно наша начальная школа была лишена возможности пользоваться наглядными пособиями в той мере, как этого требует научная педагогика, признающая наглядный метод одним из главных условий успешности школьного преподавания. Причиной этого было почти полное отсутствие на книжном рынке доступных для начальной школы пособий. Последние если и существовали в продаже, то исключительно иностранного издания, дорогие и предназначавшиеся главным образом для средней школы. Завет великого славянского педагога Яна Амоса Коменского — учить детей согласно с их природой, учить наглядно и разумно, вызывая любовь к знанию, самодеятельность и пытливость мысли,— для начальной школы оставался лишь красивым афоризмом. Между тем народная школа более всего нуждалась в том, чтобы завет этот скорее воплотился в жизнь.

При незначительном сроке обучения в наших народных школах (3—4 года) в распоряжении школы очень немного времени, чтобы дать законченное начальное образование и оставить прочные следы в духовном

развитии ребенка. Если принять во внимание число праздников и продолжительность летних каникул, то все учебное время в начальной школе надо считать от 18 до 24 месяцев — срок крайне недостаточный даже при самых малых требованиях. Эти особенности народной школы давно заставили обратить усиленное внимание на продуктивность преподавания и к единственному когда-то орудию начальной школы — книге присоединить еще и необходимые наглядные пособия — картины, приборы, карты и т. п. Все это должно было дать возможность легче, скорее усвоить прочитанное в классе, расширить кругозор учащихся и развить в них более сознательное отношение к окружающему. Действительность, однако, не отвечала этим пожеланиям. Отсутствие пособий заставляло школу волей-неволей придерживаться старых схоластических приемов преподавания.

Позже к услугам начальной школы на рынке появилось довольно значительное количество различных пособий, приноровленных к ее запросам и нуждам.

Большую роль сыграли здесь земства и просветительные организации. Мастерские учебных пособий вятского и курского земств, петербургский подвижной музей, мастерские харьковского отделения Русского технического общества давно уже заслужили в этом отношении широкую и почетную известность, в особенности же мастерские вятского губернского земства. Из предприятий частного характера, кажется, только наша фирма занялась этим делом в широком масштабе. И тут, как и вообще в своей издательской деятельности, фирма стремилась идти навстречу нуждам школы. Она пользовалась советами и указаниями деятелей школы, прислушивалась к постановлениям и пожеланиям съездов и совещаний по народному образованию, стараясь воплотить их пожелания в жизнь, предоставляя свои материальные и технические средства для создания новых и новых пособий.

Одним из первых было пособие по географии: «Человеческие расы» — большой лист с фигурами представителей монгольской, австралийской, негрской, американской и кавказской рас. Фигуры исполнены в красках. Пособие это получило широкое распространение и было знакомо большинству школ. Оно было включено в список необходимейших пособий для начальной школы подвижным музеем Русского технического общества[1] и в списки наглядных пособий, составленные курским и ярославским земствами.

Немного позже (в середине 90-х годов) фирмой издана была коллекция стенных географических таблиц. В коллекцию вошло 20 картин, исполненных в красках. Вот список этих картин: «Формы воды и суши», «Тропический лес», «Жизнь моря», «Сбор чая», «Египет», «Сахарная плантация», «Неаполь и Везувий», «Сбор кофе», «Горы», «Лапландцы», «Ледник», «Пустыня», «Реки», «На новых местах в Америке», «Дюны», «Африканское селение», «Водопад», «Степь в Венгрии», «Иерусалим и Дакоты».

Вначале пособие это предназначалось главным образом в школы для взрослых, но затем скоро оно получило распространение и вообще в начальных школах, чему способствовала, между прочим, баснословно дешевая цена — 5 копеек за картину.

Упомянутые учебные пособия представляли собою первые шаги фирмы в издании наглядных пособий.

Переходя к рассказу о других пособиях, необходимо прежде всего остановиться на интересном по замыслу художественном альбоме по русской истории: «Русская история в картинах» [2], под редакцией Исторической комиссии, состоявшей при учебном отделе Общества распространения технических знаний. Задавшись целью возможно шире популяризировать знание отечественной истории, комиссия предприняла издание названной серии картин, характеризующих главнейшие моменты истории русского государства и общества, для чего воспользовалась снимками с лучших образцов нашей исторической живописи: с картин Семирадского, В. В. Верещагина, В. П. Верещагина, Прянишникова, Крамского, Репина, Кившенко, Сурикова, Маковского, Ге, Перова, Мясоедова, Богданова-Бельского и других известных русских художников. Некоторые же картины для названной серии были написаны специально для нее академиками Касаткиным и Лебедевым, а также художником Моравским и другими.

Все издание выполнено в виде отдельных больших листов (18) с тремя-четырьмя картинами и соответствующим текстом на каждом из них. Каждый отдельный лист посвящен тому или другому событию нашей истории. Комиссией весьма тщательно был произведен выбор исторических моментов и эпох. Каждый лист альбома представляет собой нечто крупное и имеющее самостоятельное значение (например, «Татарская неволя», «Смутное время», «Реформа Петра»). Все картины, взятые в целом, дают более или менее полное представление об историческом развитии русского государства и общества. Что касается подбора картин, то мы стремились не только

иллюстрировать намеченный текст, но и познакомить читателей с лучшими образцами русской исторической живописи (например, «Запорожцы» Репина).

Текст, помсщенный под картинами, должен был сжато и ясно характеризовать эпоху и обстановку. Таким образом, текст как бы связывал всю серию листов в один конспективный курс русской истории, заполняя собой пробелы между отдельными листами, которые в силу необходимости могли изображать лишь важнейшие вехи русского исторического процесса. Руководство изданием картин взяли на себя редактор текста С. П. Моравский и заведующий художественной частью Н. А. Касаткин. Основной задачей всего издания было дать пособия по русской истории, солидные в научном и художественном отношении и дешевые по цепе (цена каждого листа была назначсна в 20 копеек).

Появление «Русской истории в картинах» было отмечено сочувственными отзывами в общей и педагогической печати.

Говоря о первых шагах Товарищества по изданию наглядных пособий, нельзя не упомянуть об изданном в тот же период под редакцией Н. А. Рубакина ботаническом атласе «Среди цветов» [3]. Атлас включал в себя 50 раскрашенных картин по ботанике. Каждая картина снабжена текстом и указателем книг, статей и руководств для практических занятий по ботанике.

Задачей издания было помочь учителям и учащимся в изучении органографии и систематики главным образом высших цветковых растений. Цена всего атласа (3 рубля) должна быть признана также весьма дешевой.

Издание перечисленных выше пособий относится к первому периоду деятельности Товарищества по изданию наглядных пособий. Значительно большая часть пособий выпущена Товариществом во второй период, начало которого относится к 1903—1904 годам. В это время закончилась постройка нового фабричного корпуса на Пятницкой улице, обширные помещения которого дали возможность Товариществу значительно расширить рисовальную школу. Руководить школой были приглашены художники: академик Н. А. Касаткин, А. В. Моравов, в то время только что начинавший свою художественную карьеру, Г. Д. Алексеев и А. С. Касаткин. К этому времени относится прежде всего появление на свет целой серии наглядных стенных таблиц для первоначального обучения, изданных под редакцией

Н. В. Тулупова: «Таблица умножения», «Как нужно сидеть во время письма», а также картин для бесед «Четыре времени года» работы художников К. В. Лебедева и А. В. Моравова.

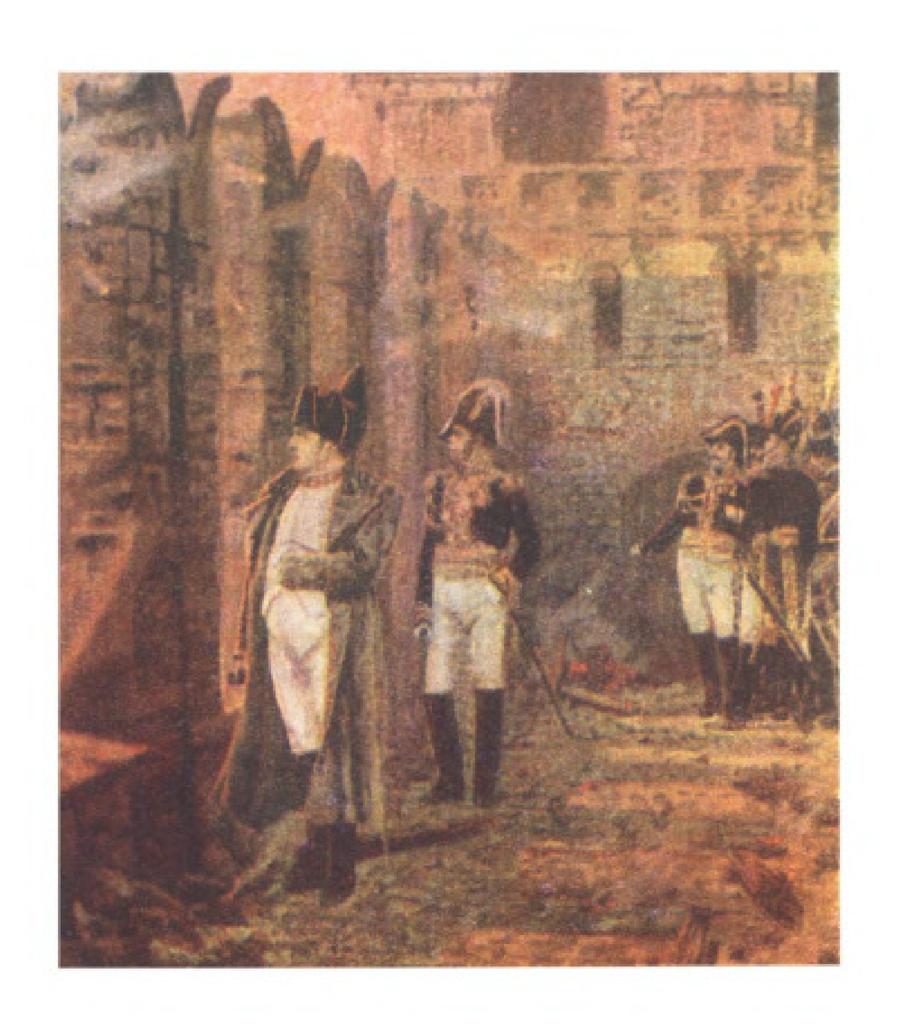
Стенные таблицы благодаря дешевизне (10 копеек лист) выдержали ряд изданий. Картины «Четыре времени года», рисующие русскую природу и крестьянский труд по временам года, благодаря художественному исполнению и сравнительной дешевизне также скоро приобрели популярность и получили значительный сбыт.

Впоследствии к этим картинам был издан особой книжкой пояснительный текст, содержащий в себе вопросы и описание моментов, изображенных на картинах.

Приблизительно к этому же времени (1904 год) относится издание зоологического альбома «Царство животных» под редакцией Н. В. Тулупова и Н. В. Чехова. В альбом вошло 12 больших классных стенных картин в красках с объяснительным текстом, методическими указаниями, как вести по картинам наглядные беседы, и списком книг и статей, могущих служить ближайшим пособием для бесед о животных и их жизни. Цена альбома была небольшая — 1 рубль 50 копеек за 12 больших картин в красках.

Довольно полно в издательстве Товарищества был представлен отдел пособий по естествоведению. Кроме упомянутых выше пособий здесь прежде всего необходимо отметить «Ботанический атлас» В. Ф. Капелькина, состоящий из 26 стенных таблиц. Автор таблиц стремился пополнить имевшийся пробел в школьном преподавании ботаники. Особенностью его труда является то, что он переносит в школу не отдельные растения или их изображения, а растение во всей окружающей его обстановке в художественном изображении, так сказать, картину целого уголка природы. Такая картина сильнее действует на воображение и вызывает близкое к истине представление о действительности. Особенно важны такие таблицы для детей в больших городах, где многим не приходилось видеть, как растут такие обыкновенные растения, как огурец или картофель.

Далее следует упомянуть о «Картинах по зоологии» [4] для наглядного обучения, принадлежащих кисти художника В. А. Ватагина. Картины изданы под редакцией комиссии по устройству Учительского дома Общества взаимной помощи при Московском учительском институте. Художник

Лист из альбома «Всеобщая русская история в картинах»
Издание И. Д. Сытина

В. А. Ватагин пользовался у нас известностью как весьма талантливый анималист. Его кисти принадлежит ряд картин по зоологии в Зоологическом музее Московского университета. Картины альбома оригинальны по замыслу и исполнению: животные, изображенные на них,— живые существа, а не красивые манекены, каких привыкли видеть мы на таблицах, предназначенных для школы.

Видное место среди пособий по естествознанию занимают таблицы по анатомии человека, изданные под редакцией доктора медицины В. Я. Канеля. Всех таблиц 11. Они рассчитаны главным образом на начальную школу. Ввиду этого рисунки исполнены схематично, чтобы при помощи их учитель мог дать учащимся лишь основные понятия об органах нашего тела и их значении. Приложенный к таблицам объяснительный текст предназначен для учителей, чтобы они легче могли разобраться в таблицах.

В отзыве об этом пособии, напечатанном в журнале «Естествознание и география» [5], дана следующая характеристика его: «Таблицы исполнены хорошо, размер рисунков вполне достаточный. Объяснительный текст изложен в очень простой, легко доступной форме. Можно быть уверенным, что, внимательно прочитавши его, учитель начальной школы в состоянии будет дать своим ученикам много полезных и интересных знаний о теле человека и происходящих в нем процессах».

Под редакцией доктора В. Я. Канеля была выпущена интересная таблица по гигиене — «Зубы и уход за ними». Таблица и текст, выясняя в общедоступной форме значение правильного ухода за зубами для сохранения здоровья, дают полезные указания по уходу за зубами. Исполненная в красках таблица стоила всего 50 копеек.

В издании Товарищества вышли также 23 стенные таблицы по зоологии. Таблицы изображают представителей всех отрядов млекопитающих, причем животные изображены в их естественной обстановке и в сценах, характеризующих жизнь и нравы данных представителей отрядов.

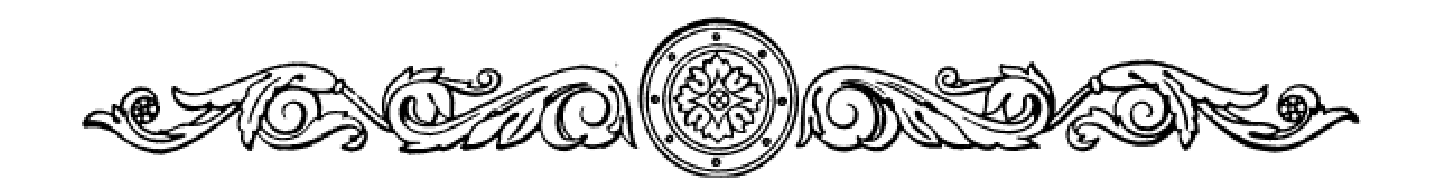
По отделу географии и отечествоведению кроме упомянутых выше пособий следует назвать еще стенные картины в красках «По России» — картины русской жизни и природы, составленные кружком учителей по оригиналам картин, писанных известными художниками и воспроизведенных особым способом многоцветной автотипии, передающей, как известно, оригиналы в совершенстве. Всего в серию вошло 15 листов. Цена каждой картины — 1 рубль.

Весьма ценным является также пособие «Картины родины», составленное действительным членом Императорского географического общества Д. Дубенским. Пособие это, состоящее из 4 картин, является существенным дополнением к учебникам по географии и географическим картам, причем оно вносит живой интерес в изучение родной земли.

Наконец, по отделу отечествоведения Товариществом было издано еще 10 интересных по замыслу и выполнению сравнительно-статистических таблиц.

Чтобы закончить обзор школьных пособий, следует еще упомянуть об изданных Товариществом географических картах и атласе И. Н. Михайлова. Педагогической критикой издания эти были признаны наиболее отвечающими потребностям школы в преподавании географии и отечествоведения.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ем шире развивалась моя издательская работа, тем больше созревала у меня мысль, что в России издательское дело безгранично и что нет такого угла в народной жизни, где русскому издателю совсем нечего было бы делать.

Народное просвещение, народное здоровье, народное богатство, народное хозяйство, народное ремесло — все требовало помощи, все искало опоры в науке и знании и не находило ничего. Кругом была пустыня, девственный лес, и, окидывая глазом эту страну неограниченных возможностей и неограниченного невежества, я испытывал как бы угрызения совести и часто спрашивал себя:

— А что сделало наше огромное издательское предприятие для сельского хозяйства в России?

— А что сделано для кустаря, для ремесленника, для скотовода, для огородника?

И всякий раз чувство неисполненного долга горькой полынью отравляло душу: как же можно в самом деле пройти мимо промышленного образования в России и ничего не сделать в этой области!

В одну из таких горьких минут в нашем Товариществе и возникла мысль об организации особого отдела промышленного образования.

Этот отдел должен был обслуживать все отрасли народного хозяйства, и в первую голову сельское хозяйство и кустарные промыслы.

На первых порах предполагалось выбросить на рынок в огромной массе дешевые популярные издания, рассчитанные на самый широкий круг читателей, и лишь потом приступить к изданию капитальных сочинений.

Но тут перед нами встал вопрос: в каком виде надо преподносить русскому крестьянину сельскохозяйственные знания? Достаточно ли сказать: делай так, а почему — не спрашивай. Все равно не поймешь, да и толковать с тобой некогда. Или же следует доказать, убедить, мотивировать каждый совет.

В первом случае задача упрощалась до последнего предела, а сельскохозяйственная книга стоила бы буквально грош. Но мы избрали все-таки второй способ, как более надежный. Всякое нововведение в хозяйстве только тогда и плодотворно, когда хозяин берется за него сознательно, а не вслепую. Поэтому в наших книгах на каждый вопрос читателя «почему?» давался краткий, но обстоятельный ответ: потому-то и потому.

Принята была в соображение и реальная обстановка русского крестьянского хозяйства. Для работы по отделу сельского хозяйства нами были приглашены лучшие русские агрономы, как земские, так и правительственные. Работа началась дружная, спорая, продуктивная, и скоро мы выпустили 55 названий.

Но в какой мере эта работа оправдывалась коммерчески? Ведь мало сделать хорошую книгу — ее нужно еще протолкнуть к читателю, а при русских условиях и русской грамотности это было далеко не последнее дело. Надо было победить косность, предубеждение и просто непривычку к книге, в особенности научной. Короче сказать, нужна была агитация.

С этой целью мы приступили к выпуску плакатов, где кратко, ясно и наглядно доказывали пользу сельскохозяйственного знания. «Лен и его обработка», «Как и какими семенами сеять», «Промышленный огород», «Удобряйте поля, сады и огороды» — вот некоторые из таких плакатов. Плакаты помещались в ожидальнях больниц и земских управ, в волостных и сельских правлениях, сельских школах и в крестьянских избах. А так как плакаты были ярки и хорошо раскрашены, то, несомненно, они не оставались незамеченными.

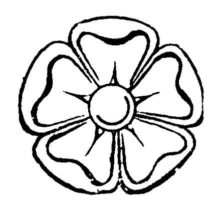
Несколько сложней и трудней была задача кустарно-ремесленного отдела. Здесь нужно было думать и о детях, и о взрослых, об обучении методическом и показательном. Для детей тип методического руководства по ремеслу уже довольно прочно установился, но методическое обучение взрослых было еще в новинку, и Товариществу пришлось самому протаптывать эту новую дорожку. Дело это очень осложнялось из-за отсутствия авторов, хорошо знающих ремесло и умеющих написать книжку.

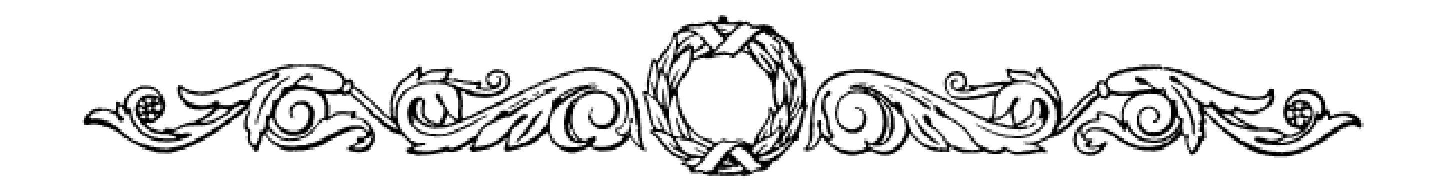
Тем не менее трудности оказались преодолимыми, и на рынок стали выбрасываться новые, еще невиданные издания: «Руководство к чемоданному делу», «Паяние, лужение и окраска металлов», «Руководство по сапожно-башмачному ремеслу», «Улучшенный ручной ткацкий станок» и др.

Это были наши первые издания такого рода. А затем появились и другие, где на первом месте стояла целая серия книг по игрушечному делу: «Игрушка — радость детей», «Игрушка, ее история и значение», «Как делают игрушки», «Руководство по игрушечному промыслу», «Токарная, резная и столярная игрушка» и др.

Все издания по промышленному образованию имели очень большой, можно даже сказать выдающийся, успех. Во главе дела стоял у нас молодой человек, П. Е. Юницкий, земский деятель и специалист по промышленному образованию. С его помощью дело с каждым годом развивалось все больше и больше, и спрос на техническую книгу неизменно возрастал.

Большой успех имели и плакаты, которые расходились в огромном количестве. Это агитационное средство оправдало себя в полной мере.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

На одном из заседаний правления нашего Товарищества я внес такое предложение: ввиду предстоящих юбилеев исторических событий: 1) в 1911 году — 50-летие со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, 2) в 1912 году — столетие Отечественной войны и другие — предлагаю правлению ознаменовать эти исторические годовщины и выпустить роскошные издания.

Предложение было принято правлением, оно постановило пригласить научные силы по возможности всех русских университетов принять участие в создании этих литературных памятников. Издание должно быть в полном смысле слова роскошное — как по своему объему, так и по художественному исполнению.

Считая эти юбилеи крупными датами русской истории, правление решило не жалеть средств и выпустить книги в полном соответствии со значением празднуемых событий, как бы ни были велики расходы. Сверх того правление предложило мне принять все меры, чтобы крупнейшие научные силы России обязательно были привлечены к этим изданиям.

Юбилейное издание «Отечественная война 1812 и русское общество», т. III. Издание И. Д. Сытина

Получив такое лестное предложение, я принялся за эту работу с особенным увлечением. Необходимо было собрать все, что было в нашем отечестве лучшего, талантливого и яркого, чтобы и будущие книги могли стать памятником русской науки и русского печатного дела.

Но кто может объединить ученых? На кого следует возложить редакцию этого огромного многотомного труда?

Мне казалось, что всего лучше остановиться не на лицах, а на учреждении.

«Великая реформа» [1], юбилейное издание в память освобождения крестьян, было выпущено под редакцией Исторической комиссии учебного отдела Русского технического общества. В издании приняли участие более 60 профессоров, приват-доцентов, писателей и педагогов. Книги были иллюстрированы портретами и картинами на отдельных вкладных листах по способу меццо-тинто и в красках. Издание состояло из шести томов (105 печатных листов) и стоило 24 рубля.

Признаюсь, я редко принимал так близко к сердцу судьбу русских книг, как принял судьбу этого юбилейного издания, посвященного крестьянину. Через мои руки прошли сотни тысяч книг, но ни одна меня так не волновала. Я смотрел на эти книги, как на свои собственные, точно это я был их автором, точно каждую из них я выстрадал в муках творчества. Очень может быть, что тут сказалось мое крестьянское происхождение и та неистребимая память о мучительном рабстве, которая жила в моей душе. Мне хотелось, чтобы русская наука спустя 50 лет поближе заглянула в русскую деревню и подвела итоги: что было сделано за 50 лет для народа и до конца ли истреблены в русской жизни остатки рабства. По себе, по личному опыту я знал, что не до конца. Моего сына не принимали в Поливановскую школу [2], потому что он был крестьянин. На выставках меня обходили наградами, потому что я был крестьянин. Нельзя крестьянину получить золотую медаль, а только бронзовую!

Самый многочисленный класс населения, выдержавший на своих плечах всю тяжесть государства, наш «сеятель» и «хранитель», как называл его поэт, все-таки не достиг полноправия даже через 50 лет после освобождения.

Эту сословную боль знает каждый крестьянин, потому что, как бы далеко ни ушел он от своего тягла и своей полоски земли, неравноправие шло за ним по пятам и всегда различало кость белую от кости черной.

Юбилейный лист, посвященный А. С. Пушкину
Издание И. Д. Сытина

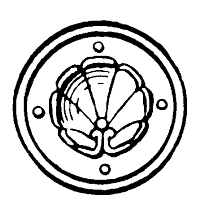
И оттого мне хотелось приложить все силы, чтобы создать настоящий литературный памятник, достойный великого события. Я смотрел на это издание как на кровное дело Сытина-крестьянина и думал, что мое звание обязывает меня.

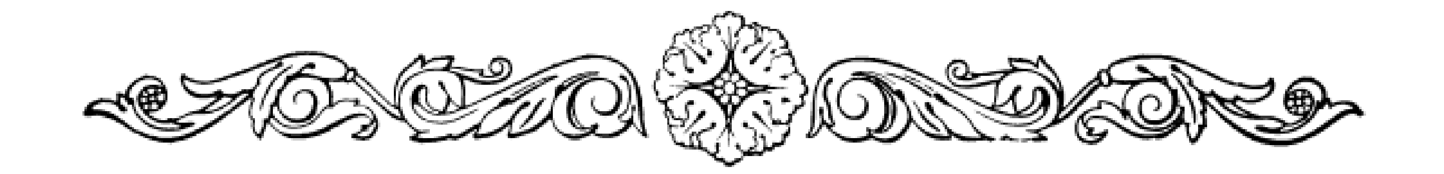
С таким же увлечением я смотрел на те семь томов, которые были посвящены Отечественной войне[3] и русскому обществу.

Но и здесь мое крестьянское происхождение давало себя знать. Наше воинство было составлено из всех сословий, и все с честью стояли за родную землю, полагая живот свой, но, когда кончилась война и слава русского оружия прогремела по всему миру, а русский царь стал повелителем всей Европы, кто из русских сословий был обойден, кого забыли при разделении наград и милостей? Мужика забыли, солдата забыли.

Все сословия были взысканы царской милостью, и только крестьянин не получил ничего. Тот, кто освобождал отечество, сам не был освобожден от рабства. В свободной России он один остался рабом, и еще полвека после наполеоновских войн его продавали, как скотину. Это была неслыханная неблагодарность, и мне хотелось, чтобы хоть через 100 лет на могилу русского солдата, солдата-раба, пришла история и поклонилась его светлой памяти.

Юбилейные издания расходились превосходно, и сравнительно высокая цена их ничуть не отразилась на сбыте.

«ВОЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

понская война[1] показала все наши военные прорехи. При замечательном солдате и очень недурном офицере мы все-таки были разбиты маленькой державой, которая сыграла роль библейского Давида, поразившего Голиафа[2]. Как это могло случиться? Отчего? Где лежал корень наших систематических неудач?

Причин было, конечно, много, но не подлежит сомнению, что не последнюю роль в этом сыграла наша крайняя военная отсталость. Россия считалась первоклассной военной державой и одно время даже «грозою Европы». Наш военный бюджет поглощал миллиарды рублей, через русскую казарму проходили миллионы отборной молодежи; все соседи — Англия, Германия и даже Франция — посвящали нашей армии целую литературу. Но поразительная вещь: эту грозную армию, этот оплот государственного строя обслуживала жалкая, никчемная газетка, где бездарность шла рука об руку с баснословным невежеством. Газета носила чрезвычайно характерное название — «Русский инвалид»[3]. И в самом этом названии запечатлелась как бы насмешка истории.

Инвалид, т. е. калека, человек на костылях, беспомощный обитатель богадельни.

Я всегда удивлялся, как мало вкуса было у наших военных деятелей, которые с самого начала не догадались по крайней мере переименовать свой военный официоз.

Кроме газеты издавалось еще два-три военных журнала, среди них небольшой журнальчик — «Разведчик» [4]. Он был на откупе у бывшего приказчика в книжном магазине Фену — Березовского, который и сказками и ласками снискал пожизненную благосклонность военного министерства и отравлял молодое офицерство полуграмотными статейками во вкусе Сухомлинова.

Оба эти издания — и газета и журнал — существовали на правах монополии и отличались крайней бессодержательностью, барабанным тоном изложения и таким невежеством, что «изречения» их часто входили в пословицу. Дело доходило до того, что какой-то генерал напечатал в «Разведчике» статью о необходимости «женского продовольствия».

Ясное дело, что на эту монопольную литературу военного министерства нельзя было смотреть иначе, как на срам. Люди талантливые, свежие, знающие толк в военном деле, не имели в литературе угла, где могли бы приклонить голову. Они могли хоть звезды с неба хватать, но эти звезды никому не были нужны и никто ими не интересовался, потому что целых 100 лет на поучение всей русской армии бормотал только «Инвалид», и никто, кроме «Инвалида».

Такое жалкое состояние военной литературы подало мне дерзкую мысль: а что, если попробовать перешагнуть через этих монополистов и, пока «Разведчик» говорит о «женском продовольствии», дать армии что-нибудь настоящее, значительное и нужное. Ведь работают же наши военные академии, есть же у нас непочатый край военных специалистов. Почему же эту силу, которая дремлет где-то под спудом, не приблизить к армии и не сделать военное знание достоянием каждого, кто носит военный мундир.

Мне было совершенно ясно, что возлагать какие-нибудь надежды на министров и министерства было бы несвоевременно. Уж если эти люди 100 лет довольствовались «Инвалидом» и за 100 лет не поняли, что такое название официального журнала просто компрометирует армию, так пройдет и еще 100 лет, а они все не почешутся.

Но вопрос, что же дать нашей армии, как и с чем к ней подойти, долго оставался у меня нерешенным. Несколько раз ко мне обращалась группа молодых офицеров — академиков с предложением взять на себя издательство их газеты «Военный голос» [5]. Но при наличии военной цензуры и при военном министре Сухомлинове издание военной газеты казалось мне делом ненадежным.

Поэтому я предложил этой группе офицеров другое:

— Вот что, господа: газету вашу я не возьму и издавать ее не буду; мне не хочется ковыряться в маленьком деле. Нет аппетита. А не пожелаете ли вы принять участие в создании «Военной энциклопедии»? На это издание я готов отдать и свои силы и свои средства.

Мое предложение застало офицеров врасплох. Они не ожидали его. Но тем не менее я видел, что все они загорелись этой идеей и относятся к ней не только сочувственно, но положительно с энтузиазмом.

— А вы, Иван Дмитриевич, как понимаете задачу «Военной энциклопедии»?

Я объяснил свою точку зрения:

— Такие издания существуют во многих странах: в Германии, в Англии, во Франции. А почему бы нам не сделать такой же попытки и в России, чем мы хуже? Русской армии нужна научная военная литература, нужно, чтобы каждая отрасль военного дела нашла широкое, вполне современное научное освещение. Это работа громадная, которая потребует сотен рук. Все лучшие силы русской армии могут принять в ней участие. Но эта работа имеет в виду главным образом офицера, военного специалиста и техника. Однако солдатская масса тоже ведь должна получить свою долю в научном знании. И мне кажется, что наряду с «Военной энциклопедией» было бы очень своевременно снабдить всю армию маленькими библиотечками и подумать о развитии прикладных знаний у русского солдата.

Сельскохозяйственные книжки солдату, будущему пахарю, нужны? Ремесленные пособия нужны? Книжки по всем отраслям кустарного производства нужны? Я не специалист, господа, но я вижу и знаю, что за четыре года солдатской службы человека можно научить не только ружейным приемам. Казарменный досуг можно наполнить очень полезным содержанием. Надо, чтобы за время своей службы солдат имел возможность учиться всему, что потом пригодится ему в деревне. Надо, чтобы полуграмотный и неграмотный сделался не только грамотным, но и знающим чело-

веком, чтобы он был не только учеником в казарме, но и учителем в своей деревне.

Мое предложение было принято молодыми офицерами с чрезвычайным сочувствием. Мысль о военной газете была оставлена, и, не теряя времени, мы быстро организовали, так сказать, редакторский комитет будущей «Военной энциклопедии».

В этот комитет вошли: председатель — генерал К. И. Величко и редакторы — В. А. Апушкин (военный юрист), А. В. Шварц (специалист по устройству крепостей), Г. К. Шульц (моряк) и В. Ф. Новицкий. Редакции были предоставлены со стороны издательства самые широкие полномочия: делайте, что находите нужным и полезным, приглашайте специалистов, каких хотите, и в расходах не стесняйтесь. Сверх того были приняты все меры, чтобы редакция и в материальном отношении была независима. Для нее было снято специальное помещение (на углу Морской и Невского), и каждый редактор, каждый сотрудник получал достаточное содержание и высокий гонорар. За свою долгую издательскую жизнь я убедился на практике, какую громадную роль в литературном труде играет писательский комфорт и как много значит он для продуктивности труда и его качества. Поэтому для «Военной энциклопедии» было сделано все: садись и работай в тепле и комфорте и не думай о завтрашнем дне.

По русскому обычаю работы начались торжественным молебном. Было много друзей, много сочувствующих: заслуженные военные, депутаты Государственной думы, петербургская интеллигенция и в особенности военная молодежь.

Это многолюдство ясно показывало, что с первого шага дело встретило широкое сочувствие общества. А впоследствии, когда редакция стала устраивать субботние чаи и читать доклады о значении военного образования и о важности предпринятого труда, посетителей и слушателей было так много, что в большом зале редакции трудно было протолпиться. Преобладали, конечно, военные, но очень много бывало и депутатов.

Этот первоначальный успех дела очень радовал меня. Я видел, что семя упало на добрую почву и что я правильно нащупал тот стержень, вокруг которого возможно было объединить нашу военную и невоенную интеллигенцию. А так как в редакцию входили люди молодые, талантливые и очень сведущие в своем деле, то работа у нас не шла, а кипела. Тома

энциклопедии выходили один за другим, и, по отзывам специалистов, качество работы не оставляло желать ничего лучшего: и по изяществу издания, и по содержанию наша энциклопедия была не только не ниже, но во многом даже превосходила европейские издания этого типа.

В работе участвовало кроме четырех редакторов еще десять человек их помощников и около ста сотрудников.

Чтобы облегчить типографскую сторону дела, для печатания «Военной энциклопедии» была устроена в Петербурге особая наборная, особая рисовальная и клишеделательная мастерская. Таким образом, все набиралось тут же, под личным присмотром редакции и затем в готовом виде отправлялось в Москву для печати.

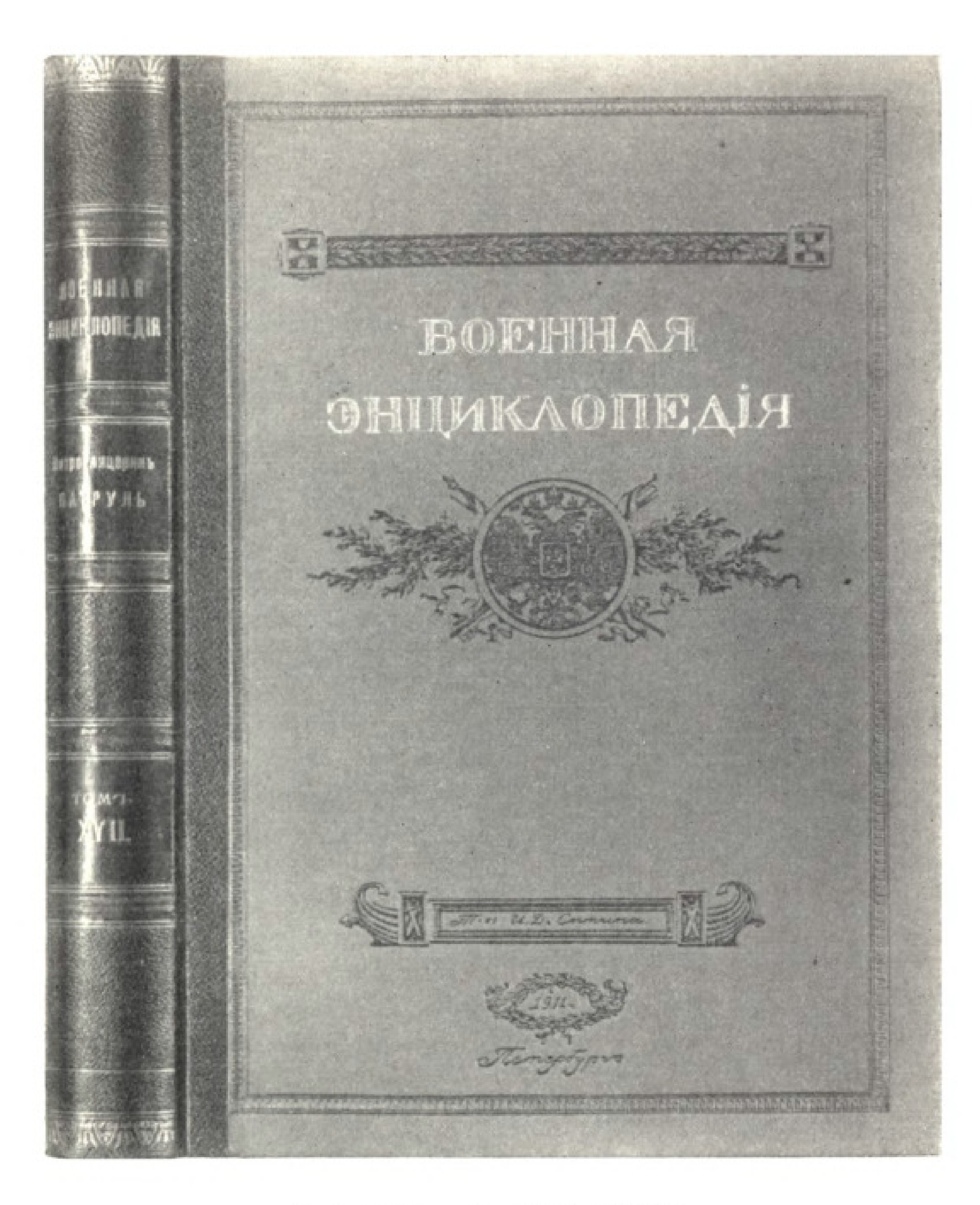
Казалось бы, что все идет как нельзя лучше. На нашей стороне было живое сочувствие образованного общества, к нам прислушивались военные авторитеты, нами живо интересовалась молодая военная интеллигенция, и в деле нашем принимало участие все, что было лучшего в русской армии: талантливые, знающие, живые, полные энергии люди.

Но мы решительно не нравились военному министерству и в особенности министру Сухомлинову. Какая-то, если можно так выразиться, наследственная тупость и столетняя привычка к «Инвалиду» мешали министерству понять все значение этого большого, национального дела. Офицеры, которые у нас работали, считались слишком молодыми, слишком либеральными и едва ли даже вполне благонадежными.

Издание «Энциклопедии» и весь огромный труд, который был предпринят для этого, не только не пользовались сочувствием и вниманием военного министерства, но вызывали даже непонятное мне раздражение с его стороны. «Какие-то либералы в мундирах что-то такое пишут, а какой-то чудаковатый купец из Москвы тратит миллионы рублей на издание их трудов» — так думало военное министерство при виде 19 томов «Военной энциклопедии».

Но зато совсем иначе отнесся к нашей работе морской министр Григорович. Он положительно не находил слов, чтобы выразить нам свое удивление и свой восторг перед этим громадным трудом государственной важности.

— Это подвиг,— говорил он.— Это огромная, беспримерная заслуга перед Россией. Ничего подобного у нас еще никогда не было. Сколько знания, какая любовь к делу и какое изящество формы. Я даже представить

«Военная энциклопедия», т. XVII.
Издание И. Д. Сытина

себе не могу, что эта колоссальная работа выполнена по частной инициативе и на частные средства. Такого подарка Россия еще не получала...

К началу войны было закончено 19 томов[6] «Энциклопедии» и три тома еще печатались и не вышли из типографии. Конец огромного труда, так сказать, был уже виден и значение его определилось вполне. Но для меня было ясно, что дорога к армии все-таки закрыта для «Энциклопедии» и что на нашем пути стоит не то столб, не то пень в лице военного министра Сухомлинова. Чтобы победить это препятствие, оставался один путь: добиться одобрения нашего труда у царя.

Но как это сделать? Я стал хлопотать, чтобы вся редакция была представлена царю и лично преподнесла ему 19 готовых томов. Но в военном министерстве категорически возражали против такого представления, и Сухомлинов «разрешил» только одному мне явиться к царю и преподнести ему наш общий труд. Это было смешно: офицеры и генералы русской армии не могли даже «повергнуть к стопам» монарха свой военный труд, и я, человек штатский, не имеющий никакого понятия в военном деле, должен был выступать вместо генералов и полковников.

Разумеется, я наотрез отказался от такого предложения. И отказался не без чувства раздражения. Мне казалось невероятным, даже чудовищным, чтобы во время ужасной войны, когда обыкновенно на помощь зовут живых и мертвых, пятилетний труд целой сотни военных специалистов не вызвал желания даже ознакомиться с ним, даже взглянуть на него.

Я не говорю уже о том, что содержание редакции «Энциклопедии» стоило мне 100 тысяч рублей в год, а вся работа — свыше трех миллионов, но как не воспользоваться научным опытом военных специалистов, которые пять лет работали и отдали делу все свои знания и всю свою энергию? Ни один восточный деспот не решился бы на такую бессмысленную глупость.

Но Сухомлинов решился. Я был у этого министра только один раз, но и пяти минут разговора было вполне достаточно, чтобы понять, в чьих руках находилась защита России и кто правил нашей бедной армией.

Тучный генерал встретил меня, держа в руках собственноручное и очень милостивое письмо императрицы, в котором выражалась благодарность за содействие и помощь министра по устройству лазаретов, состоявших под ее покровительством. С письмом царицы Сухомлинов носился, как с писаной торбой. Он его всем показывал, всем читал и вслух выражал свой восторг: его так безмерно осчастливили!

Что-то подхалимское и едва ли искреннее было в этом подчеркнутом «верноподданстве». И это так выпячивалось, что противно было говорить с таким «лукавым царедворцем».

Мы, однако, все-таки пришли к соглашению, что «Военную энциклопедию» преподнесет государю морской министр Григорович, но один, без редакторов и издателя. Григорович относился к нашей работе с живейшим сочувствием и, должно быть, сумел заинтересовать царя.

Царь внимательно просмотрел наш огромный труд и выразил удовлетворение, что это издание, о котором он ничего не знал, вышло в России, и притом вышло на частные средства.

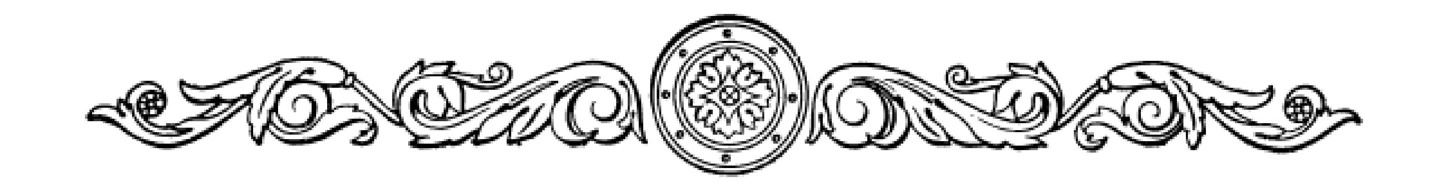
Но и это царское благоволение не сдвинуло нашего дела с мертвой точки. Нужды нет, что царь был доволен, что морской министр восхищался. Сухопутный министр и его «окружающие» были против, и наши 19 томов не нашли доступа в действующую армию и никому не принесли никакой пользы. На нашем пути стоял пень, и перепрыгнуть через него было невозможно даже с помощью царя.

Пять лет труда пропали даром. Несколько миллионов рублей было брошено в печку, а мои мечты о создании в русских полках библиотечек прикладных знаний так и остались мечтами. Ни «Энциклопедия», ни солдатские библиотеки никому не пригодились, и, когда всех редакторов «Энциклопедии» взяли на войну, я остался один у разбитого корыта со своими 19 томами великолепно изданной «Энциклопедии».

Должен сознаться: много ударов судьбы пришлось мне пережить за 60 лет работы. Но такого бессмысленного удара я не получал никогда.

Военной державе в военное время не пригодились военные знания. Можно ли было пойти еще дальше по пути самодурства и безответственной тупости!

«ШКОЛА И ЗНАНИЕ»

В 70-х годах прошлого столетия книжное дело (в особенности издание учебной литературы) было поставлено в России до чрезвычайности слабо. Все издатели были наперечет, и весь русский рынок разделялся на две части.

Верхний слой общества обслуживали:

1) Маврикий Вольф (торговал детской литературой и книгами на иностранных языках; обслуживал преимущественно петербургскую знать);

2) Девриен (сельскохозяйственная литература и «подарочные» книги для детей в изящном издании);

3) Фену (учебники для средней и начальной школы);

4) Глазунов (общая литература, русские и иностранные классики).

Все издатели работали в Петербурге. Они разделяли рынок на части, и каждый знал только свою часть, не вступая в конкуренцию с соседями и не вторгаясь в «чужую» область. В Москве к этому кругу издателей примыкала старая, спокойная фирма Салаева, прославившаяся изданиями Тургенева.

Салаев любил дело и вел его с большим достоинством. Он распространял книги прославленного русского педагога Ушинского, был в личной дружбе с Гиляровым-Платоновым, поддерживал прекрасные отношения с учительским институтом и вообще с преподавателями и авторами учебников. Салаевым заканчивался тот круг издателей, которые обслуживали высший слой общества и интеллигенцию. На всю огромную Россию больше никого не было. Провинция не могла и думать о собственных издательских фирмах, и этот небольшой круг лиц работал, в сущности, на правах монополии. Он поддерживал связи с министерствами и учеными комитетами, знал все ходы и выходы, знал, как провести книгу через игольное ушко официального одобрения и пр. Для издателей это была эпоха «благоденственного и мирного жития». Ни малейшей торговой нервности и никакого напряжения издательских сил здесь не было и в помине. Тишь и гладь и божья благодать десятками лет царили в этом сонном, сытом, неподвижном царстве. Издатели спокойно богатели, чиновники, «одобрявшие» учебные книги, обрастали жирком, а излюбленные и «рекомендованные» авторы учебников жили, как на пенсии.

Первую брешь в этом сонном царстве книжной обломовщины пробили три приказчика, работавшие в фирме Фену: Полубояринов, Березовский и Карбасников.

Фену был еще жив, когда эти энергичные люди из приказчиков стали хозяевами и каждый открыл свое дело.

Полубояринов взял в свои руки учебники, Березовский — военную литературу (издание Погосского) и впоследствии издание «Разведчика», а Карбасников — общую литературу. Оставшись без руководителей, фирма Фену вскоре захирела и была куплена Сувориным, а приказчики выросли в богатых издателей, и двое из них (Полубояринов и Березовский) стали вскоре даже монополистами каждый в своей области: Полубояринов овладел учебниками, а Березовский обслуживал всю русскую армию.

Учебная книга была безумно дорога, часто плоха качеством и малодоступна. Чудовищный барьер был воздвигнут между жаждущими учения и учебной книгой.

К общим затруднениям по проведению книги в жизнь тут были прибавлены свои специальные тяжкие препоны.

Если в битве за книгу приходилось бороться с общими условиями русской жизни — с мракобесием, косностью, боязнью просвещения, то

здесь приходилось бороться еще с организованным синдикатом, организованной монополией книгоиздателей и привилегированных авторов учебников.

Дешевого, доступного, здорового и нужного учебника не было.

Учебники были безмерно дороги, недоступны по цене, сосредоточены в немногих руках. Нераздельно и самовластно царила небольшая кучка лиц, объединенная однородными интересами и не допускавшая малейшего проявления инициативы и жизни в своей среде.

Царили и властвовали издательские династии, при которых состояли излюбленные авторы учебников. Полубояринов один властвовал десятки лет в начальной школе. Около 30 лет все учебники были у него в руках и в ходу были только его учебники. Салаев чуть ли не 100 лет был таким же монополистом в средней школе: хороши или плохи были его учебники, но учебники были только его. И главное они были безмерно дороги.

Дороговизна книги создала налог на учение. Весь русский народ был обложен налогом в пользу немногих.

В средней школе при плате в год за учение 50 рублей ученику приходилось за школьные книги платить в год от 15 до 25 рублей.

Так же обстояло дело и в начальной школе.

Ни одна отрасль труда не давала такого невероятного процента прибыли.

Книга, которая стоила издателю 15—20 копеек, продавалась по 1 рублю — 1 рублю 20 копеек.

На кого же ложился бременем этот налог? На бедного, забитого, безграмотного, жалкого, темного, полуголодного крестьянина. Главною тяжестью ложился он на «кухаркина сына».

Так обстояло дело вверху, а внизу, для крестьянской массы, работал Никольский рынок в лице своих народно-лубочных издателей.

Манухин, Леухин и Преснов, как три кита, поддерживали на себе всю русскую грамотность, а подальше от них ковырялись в своих маленьких лавочках издатели второй и третьей категории — Морозов, Яковлев, Абрамов, Шарапов, Глушков. Общими силами они обслуживали всю сермяжную Русь. На первом плане здесь, конечно, стояла дешевизна. Книги продавались от 75 копеек за сотню. Книга в 2, 3 и 5 копеек была уже товаром подороже, а книга ценою в 10 копеек считалась уже почти дорогой.

Этот крестьянский рынок обслуживался тоже очень тесным кружком лиц. Если бы не было Никольского рынка, то 100-миллионная масса русского крестьянства осталась бы совсем без печатного слова. Даже синодальные издания (псалтырь, святцы, часовники и славянская азбука) распространялись торговым аппаратом Никольского рынка.

Песенники, оракулы, сонники, «соломоны», священная история и «Потерянный рай» Мильтона в переделке — все выпускалось Никольским рынком. Им же издавалась для народа азбука ценою в 1, 2 и 3 копейки, самоучители русской грамоты в 15 копеек, начальные рассказы из русской и священной истории, начальная арифметика и пр. Все это весьма низкого качества. Так или иначе, а самое деление книжного рынка на две части представляло собой вопиющее зло, от которого терпела вся страна. Привилегия и монополия создавали застой в издательском деле и парализовали свежие силы новых авторов, которые должны были продираться через колючую изгородь официальных «одобрений».

Предстояло одно из двух: или покорно опустить голову и плестись по проложенным тропинкам, или пробить брешь в этом заколдованном царстве и освободить русскую книгу и русский учебник из цепких лап монополии. В своей личной деятельности я выбрал второй путь, хотя и знал, что всякое новшество в этом заколдованном кругу будет встречено змеиным шипением, а может быть, и змеиными укусами.

Ведь зло было не в одном узком вопросе о забронированной монополии учебников. Зло — шире. В забронированности книги вообще. В запрете, который лежал у нас на книге как проводнике просвещения. И с этим злом надо было вести борьбу.

Что я застал в этом царстве рутины, кумовства и твердокаменной казенщины? Почти при каждом ведомстве был свой «комитет», который рассматривал всю учебную литературу и «допускал» или «не допускал», «одобрял» или «не одобрял», «запрещал» или «дозволял». Учебник, только «дозволенный», не имел никаких шансов на успех — надо было, чтобы ведомство «одобрило» книгу, и тогда судьба ее определялась вполне: издатель мог рассчитывать на барыши, а автор — даже на богатство.

Какие же были ходы и пути для получения «одобрения»? Их было множество, но все они вели через «заднюю дверь». Одни издатели «умели», другие «не умели» нащупывать «заветную дверь». Многочисленные анекдоты свидетельствовали, что рецензенты книг бывали «податливые»

и «непреклонные», «добрые» и «каменные» и что были способы воздействия, чтоб данная книга не попала на рецензию к человеку «каменному», а была отдана «благодушному».

Особенно безнадежными считались случаи, когда члены «комитетов» сами были авторами учебников и «комитету» приходилось «одобрять» или «не одобрять» другой, конкурирующий учебник. Конечно, в этих случаях конкурент из чувства приличия не брал на себя рецензию чужой книги, но его сослуживцы и друзья по «комитету» отлично понимали, что «одобрение» соперника могло разорить Ивана Ивановича, и «из чувства приличия» не вредили «родному человечку». «Приличие», таким образом, соблюдалось во всяком случае.

Такие же трудности стояли на пути каждого нового учебника и в том случае, если новый учебник мог повредить высокопоставленному чиновнику-автору, тоже выпустившему свой учебник. Так, попечитель учебного округа Баранов много лет считался почти монополистом по части хрестоматий для начальных школ. Служебное положение его создавало неприкосновенность и его учебникам. При ближайшем знакомстве с положением дела я увидел, что от выпускающего учебники издательства шла как бы тропинка, протоптанная в министерства или чиновниками, или особыми ходатаями, сделавшими из министерских «одобрений» свою профессию. Особенно силен был в этих делах Полубояринов, который приходил в министерство народного просвещения, как к себе в лавку.

Но всему на свете бывает свой предел. Общий ропот в печати и в обществе сделал то, что издатели-счастливчики и, так сказать, первенцы министерства должны были потесниться и наглухо запертая дверь министерства чуть-чуть приоткрылась и для всех прочих. Этим воспользовалось и наше Товарищество, и два-три чрезвычайно удачных опыта с изданием учебников (Вахтерова, Тулупова) сделали то, что прежним поколениям и не снилось. Наши учебники стали расходиться в неслыханном количестве, и первая брешь в монополии учебной литературы была пробита. Это, конечно, вызвало негодование в застоявшемся болоте привилегированных авторов и излюбленных издателей. На нас посыпался целый град обвинений в неблагонамеренности и даже в потрясении государственных основ. Но дело было сделано, и надо было идти дальше.

С 1895 года явилась возможность приступить уже к грандиозному по тому времени изданию «Библиотеки самообразования» [1]. По истории,

философии, экономическим наукам и естествознанию нами было издано 47 книг. С 1899 по 1905 год было издано 33 учебника. Кроме того, в 1905 году положено начало коллективной работе по изданию книг для народа и учебников для народной школы. С дифференциацией школьно-учебного материала такая коллективная работа была признана наилучшей формой выработки учебников и в особенности книг для объяснительного чтения.

В десятилетие, с 1906 по 1916 год, фирмой И. Д. Сытина издано уже было 180 учебников для начальной школы. Наконец, к этому же, последнему периоду деятельности Товарищества следует отнести издание книг для взрослых и руководств для учителей, а также книг по прикладным, вспомогательным отделам школы (рисование, ручной труд, подвижные игры, театр, устройство школьных праздников, живых картин, литературных вечеров и т. п.).

Как же относилось в эти годы министерство народного просвещения к работе Товарищества? На этот вопрос лучше всего ответят цифры. Начиная с 1887 года из всех учебников, изданных Товариществом, было допущено только 60%, т. е. немного более половины. Остальные учебники погибли. Бывали примеры, что учебные книги, изданные И. Д. Сытиным, служили даже предметом особого рассмотрения законодательных учреждений (Государственного совета и Государственной думы).

Совершенно очевидно, что такая постановка дела не могла удовлетворять издателей и требовала дальнейших реформ. Учебная книга все-таки стояла далеко от народа, и требовалось сделать еще шаг, чтобы приблизить ее к потребителю и улучшить ее качество. С этой целью было учреждено общество «Школа и знание». Общество преследовало две основные задачи: 1) лучшее качество и 2) дешевизну распространяемых учебников. Первую задачу общество полагало разрешить путем устройства конкурсов, а вторую — массовым производством. На конкурсы предполагалось приглашать ученых — педагогов и техников, избранных корпорациями, университетами, институтами и пр. или учебными, педагогическими и техническими обществами, а также лиц, избранных земскими и городскими учреждениями, лигой образования, обществом народных университетов, императорским техническим и императорским вольно-экономическим обществами.

Программа «Школы и знания» была исключительно просветительная. Никаких коммерческих целей не преследовалось. Фактически же цель

учреждения этого общества сводилась к тому, чтобы нанести последний, смертельный удар монополии. Все, казалось, благоприятствовало новому начинанию, и в учредительный комитет общества вошли М. М. Ковалевский, А. И. Эртель, В. А. Морозова, В. И. Ковалевский и И. Д. Сытин.

Но, к большому несчастью, общество при самом своем зарождении обратило на себя бешеную злобу депутата Пуришкевича, который с думской трибуны заявил, что «революционер И. Д. Сытин» создает революционное общество с государственно-разрушительными целями. Эта речь, вся целиком состоявшая из черной демагогии и грубой клеветы, имела решающее значение для мнения правительства, и обществу не дали сделать ни одного шага. Трудно сказать, что именно руководило депутатом Пуришкевичем в его безответственной парламентской клевете, но не исключено и предположение, что эта личная ненависть к издательству Сытина имела кроме политического недоверия и коммерческий характер. Известно, что Пуришкевич проектировал создать «Филаретовское общество» [2] для издания учебников и книг для классного чтения. Именно это «Филаретовское общество», как надо полагать, и было причиной того, что, не ограничившись парламентской клеветой, депутат Пуришкевич выпустил еще злой и лживый памфлет под заглавием «Школьная подготовка второй русской революции».

В этом памфлете самые простенькие буквари, хрестоматии и книги для объяснительного чтения рассматривались как призывы к вооруженному восстанию и всеобщей резне. Особенно революционным казалось Пуришкевичу взятое из хрестоматии известное стихотворение:

В няньки я к тебе взяла
Ветер, солнце и орла [3].

Оказывается, здесь Пуришкевич видел призыв к классовой мести и классовой зависти (у богатого ребенка и няни, и бонны, и гувернантки, а у бедного только ветер и солнце). Смешно вспомнить, но именно безобидные буквари и азбуки-копейки подали повод печально известному депутату написать в своем памфлете:

«Все эти «гнойнички» в конце концов сольются в один сплошной гигантский, злокачественный нарыв, который лопнет с треском и шумом, при зареве пожаров, обагренный потоками невинной крови, под торжествующее завывание и рев озверевшей, преступной черни».

Вот куда махнуло этого депутата от простенького невинного стихотворения.

Но начатого дела я не оставил.

Я решил испытать новый путь: открыто толкнуться в замкнутую дверь правительственного одобрения и спросить по существу, чего же, наконец, от учебников хотят. Открытыми глазами решил посмотреть, можно ли при существующих условиях продолжать дело проведения в школу дешевого и полезного учебника, преследуя те же цели, которые вызвали пять лет назад мой проект «Школы и знания».

Я сам лично, независимо от Товарищества И. Д. Сытина, сделал шаг к тому, чтобы увидеть, можно ли получить одобрение на здоровый и полезный учебник открыто, не ища помощи через какие-либо задние двери.

Не думая о каком-либо покровительстве, о каких-нибудь гарантиях и, тем паче, о какой бы то ни было монополии, я решил сделать попытку хоть несколько застраховать учебник от той полной неопределенности и беззащитности, в какой он находился в руках «монополистов».

Дорожа нашим союзом со школой, я полагал возможным призвать всех педагогов, обладающих опытом и знанием, к сотрудничеству с нами на пользу школы, надеясь, что ознакомление с требованиями, предъявляемыми для «одобрения», только поможет им в их работе, особенно тем, кто жил в провинции и не имел «связей» в Петербурге.

Монопольных же авторов я надеялся таким путем заставить удешевить свои издания и облегчить бремя налога на малоимущего учащегося.

Вопрос был в том, согласится ли автор зарабатывать не 25—30 тысяч рублей в год, а несколько меньше, да и то условно, ибо книга, проигрывая в цене, безмерно выигрывала в распространенности. В такой нищей стране, как Россия, учебник в 1 рубль — 1 рубль 25 копеек был не по карману. Ведь и так в действительности ученик зачастую пользовался старой, подержанной книгой...

Но какой шум вызвали первые же мои шаги! Раздался крик о монополии, не стали ждать даже первых проявлений деятельности. Книгоиздатели и излюбленные авторы учебников заволновались безмерно. Книгоиздатели-монополисты вместо того, чтобы выслушать меня же о целях, задачах и приемах моего начинания, возопили о моей «монополии». Все это во имя того, чтобы спасти барьер в лице «ученого комитета» и его «одобрения».

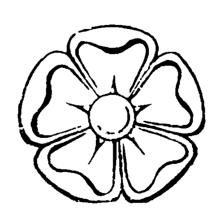
На помощь услужливо явилось «Новое время», где анонимный автор ужасался, что революционер Сытин начал развращать правительство, и призывал правительство на борьбу с Сытиным...

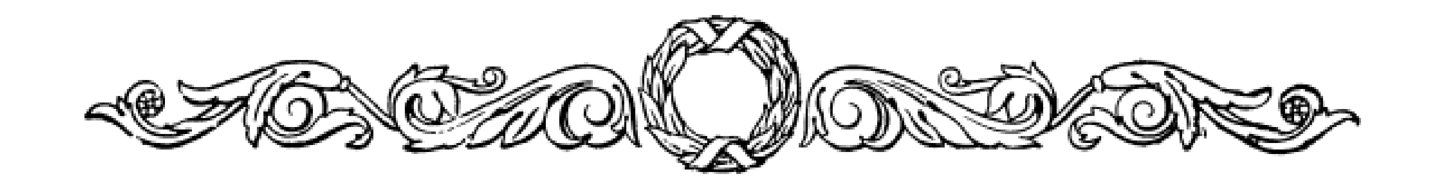
Против всего этого была одна защита, одно средство борьбы: чистые и светлые идеалы народного образования, дешевизна и доступность книг при общественном доверии и поддержке...

Всю свою жизнь я верил и верю в силу, которая помогала мне преодолевать все тяготы жизни: я верю в будущее русского просвещения, в русского человека, в силу света и знания.

К каким результатам привела моя многолетняя борьба за книгу, не мне судить. Принесла она вред или пользу,— об этом пусть судит общество.

Но эту борьбу за книгу я вел до конца. Мечта моя — чтобы народ имел доступную по цене, понятную, здоровую, полезную книгу. Чтобы книга стала лучшим другом крестьянина и стала близка ему.

«РУССКОЕ СЛОВО»

анимаясь книгоиздательством, я посвятил этому делу все свои силы и никогда серьезно не думал, даже не помышлял об издании газеты. Это было мне несродно и чуждо, я не знал газетного дела и очень боялся его чрезвычайной сложности и трудности. Но А. П. Чехов, которого я безгранично уважал и сердечно любил, почти при каждой встрече говорил мне: «Сытин должен издавать газету». И не какую-нибудь, а дешевую, народную, общедоступную. Вначале я, как умел, отшучивался. Но Чехов был так настойчив и так соблазнительно рисовал передо мной широкие газетные перспективы, что в конце концов он не только убедил, но положительно зажег меня. Я почти решился... Но это было легко сказать — издавать дешевую народную газету. А как это сделать? На пути стояли непреоборимые заграждения в виде концессионной системы, цензуры, князя Сергия Александровича, генерал-губернатора Москвы, и всесильного, вездесущего и всемогущего Победоносцева.

Хватит ли меня, чтобы перескочить через все эти барьеры, не разбивши лба и не насмешив людей. Иногда препятствия казались мне непобедимыми,

и я в бессилии опускал руки. Но Антон Павлович, который умел побеждать мои страхи, был тут как тут со своей обычной фразой: «Сытин должен издавать газету».

В конце концов, однако, я решился сделать этот прыжок в темную бездну неизвестности.

Для меня было очевидно, что никогда и ни при каких условиях главное управление по делам печати не даст мне разрешения на газету. Надо было идти к цели длинными, обходными путями (иногда очень тяжелыми и очень противными) и искать людей, приемлемых даже для Победоносцева.

«Лиха беда начать,— думалось мне.— А там можно ведь найти средства, чтобы отделаться от одних людей и пригласить других». Случай помог мне.

В 80-х годах в московском доме Л. Н. Толстого я познакомился с приват-доцентом Анатолием Александровичем Александровым, который был учителем младшего сына Толстых, Андрея Львовича.

Это был толстый, неуклюжий человек, лет 35, хромой, кудластый, нескладный. Он был известен своей близостью к Победоносцеву и издавал реакционный журнал «Русское обозрение» [1].

Я знал, что деньги на этот журнал давал богатейший купец Викул Иванович Морозов, стоявший во главе Богородско-Глуховской мануфактуры.

Знал я и тайные пружины, какие руководили Морозовым: щедрый дар на победоносцевский журнал должен был смягчить победоносцевские неистовства против старообрядцев.

Из того, что журнал «Русское обозрение» был белыми нитками пришит, с одной стороны, к Богородско-Глуховской мануфактуре, а с другой — к обер-прокурору святейшего синода, я заключил: есть только один человек, которому Победоносцев без возражений разрешит издание дешевой народной газеты,— это редактор «Русского обозрения» Анатолий Александрович Александров.

Воспользовавшись нашим старым знакомством, завязавшимся еще в Хамовниках, в доме Л. Н. Толстого, я пригласил к себе на чай А. А. Александрова, а вместе с ним еще И. Л. Щеглова, автора театральных пьес и сотрудника журналов, и Г. П. Георгиевского, учителя и писателя, известного своими историческими и философскими статьями.

Беседуя за чайком о том, о сем, я незаметно свел наш разговор на газету.

— А отчего бы нам, господа, не начать издавать свою газету? Вы, Анатолий Александрович, — личный друг Победоносцева, и, конечно, кому-кому, а вам он никогда не откажет в разрешении на газету. Разрешит и дешевую, и бесцензурную, и народную... Подумайте, как хорошо бы было... Вся редакция у нас готова, в полном составе: вы — редактор, Г. П. Георгиевский — передовик, И. Л. Щеглов — фельетонист, а я — ваш издатель. Для крепости можно позвать еще и Ф. Н. Плевако. Подумайте, разве плохо? Ведь у нас запляшут лес и горы!..

Мысль моя показалась удачной, и вся компания заметно оживилась:

— А и в самом деле, господа. Ведь это идея: дешевой газеты в Москве нет.

Все стали судить, рядить и примериваться к будущей газете. Молчал только Александров.

— Ну так как же, Анатолий Александрович, быть или не быть? За вами слово... Дело ведь доброе, и работа всем бы нашлась.

Грузный, толстый Александров завозился на своем стуле и засопел носом:

— Да я, что ж, братцы... Я не прочь. Попытаться можно, отчего не попытаться...

Я налил вина в стаканы и поднял бокал за будущую дешевую газету. Чтобы ковать железо, пока горячо, я тут же вынул из кармана сторублевый билет и положил его на стол.

— Не теряйте времени, дорогой Анатолий Александрович, вот деньги на дорогу, поезжайте в Петербург к «дедушке» (Победоносцеву), и он вам все сделает, что нужно.

Александров согласился:

— Ну ладно... А как же будет называться газета, какая ей цена?

— Цена — 5 рублей в год, — сказал я, — а название от вас зависит. Редакция налицо, пусть она и название придумает.

— А что, если назвать «Русское слово»? — предложил Александров.

— Отлично, прекрасно!.. «Русское слово».

Все согласились и очень радостные, оживленные, веселые разошлись по домам.

Прошло несколько дней... Еду я как-то по Тверской, смотрю: Александров с супругой, Авдотьей Тарасовной, на извозчике катит... Увидели меня, остановились. А супруга еще издали кричит:

— К Иверской едем... Молебен служить... Поздравь нас, Сытин!.. Разрешение-то — вот оно!..

— Вот оно, разрешение-то, готово. Поворачивай извозчика, едем вместе к Иверской.

— Да неужто сделали? Неужто разрешил?

— А ты как думал? Говорят тебе — вот оно, в сумке у меня. Поворачивай, что ли, извозчика... К Иверской...

Во время богослужения толстая, громадная, как глиняная глыба, Авдотья Тарасовна вся сияла от радости и, лишь только священник окончил молебен, опять скомандовала:

— А теперича к нам...

Авдотья Тарасовна, которую все мы за глаза называли просто Авдотьей или просто Тарасовной, была женщина властная, шумная, вздорная и совершенно серая. Она отличалась «холмогорским» телосложением и была так толста и увесиста, что на нее страшно было смотреть. Мужем своим она вертела, как хотела.

Конечно, дома за водочкой и закуской мне рассказали все подробности: как Победоносцев принял, что говорил, как разрешил. Но говорила больше Авдотья, как будто это она была у Победоносцева и это ей разрешили.

— А разрешение-то — вот оно, в сумке у меня, видал? Ты бы хоть сто лет хлопотал, не выхлопотал бы, а у нас раз, два, три — и ступай к Иверской молебен служить. Дай-кося бумажку-то, дай сюда, я в сумку спрячу.

Трудно было понять, каким образом Александров, образованный человек, редактор журнала и приват-доцент, мог всю жизнь терпеть возле себя такую бабищу-тумбу.

Мне надо было серьезно подумать о начале дела: собрать деньги, выбрать типографию, позаботиться о бумаге... Решили печатать газету в университетской типографии, где печатались «Московские ведомости» [2].

Чтобы привлечь пайщиков, я поехал к Ф. Н. Плевако, с которым давно был в добрых отношениях, и получил обещание, что Плевако со своей стороны внесет 25 тысяч.

В общем собралось до 50 тысяч рублей наличных денег, и мы приступили к организации редакции.

Редактор — Александров.

Передовик — родственник Александрова (эту кандидатуру закулисно поддерживала Авдотья).

Сотрудники: Лев Тихомиров, Грингмут... архимандрит Никон, Щеглов, Георгиевский.

Одни эти фамилии говорили о качестве газеты. Но я ни одной минуты не смотрел на эту газету, как на свою. Я покупал только право на газету. По русским условиям это был единственный путь, другого не было. И я бросил свое зерно в этот навоз, рассчитывая, что со временем вырастет пшеница. Больше всего была довольна составом редакции, кажется, Авдотья. Сжимая свой увесистый кулак, она все повторяла:

— Ух, ребятушки... Ни у кого в Москве такой редакции не сыщешь. При этакой-то редакции мы такую ли газетину взбодрим...

Так началось издание «Русского слова»... Победоносцев разрешил, а Авдотья благословила.

Мне было грустно и тоскливо. Я чувствовал, что сижу в чужих санях, которые сам же запряг.

Куда побегут эти сани? Куда они меня привезут? А что, если в пропасть! Ведь такая борзая тройка, как Тихомиров, Грингмут и архимандрит Никон, может и за тридевять земель ускакать.

В тоске и в смущении я прибег к своему обычному лекарству — пошел поговорить с А. П. Чеховым.

— Что делать, Антон Павлович? Вот какая кунсткамера у меня подобралась...

Но Чехов был бодр и полон самого светлого оптимизма:

— Не робей, Сытин. Действуй. Это только присказка, а сказка будет впереди... Смотри и ты вперед. Редакция эта не вечна. На смену ей придет другая. Надо только дождаться ее естественной смерти и заменить другой. Действуй же и терпеливо дожидайся своего часа...

— А если не дождемся?

— Дождемся. Время есть, было бы чего ждать-то.

При этом редакционном составе газета издавалась целый год.

Что это была за газета? Это был подголосок «Московских ведомостей». Идеи скончавшегося Каткова перерабатывались в популярную форму, доступную для «простого народа». Часто заимствовались и переделывались даже целые статьи. Тон был барабанный, нестерпимо пошлый.

Особенно неистовствовал в передовом отделе Авдотьин зять. Он писал до невыносимости нагло, и, когда в Петербург приехал президент французской республики Феликс Фор, Авдотьин зять напечатал передовую, в которой спрашивал, как осмелился этот французишка подать руку его императорскому величеству, самодержцу всероссийскому. А в другом отделе Никон, архимандрит Троице-Сергиевской лавры, на всю Москву негодовал, что по субботам начальство разрешает спектакли в театрах и что публика ходит смотреть зрелища, вместо того чтобы стоять у всенощной.

Каков был тираж этой газеты? Около 10 тысяч, из которых более трети рассылалось бесплатно.

Словом сказать, это было кормление известной группы лиц, близких Победоносцеву, и ничего более. Но, взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Приходилось молчать, терпеть и, как говорил Антон Павлович, «дожидаться».

И я «дожидался». Через год, однако, все деньги, ассигнованные на газету, были съедены. Я не мог топить эту печку без конца, и Александров поехал к великому князю Сергию Александровичу просить поддержки. К моему удивлению, это имело успех. Князь, оказывается, был очень доволен газетой, следил за ней и советовал как можно шире распространять. Из собственных средств он дал Александрову 35 тысяч рублей. Но печка требовала много дров, и через полгода великокняжеская подачка была истрачена до последней копейки. Тогда, посоветовавшись с Авдотьей, Александров поехал просить денег к царю. Влиятельные петербургские друзья без особых затруднений добились для него аудиенции, и Александров поехал во дворец. Царь принял его ласково, газету похвалил, узнавши, что великий князь дал 35 тысяч рублей, предложил и со своей стороны столько же.

С этими царскими деньгами Александров возвратился в Москву и при первой же встрече неожиданно заявил мне:

— А знаешь, я из царских денег на газету много тратить не буду... Надо же мне и себя обеспечить... Бери свою газету и делай с нею, что хочешь, только заплати долги газетные — 28 тысяч рублей.

Это было так неожиданно и так откровенно, что я готов был не верить собственным ушам.

Поехать в Петербург, быть у царя, взять на газету денег и положить их в собственный карман — такая простота нравов хоть кого могла озада-

чить. Но, по-видимому, Александров уже в ту пору мечтал о собственном домике и клочке земли, а Тарасовне, вероятно, уже грезились гуси и утки, огород и «полная чаша» в своем хозяйстве. Тем не менее надо было считаться с создавшимся положением и принимать на себя и долги, и издательство. Но как принять?

Сделаться официальным издателем я мог только с разрешения главного управления по делам печати, а главное управление могло это разрешить только с ведома и согласия Победоносцева. Выходило так, что опять надо было ехать в Петербург и опять утруждать его высокопревосходительство новой просьбой. Это было тяжеленько... Но Александров надеялся на свои старые связи с Победоносцевым, и мы тронулись в путь.

Не без волнения переступили мы порог того кабинета, где решалась судьба стольких русских начинаний и надежд. По своему служебному положению Победоносцев не имел никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения к нашему делу: он был обер-прокурором синода, а наше дело относилось к компетенции министерства внутренних дел. Но таково было влияние и могущество всесильного временщика, что нам даже в голову не приходило, что мы стучимся не в ту дверь. Приняты мы были иронически, но все-таки благосклонно.

— Что скажете, милая пара?

Высокий, желтый, худой и тонкий, как глиста, Победоносцев походил на змею, вставшую на собственный хвост, а круглые роговые очки еще больше дополняли его сходство с гремучей змеей. Со страхом я заметил, что Победоносцев держал в одной руке каталог всех моих изданий, а в другой карандаш.

— Так что же скажете, милая пара?

Но мы не успели и рта раскрыть, как в кабинет горошком вкатился Саблер и, почтительно склонившись, попросил своего начальника «на одну минуту» выйти в соседнюю комнату и подписать спешные бумаги. Победоносцев положил на стол каталог и карандаш и молча последовал за Саблером. Мы остались одни, и, как только дверь за ушедшими закрылась, Александров молча сгреб со стола каталог и сунул себе в карман.

— Ты что делаешь? — шепотом спросил я.

— Так вернее будет, а то, брат, не ровен час... Мало ли чего нет в твоем каталоге!

— А если хватится?

— Забу-у-дет...

Я стоял ни жив, ни мертв, но вернувшийся через пять минут Победоносцев действительно забыл о каталоге. Он сел за стол и в прежнем ироническом тоне снова спросил:

— Ну-с, так что же вам, друзья? Садитесь.

— Мы к вашей милости, Константин Петрович,— начал Александров.— Разрешите мне передать издание «Русского слова» Сытину... Я больше издателем быть не могу, у меня нет денег...

— А, вот что... А Сытин может. Я знаю, он завтра же выпустит на бульвар девицу в желтой юбке, а таких девиц у нас и без него ходит достаточно. Нет, я этого не разрешу!..

— Но ведь я остаюсь в газете редактором, Константин Петрович,— вставил Александров.

— А Сытин тебя выбросит потом.

— Будьте уверены, Константин Петрович, все останется по-старому... Как было, так и будет...

Худое, желтое, точно мертвое, лицо Победоносцева сморщилось в презрительную гримасу.

— Да что там по-старому. Ведь ты как редактор ничего не стоишь, грош тебе цена — разве я тебя не знаю? Читая твою газету, все мои швейцары сделались хамами... Тошнит от твоей газеты: вся она состоит из подхалимства и хамства.

— Но, Константин Петрович, теперь будут средства и можно будет улучшить содержание газеты...

— Улучшить... Содержание... Кто это будет улучшать, не ты ли? Нет, я сделал большую глупость, что разрешил тебе газету... Лучше, брат, закрой лавочку — и дело с концом...

— Неудобно, Константин Петрович: его высочество великий князь Сергий Александрович доволен газетой...

— Не газетой, а хамством твоим доволен... Ну да плевать на вашу газету, делайте, что хотите. Пусть еще одна желтая юбка на бульвар выбежит для удовольствия великого князя. Прощайте.

Получив это напутствие, которое можно было понимать и так, и этак, но которое Александров истолковал как разрешение, мы на другой день поехали в главное управление по делам печати и представили Соловьеву нашу бумагу о передаче права издания Товариществу Сытина.

— А Победоносцев согласился? — не без удивления спросил Соловьев.— Странно... Ну хорошо. Но только я должен попросить еще разрешения великого князя.

— Будьте спокойны, ваше превосходительство,— вставил Александров.— Это я беру на себя. Разрешит...

Тут же, в главном управлении, мы написали передаточную бумагу, и я спросил Соловьева:

— Я могу писать на газете, что я издатель?

— Надо подождать ответа великого князя.

С тем мы и уехали в Москву. Первый человек, к которому я пошел в Москве, чтобы поделиться своими петербургскими впечатлениями и новостями, был, конечно, А. П. Чехов.

— А ведь меня, кажется, утвердили издателем, Антон Павлович...

Антон Павлович был очень доволен исходом дела и, как всегда, старался меня ободрить.

— Ну поздравляю... Первый шаг сделан. Теперь остается только переменить редактора, и дело будет в шляпе.

Антон Павлович по-прежнему был полон веры в дешевую народную газету и с увлечением развивал мне свои взгляды на это дело. Он доказывал, что всякому крупному издателю газета необходима, как хлеб насущный.

— Газета тебе голову приставит,— все повторял он и все рисовал предо мною тип настоящей народной газеты.— Газета должна быть и другом, и учителем своего читателя. Она должна приучить его к чтению, развить в нем вкус и проложить ему пути к книге. Газетный читатель должен дорасти до книжного читателя. Откуда он может знать о новых книгах, кто посоветует ему, какую книгу выписать? Газета посоветует. Только газета. В ней начало и конец и для читателя, и для издателя!

— Помни, Сытин, газета тебе голову приставит...

Вечером того же дня Антон Павлович, чтобы поддержать меня и ввести в литературный круг, устроил маленькое, очень дружеское собрание в Большой Московской гостинице. Пришли сотрудники «Русских ведомостей» [3] и «Русской мысли» [4] — человек двенадцать. Это было очень веселое, очень дружественное и милое собрание. Очаровательный и ласковый, как всегда, Чехов просил у своих литературных друзей поддержки и помощи для меня.

— Надо приветствовать, господа, нашего нового, еще новорожденного товарища, который со временем может вырасти в большого. Я давно люблю

Сытина и давно твержу ему про газету, даже насилую его газетой. Это потому, что я верю в него. Потихоньку и помаленьку, но он придет к настоящему, большому делу... Вы увидите... Надо только помочь ему на этом трудном пути, и я надеюсь, что вы, господа, поможете!

Эти слова общего любимца были встречены дружно и весело. Ко мне протянулись со всех сторон бокалы, и я услышал много бодрящих слов и сердечных пожеланий. Чехов был особенно радостно настроен и все повторял:

— До сих пор у нас было только «вчера» и «сегодня». Но придет и «завтра». Придет же оно когда-нибудь.

Между тем вездесущие и всезнающие московские репортеры как-то проведали о нашей скромной пирушке, и на другой день в «Московском листке» [5] появилась коротенькая заметка, в которой сообщалось, что компания литераторов с Чеховым во главе «приветствовала переход «Русского слова» к новому издателю» и что «были речи и пожелания».

Эта ничтожная заметка наделала мне очень много хлопот. Великий князь Сергий Александрович очень встревожился и велел написать Соловьеву, чтобы главное управление по делам печати взяло с Сытина формальное обязательство в том, что Александров останется несменяемым редактором «Русского слова».

Опять пришлось ехать в Петербург по срочному вызову Соловьева и опять начинать все ту же досадную, нудную канитель.

— Если Александров будет сменен, то газета будет закрыта,— заявил мне Соловьев без всяких околичностей.— Вы должны подписать бумагу, что даете такое обязательство.

— Разрешите мне, ваше превосходительство, прежде чем я подпишу, показать эту бумагу Победоносцеву.

— Зачем?

— Я хочу спросить Константина Петровича и тогда подпишу.

Соловьев передернул плечами, но я все-таки настоял на своем и бумаги не подписал. На другой день, в воскресенье, я опять пошел к Победоносцеву.

— Не принимают,— говорит швейцар.— В два часа его превосходительство уезжают в Москву.

Я настаиваю.

— Доложите, что по очень важному, по неотложному делу.

Швейцар пошел докладывать, а через минуту я услышал высокий, противный, какой-то бабий голос Победоносцева:

— Ну, пусть войдет,— раздражительно кричал он на все комнаты.

Точно к удаву в клетку, вошел я в кабинет.

— Что тебе еще от меня нужно? Ведь я все сделал.

— Но вот, ваше высокопревосходительство, есть печальная неприятность...— Я объяснил, чего требуют от меня Соловьев и великий князь.

— Без вас и вашего совета я не могу решиться на этот шаг. А они настаивают...

На своих тоненьких, как камышинки, ножках Победоносцев вытянулся во весь свой высокий рост и опять стал похож на змею, вставшую на хвост.

— Соловьев настаивает. А ты что?

— А я не мог решиться без вас.

— И ты, и он — дураки. Ну ты мог, положим, не знать, но ведь он юрист, я его считал законоведом. Иди и подпиши ему, дураку, не одну, а пять и более бумажек, сколько ему потребуется для известной надобности... Больше они никуда не годятся. Ведь если ты купишь дом, а продавец тебе скажет: если ты моего дворника выгонишь, то дом перейдет обратно ко мне,— что ты сделаешь в таком случае? Конечно, ты положишь в карман купчую, а дворника на другой день — в шею. Я думал, что он юрист, а он... Иди к Соловьеву подписывай бумагу. А, кстати, ты когда у него был?

— Вчерашний день, ваше высокопревосходительство.

— А как же пришел ко мне сегодня, в воскресенье, в неприемный день? А к нему теперь когда пойдешь?

— Завтра, ваше высокопревосходительство.

— Нет, брат, ты иди к нему тоже сегодня, непременно сегодня... Ко мне ты можешь приходить, а к нему нет? Иди сегодня, слышишь? А я у него спрошу потом, когда ты был, и если не пойдешь сегодня, то я тебя никогда больше не приму. Понял?

Что оставалось делать. «Сам» приказал — в воскресенье, значит, надо в воскресенье. Я пошел к Соловьеву прямо от Победоносцева и по дороге все обдумывал обер-прокурорскую притчу о доме и о дворниках.

— Нет, законы-то мы знаем... И я знаю, и Соловьев знает, но кроме законов мы знаем и еще кое-что. Ведь, чтобы купить дом, мне не нужно разрешения Победоносцева, а чтобы купить газету, нужно. Да и покупал-то я ее сначала не на свое имя: мне ведь и хозяина подставного поставили и дворника несменяемого...

Как и надо было ожидать, у Соловьева мне сказали, что сегодня по случаю праздника не принимают. Но я опять просил доложить, что беспокою его превосходительство только по очень важному делу и прошу выйти ко мне хоть в переднюю, хоть на одну минуту. Через минуту Соловьев вышел.

— Что за срочность такая? Что случилось?

В двух словах я объяснил, в чем дело, и просил только об одном: если Победоносцев спросит, был ли я в воскресенье, сказать, что был.

— А о деле я уж вам завтра доложу.

Соловьев был, видимо, смущен, но проявил характер и не спрашивал о подробностях. Зато на другой день я повторил ему весь мой разговор с Победоносцевым, от слова до слова, ничего не смягчая и ничего не утаивая. На этот раз Соловьев почувствовал себя очень неловко.

— Так все и сказал?

— Этими самыми словами, ваше превосходительство...

— Да, это, конечно, незаконно... Я знаю, но надо же было мне успокоить великого князя.

На этот раз я совершенно спокойно подписал незаконное обязательство и уехал в Москву с облегченным сердцем.

Главное было сделано. Я был официально утвержденным издателем, и оставалось только подумать о замене «дворника» настоящим редактором. С удвоенной энергией принялся я за дело и прежде всего перевел всю газету из «Московских ведомостей» к себе на Старую площадь, выписал машины и стал работать, чтобы поставить дело на крепкую ногу.

Александров был в газете, как говорится, бельмом на глазу. Он был пропитан духом Победоносцева, и старая репутация редактора «Русского обозрения» налагала на газету прочное, несмываемое пятно...

Было совершенно ясно, что эти тяжкие гири, подвешенные к газете, могли навсегда утопить ее в общественном мнении.

Но как и кем заменить? Нынешний русский читатель не может и представить себе, в какой обстановке приходилось работать и через какие изгороди продираться. Новый редактор должен был пройти сквозь игольное ухо цензуры, ведомства, его должны были «одобрить» и «позволить» все те же люди, смотревшие на печать, как на чуму и заразу.

С точки зрения Победоносцева, каждая газета, не разделявшая оберпрокурорских взглядов на Россию и русский народ, была лишь «девица в желтой юбке», а каждый редактор — лишь кавалер при этой девице.

«Кавалера» Александрова можно было заменить только другим «кавалером» по выбору все того же главного управления по делам печати. Но променять кукушку на ястреба и переменить «кавалера» на «кавалера» казалось мне праздным занятием.

— Какой смысл, какая цель, если все равно не видно просвета и если желанное «завтра», о котором так хорошо и так светло говорил Чехов, до сих пор не наступило.

Но теперь, став хозяином газеты, я с новой силой начал настойчиво домогаться и хлопотать о переписке «редактора». Конечно, и на этот раз я не мог идти прямым путем. В тогдашней победоносцевской России возможны были только извилистые, обходные пути, только темные закоулки, только скользкие, липкие ступени официальной лжи и государственного подхалимства. Чтобы избежать обер-прокурорских когтей и отойти подальше от умного, злого и ядовитого Победоносцева, у меня было только одно средство: переменить временщика.

В ту пору огромным влиянием в правительственных кругах пользовался неслужащий дворянин князь Мещерский, редактор-издатель «Гражданина» [6]. По своему значению он, конечно, стоял далеко позади всесильного Победоносцева, но в моем маленьком деле его слова было достаточно, и «кавалер», рекомендованный Мещерским, был вполне приемлем для главного управления по делам печати.

Оставалось, значит, «найти ход» к Мещерскому. Чтобы переменить «кавалера» при «желтой юбке», надо было переменить временщика.

В этом затруднительном случае меня выручил из беды даровитый журналист Колышко, личный друг и сотрудник князя Мещерского.

В ту пору Колышко работал и в «Русском слове», и мне не стоило большого труда нажать эту пружину и «подготовить почву» у князя. А когда почва была готова, я пошел прямо волку в пасть.

Может быть, это не все знают, но князь Мещерский пользовался в России странной привилегией. Раз в год ему разрешено было устраивать выставку дамских нарядов, которые он без пошлины выписывал прямо из Парижа. Конечно, наряды князь продавал, и это составляло его маленький доход. Мне показалось удобным пойти на выставку, чтобы завязать знакомство на нейтральной почве. В роскошной квартире князя было отведено целых три комнаты под выставку, и приветливые продавщицы из светских барынь ласково встречали покупательниц и покупателей. Я выбирал для

жены и дочери по платью; в это время ко мне подошел огромный, плотный, сутулый человек с седой шевелюрой и неприятным свирепым лицом.

— Ты что хочешь? — обратился он ко мне.

— Да вот хотел бы сделать подарки жене и дочери.

Князь принял во мне участие как в покупателе и лично велел показать мне образцы. Я выбрал два платья и ковер для спальни.

— Что это стоит?

— Ну, с тебя триста рублей.

Когда мне писали счет, князь увидел на нем мою фамилию.

— А, Сытин! Собрат... А я и не знал! Ну пойдем, посидим, поболтаем.

Сели, и князь заговорил о моем книжном деле.

— А у тебя, брат, чрезвычайно широко ведется дело. Как же, слышал, знаю... Книжки твои я смотрю и читаю. Но на что тебе газета? Знал бы свои книги — и делу конец. Зачем газета?

— А как же можно, ваше сиятельство, с нашей малочитающей массой вести широкое книжное дело без газетной рекламы? Дешевая газета даст мне покупателей: газета будет тянуть книгу, а книга газету. А самое главное, ваше сиятельство, подписка на газету дает мне оборотный капитал, который будет для меня как бы беспроцентной ссудой.

— Ах вот что. Да, это, конечно, верно, соображение правильное. Но вот с государственной точки зрения я не понимаю, как могут мириться с вами. Очень уж вы широко берете, масштаб громадный.

— А я к вам, ваше сиятельство, хотел с просьбой обратиться. Дайте мне в редакторы моей газеты вашего сотрудника г-на Адеркаса...

— Адеркаса? Ах да, мне говорил что-то такое Колышко. Как же, помню... Ну что ж, бери Адеркаса, если хочешь. Тяжеловат он немного и глуповат, но зато если он тебе не пригодится, так ты легко от него отделаешься. Только устрой ему тогда место какое-нибудь...

— Об этом не беспокойтесь, все будет сделано. Но мне нужна ваша помощь, необходимо, чтобы ваше сиятельство лично съездили в главное управление к Соловьеву.

— Да, да, мне говорил уж об этом Колышко... Как же, помню... Ну что же, я съезжу к Соловьеву. Но только помни: в случае чего, вы дадите Адеркасу другое место.

Князь исполнил свое обещание, и то, что было немыслимо и невозможно для всех граждан Российской империи, в несколько минут было устроено

для князя Мещерского. Соловьев без запинки утвердил Адеркаса. Однако Адеркас несколько побаивался ехать один в чужую редакцию, где у него не было не только друзей, но, кажется, даже знакомых. По его настойчивой просьбе вместе с ним я пригласил и сотрудника петербургских газет, писавшего фельетонные романы,— Дианова.

Это был очень талантливый человек и очень опытный газетчик, но, к сожалению, он страдал большим пороком: непробудно пьянствовал.

Меня очень пугала эта особенность Дианова, и я откровенно изложил ему свои опасения. Но он так клялся, что бросит пить, так трогательно становился на колени перед образом, что мне ужасно хотелось ему поверить.

— Иван Дмитриевич! Я человек верующий, клятва для меня не пустое слово... Так вот, детьми своими клянусь, перед образом на колени встану, что не будет этого больше, никогда не будет. Клянусь вам.

— Ну попробуем... Хорошо, попробуем...

Все втроем мы уехали в Москву. Но, к сожалению, я имел неосторожность выдать Дианову 5 тысяч рублей подъемных, и по приезде в Москву он сразу «закатился», да еще и не один, а вместе с Адеркасом.

Стрельна и Яр, Яр и Стрельна[7] — это все, что они могли вспомнить. Хмельные, безобразные, они вваливались по ночам в редакцию и хотя не вязали лыка, но пробовали «редактировать» газету.

Было невыносимо смотреть на эту слабость, и я несколько раз пробовал урезонить Дианова:

— Где же ваша клятва? Где ваши обещания!

Но это не имело никакого успеха, и едва наступал вечер, оба приятеля «закатывались», а ночью, едва стоя на ногах, приезжали «редактировать»...

Это было так безобразно, что редакционные сторожа и рабочие стали открыто смеяться. Для них это была потеха. Но я должен был смотреть и терпеть. Адеркас был «утвержденный» редактор, и, чтобы получить нового, другого, надо было опять пускать в ход все пружины, все протекции и разворашивать весь тот смрад, среди которого жила русская печать. Более полугода тянулась эта пьяная канитель, пока, наконец, я смог расстаться с Адеркасом и Диановым. Адеркас ушел в акцизное ведомство, а Дианову я заплатил 15 тысяч рублей неустойки. Правда, неустойка была скорее с его стороны, но и я чувствовал себя виноватым, что поверил клятве слабого человека. Новым редактором нам утвердили Киселева, который до того редактировал наш же журнал — «Вокруг света».

А после Киселева редактором стал мой зять — Федор Иванович Благов, врач по образованию, принесший в жертву журналистике свою медицину. Это был труженик, ушедший в дело с головой и почти отказавшийся ради газеты от личной жизни. Он сросся с «Русским словом», так сроднился с его сотрудниками, что смотрел на газету как на большую семью, свою семью. Тысячи бессонных ночей провел Ф. И. Благов за рабочим столом, и здесь, за этим столом, была его жизнь, его радость, его гордость, его счастье. Все для газеты и ничего для себя — это был основной девиз Ф. И. Благова, и он донес свое знамя до конца.

К этому времени облик «Русского слова» уже значительно изменился. Тяжкое наследство времен Александрова и Авдотьиного зятя было начисто выметено (да и сам Александров осуществил уже свою мечту: купил домик с землей и вместе с Авдотьей предавался радостям земледелия и скотоводства возле Троице-Сергиевской лавры). Но тираж газеты был еще невелик, и о доходности дела не могло быть еще и речи. Нужно было еще долго, много и напряженно работать, чтобы, по словам Чехова, выйти из болота на сухой берег. А работать было невыразимо трудно. Антон Павлович в это время серьезно заболел, и я остался без нравственной поддержки.

Здоровье Антона Павловича давно было непрочно, но как раз в это время наступило серьезное ухудшение и надо было уезжать за границу. Помню, в последний раз я был у него приблизительно за год до его смерти. Чехов чувствовал себя плохо, говорил о поездке за границу, говорил о близкой смерти. Как умели и как могли, мы пробовали утешить его, но он не любил утешений.

— Не надо. Не говорите. Я скоро умру. Я знаю это, как врач.

«Русское слово», которое выросло впоследствии в большую, европейскую газету с миллионным тиражом, требовало неимоверных усилий и страшного напряжения. Целых пять лет приходилось идти от унижения к унижению, от неудачи к неудаче. Цензура, Победоносцев, Мещерский, Соловьев, доносы, подножки, интриги и снова доносы так выматывали душу, что очень часто хотелось все бросить. Опускались руки, погасала энергия, умирала воля. Но что-то говорило мне, что не следует сдаваться, что, пройдя такой ужасный путь, надо сделать последнее усилие, чтобы выйти, наконец, на дорогу.

Успех газеты и ее быстрый сказочный рост начался с вступления в редакцию В. М. Дорошевича. Я уже давно любовался прекрасным дарованием

Дорошевича и давно мечтал о приглашении его в редакторы «Русского слова». Помню, когда он работал еще в «Одесском листке» [8] у Навроцкого, я ездил к нему в Одессу и вел переговоры.

— Поддержите, Влас Михайлович, помогите газету поставить.

— Но ведь у вас главный советчик — Чехов.

— Чехов болен... А вы разве чужой нам человек?

— Конечно, и я не чужой... Но что вы хотите?

— Прежде всего, чтобы вы работали, писали у нас.

— Можно, один раз в месяц могу присылать фельетон.

— А совсем приехать к нам не можете?

— Это нельзя. Я ведь дорогой,— улыбнулся Дорошевич,— я всю вашу газету съем.

В тот раз разговор почти ничем не кончился. Но спустя значительное время, когда так неожиданно была закрыта газета «Россия» [9], где работал Влас Михайлович, я снова заехал к нему и возобновил наш старый разговор. Дорошевич был под свежим впечатлением закрытия газеты и ссылки в Минусинск А. В. Амфитеатрова. Он собирался за границу, очень нервничал, очень тревожился.

— Ничего понять не могу в этом деле. Как камень в голову. Надо ехать за границу, а денег нет. Хотите купить, Иван Дмитриевич, все мои сочинения?

— Вы о деньгах не беспокойтесь, Влас Михайлович. Угодно, я вам дам сейчас 10 тысяч рублей за ваши сахалинские очерки, и поезжайте. А как отдохнете и возвратитесь, начинайте работать вплотную у нас в «Русском слове».

Через три месяца Дорошевич возвратился, сделался фактическим редактором «Русского слова» и приступил к тем реформам, которые открыли перед газетой безграничные горизонты.

Эпоха случайностей кончилась, и началась настоящая работа.

Вот как сам Дорошевич понимал газету, вот чего он требовал от газеты, и вот что он создал из «Русского слова»:

«Газета...

Утром вы садитесь за чай. И к вам входит ваш добрый знакомый. Он занимательный, он интересный человек.

Он должен быть приличен, воспитан, приятно, если он к тому же еще и остроумен.

Он рассказывает вам, что нового на свете.

Рассказывает интересно, рассказывает увлекательно.

Он ни на минуту не даст вам скучать.

Вы с интересом слушаете о самых сухих, но важных предметах.

Высказывает вам свои взгляды на вещи.

Вовсе нет надобности, чтоб вы с ним во всем соглашались.

Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско.

Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманием, интересом, как умного и приятного противника.

Он заставляет вас несколько раз улыбнуться меткому слову.

И уходит, оставляя впечатление с удовольствием проведенного получаса.

Вот что такое газета.

Газета...

Вы сидите у себя дома.

К вам приходит человек, для которого не существует расстояний.

Он говорит вам:

— Бросьте на минутку заниматься своей жизнью. Займемся чужой. Жизнью всего мира.

Он берет вас за руку и ведет туда, где сейчас интересно.

Война, парламент, празднества, катастрофа, уголовный процесс, театр, ученое заседание.

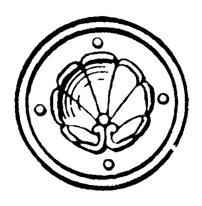
Там-то происходит то-то.

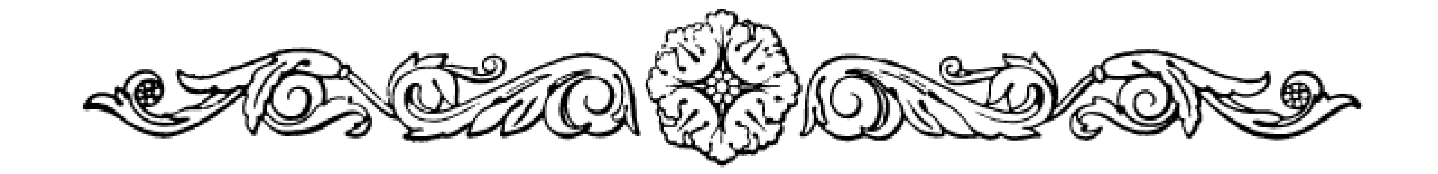
Он ведет вас туда, показывает вам, как это происходит, делает вас очевидцем.

И вы сами присутствуете, видите, как, где и что происходит.

И, полчаса поживши мировою жизнью, остаетесь полный мыслей, волнений и чувств.

Вот что такое газета».

ОНИ ПОМОГАЛИ ПРОСВЕЩЕНИЮ НАРОДА

оя связь с русской интеллигенцией была довольно тесной и обширной. Сближала и роднила нас общая озабоченность состоянием народного просвещения. Скажу только о тех из русских интеллигентов, кто имел более тесные отношения с моим Товариществом и отдал много сил и энергии благородному делу народного просвещения.

В 80—90-х годах среди всех провинциальных городов России Харьков занимал едва ли не первое место по своей общественной инициативе в деле народного просвещения.

Харьковская общественная библиотека, Общество грамотности, Курсы для рабочих, Дом рабочих, Женский медицинский институт, Воскресная школа — все эти учреждения возникли исключительно по инициативе общества и содержались на общественные средства. Эта слава Харькова как южнорусских Афин была создана неутомимой деятельностью кружка местных профессоров и плодотворной работой Христины Даниловны Алчевской, вокруг которой группировались энтузиасты педагогического дела — передовые учителя и учительницы.

Инициативе Х. Д. Алчевской принадлежит, между прочим, интереснейшее исследование «Что читать народу?». Опытным путем учителя и учительницы убедились, что нет никакой надобности создавать особую «народную» литературу и что художественные произведения наших лучших авторов одинаково доступны как для людей образованных, так и для людей очень мало образованных.

Свой труд кружок харьковских учителей и учительниц опубликовал в двух книгах под тем же заглавием «Что читать народу?». Третий же том этого исследования был издан Товариществом И. Д. Сытина[1]. С этого и начались мои деловые отношения с харьковской интеллигенцией.

Я, конечно, знал обо всех просветительных начинаниях кружка Алчевской, как равно и о работах кружка харьковских профессоров, но отдаленность расстояния в первое время несколько препятствовала нашему сближению.

Опыт, однако, показал, что харьковские труды могут с успехом издаваться в Москве.

Вскоре кружок Алчевской обратился ко мне и с другими предложениями, и наша фирма выпустила новый труд харьковской воскресной школы — «Книгу взрослых»[2]. Вот что говорила об этом издании Л. Б. Хавкина, одна из ближайших сотрудниц Х. Д. Алчевской:

«И. Д. Сытин предоставил школе чрезвычайно льготные условия: школа сама назначила продажную цену книги (конечно, самую доступную) и получала в свою пользу всю прибыль от издания, за вычетом лишь десяти процентов. «Книга взрослых» сразу получила широкое применение во всех школах (воскресных, вечерних и т. д.), где обучаются взрослые. Книга выдержала много изданий (1-я часть — 16, 2-я — 11, 3-я — 9), в количестве не менее десяти тысяч экземпляров каждое. Доход школы от издания «Книги взрослых» выразился почтенной суммой — тридцать три тысячи рублей, часть которой, впрочем, была истрачена на экстренные нужды школы. Но и оставшийся капитал настолько солиден, что обеспечивал школе существование».

Несколько лет спустя мне еще раз пришлось принять участие в харьковских просветительных начинаниях. По инициативе энергичного харьковского профессора В. Я. Данилевского была предпринята огромная работа по созданию «Народной энциклопедии»[3]. Эта коллективная работа продолжалась 5—6 лет, и результатом ее явился 21 том «Энциклопедии». Труд

И. Д. Сытину от А. Чехова

харьковских профессоров заполнил весьма существенный пробел в нашей учебной литературе. Это было солидное пособие для самообразования и, так сказать, полный курс знаний в строго научном освещении (здесь были и чистые, и прикладные науки). Издание «Народной энциклопедии» (потребовавшее более 100 тысяч рублей предварительных расходов) было предоставлено Товариществу И. Д. Сытина, и харьковцы и на этот раз остались довольны московской работой.

Та же Л. Б. Хавкина писала по этому поводу:

«Такое сложное дело, как составление многотомной «Народной энциклопедии», потребовало особой канцелярии. Расходы по ее содержанию ежемесячными взносами оплачивало Товарищество И. Д. Сытина. Оно же присылало полистный гонорар для распределения между авторами и редакторами. В кассу комиссии поступала также выручка от известного числа экземпляров каждой книги «Народной энциклопедии». В результате составился фонд, из которого оказывалась поддержка другим учреждениям Общества грамотности. Таким образом, общественный труд, претворившись в капитал, снова вернулся на нужды общества».

За мою долгую жизнь и за полвека издательской деятельности я перевидал многих людей и перезнакомился почти со всеми русскими писателями. Но никто из них не оставил такого следа в моей душе, как А. П. Чехов. Это был человек исключительного обаяния, замечательной простоты и трогательной детской искренности.

Я познакомился с Чеховым случайно, на улице. Шел от Иверской через Красную площадь, когда ко мне подошел молодой человек в осеннем пальто, красивый, приятный, и глуховатым голосом окликнул меня.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич. Позвольте с вами познакомиться... Чехов.

В ту пору Чехов был еще очень молодым, но уже подающим блестящие надежды писателем.

Разговорились, познакомились, и Антон Павлович предложил мне издать томик его рассказов.

— Не только томик, Антон Павлович, но все, что вы прикажете, и с величайшим удовольствием...

А. П. Чехов наезжал в Москву частенько и всегда останавливался в Большой Московской в своем излюбленном 5-м номере, который так и назывался: «чеховский». Даже в тех случаях, когда этот номер бывал занят

постояльцами, прислуга, которая очень любила А. П. Чехова, устраивала так, что комната освобождалась и случайного постояльца переселяли в другую.

Я пользовался каждым приездом Чехова в Москву и охотно и часто бывал у него.

Я не знаю человека, который был бы равнодушен к Чехову или не любил его. Его любили писатели, женщины, священники, дети, лакеи, монахи, половые, приказчики, мелиховские мужики и бабы и даже такой угрюмый, во всем и во всех изверившийся человек, как Суворин-отец.

Все чувствовали какое-то внутреннее излучение, исходившее от Чехова, и все были под властью его обаяния. Я не знаю, но думаю, что иностранцы за границей, с которыми он сталкивался, тоже, должно быть, любили и тоже тянулись к нему душой, потому что Чехов был очарователен даже тогда, когда он молчал. Его улыбка, его понимающие глаза и в особенности смеющиеся огоньки в этих глазах сразу разбивали вокруг него лед и сразу говорили о том, что душа у этого человека детская — чистая, светлая, беззлобная...

В дни молодости Чехов любил и «кутнуть», как он выражался.

— Если бы я был богат,— говорил он как-то,— взял бы сейчас тысячу целковых и поехал за границу кутнуть.

— Так за чем же дело стало. Возьмите у меня, Антон Павлович, аванс в 1000 рублей и поезжайте.

— Нет, мне нельзя, здоровье мое слабое, я только на людей могу радоваться да глядеть, как другие кутят.

«Кутежи» Чехов любил, впрочем, совершенно платонически. Он ничего, кроме легкого вина, не пил, да и то в самом умеренном количестве, но в компании, где-нибудь у цыган, он бывал заразительно весел и неистощим на добродушные шутки. Помнится мне, как в маскараде, где мы как-то коротали с ним вечер в обществе Мамина-Сибиряка и Тихомирова, он шепнул цыганам, что Мамин и Тихомиров — богатейшие сибирские купцы-золотопромышленники. Конечно, цыганки весь вечер не отходили ни от добродушного толстяка Мамина, дымившего своей вечной трубкой, ни от Тихомирова с его лысиной и дремучей бородой... Все удивлялись, глядя на эту исключительную лукавую ласковость цыганок, а больше всех сами Мамин и Тихомиров. Но Чехов, сдерживая смех, все продолжал свою мистификацию и все шептал цыганкам:

— Богатейшие сибиряки... первостепенные золотопромышленники.

Более двух лет состоял в нашей фирме заведующим общим отделом научных и научно-популярных книг Н. А. Рубакин. Этот отдел был задуман у нас весьма широко, и, вероятно, Н. А. Рубакин вполне справился бы с ним и достиг значительных результатов в развитии дела, если бы работа его не была прервана совершенно неожиданным образом.

Незадолго перед рождеством 1895 года Н. А. Рубакин просил моего разрешения напечатать отдельную брошюру «За отечество», текст которой был напечатан ранее в журнале С. Н. Шубинского «Исторический вестник» [4].

Так как С. Н. Шубинский дал свое разрешение на перепечатку, то и я согласился с предложением Н. А. Рубакина. Книжка вышла. Часть ее была куплена для рождественских подарков гвардейским солдатам. Но каково же было общее удивление, когда оказалось, что брошюра Н. А. Рубакина заключала в себе известную «Декларацию прав человека» [5].

Конечно, цензурное начальство забило тревогу и тотчас же конфисковало издание и в Москве и в Петербурге. Вместе с тем цензурное ведомство обратило внимание и на Н. А. Рубакина, как на редактора злополучной брошюры, но никаких последствий для Н. А. Рубакина это не имело, так как он выехал за границу.

Вместе с баронессой В. Икскуль пришел к нам и В. П. Вахтеров, инспектор народных училищ Смоленской губернии, а впоследствии инспектор Москвы. Первоначально он не имел прямого отношения к нашему делу и был лишь редактором книг, предложенных к изданию баронессой Икскуль. Но очень скоро он стал работать с нами, редактируя и наши издания, а затем стал близким человеком нашей фирмы и сделался даже нашим пайщиком.

Между прочим, будучи инспектором городских школ в Москве, он написал букварь и четыре книги для чтения. Эти издания печатались у нас в течение 15 лет и имели выдающийся успех. Букварь Вахтерова расходился ежегодно в количестве до миллиона экземпляров, а книги для чтения — каждая по 500 тысяч экземпляров в год. Из всех русских учебников книги Вахтерова были самыми распространенными.

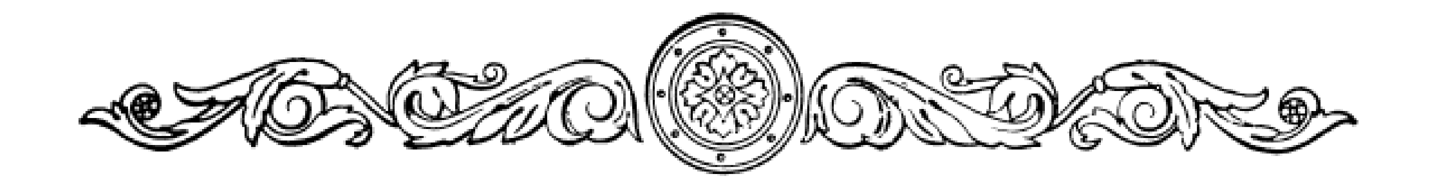
Одновременно с В. П. Вахтеровым приступил к работе в нашей фирме и Н. В. Тулупов.

Товарищество решило прийти на помощь работникам библиотечного дела, организовав в 1896 году особое Отделение народно-школьных библио-

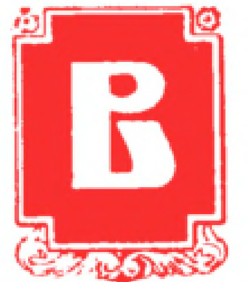
тек. Для организации этого Отделения и был приглашен Н. В. Тулупов. В задачи Отделения входило исполнение заказов на все вообще книги для народных библиотек, читален, сельских и городских школ всех наименований, городских публичных библиотек и земских книжных складов. Отделение также брало на себя составление списков книг и брошюр для народного чтения, выбор книг для наград учащимся и для раздачи на школьных праздниках. На первых же порах Н. В. Тулуповым был составлен и выпущен в свет особый каталог Отделения, разошедшийся в течение одного года в двух изданиях. Каталог заключал в себе правила, указания и узаконения, касавшиеся школьных и народных библиотек, и списки систематически подобранных книг для библиотек, стоимостью от 1 рубля до 500 рублей. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году каталог был премирован по учебному отделу дипломом первой степени.

Работая в Отделении, Н. В. Тулупов в то же время составлял свои учебники, книги для чтения и свой букварь, которые тоже печатались у нас и имели большой успех.

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ

России не было законов о печати, а были только «временные правила».

Министры приходили и уходили, и почти после каждого из них оставались какие-нибудь сверхкомплектные скорпионы, ограничивающие права свободного слова.

Иностранец лишь с большим напряжением мог бы понять нашу концессионную систему, наши «предостережения», нашу 140-ю статью[1] и все капризы «богомольной русской дуры, нашей чопорной цензуры».

Не всякий полноправный гражданин мог выпускать в России периодические издания, а только тот, кто лично заслужил благоволение начальства. Поэтому, желая издавать газету или журнал, писатели искали прежде всего человека, которому правительство разрешило бы издание. Человеку, конечно, платили деньги, а он давал свое имя на обложку журнала. Чем популярнее был писатель, тем меньше шансов было у него попасть в редакторы своего журнала. И, наоборот, люди незаметные и не имеющие никакого отношения к литературе сравнительно легко получали разрешения.

— Кого вы взяли в редакторы вашего журнала? — спросили однажды знаменитого русского писателя.

И писатель ответил:

— Мне повезло: я нашел чудесного капитана китобойного судна, и очень недорого...

Капитан китобойного судна мог быть редактором политического журнала, но писатель, журналист и политик не мог.

В той части, где я говорил о «Русском слове», читатель видел живую иллюстрацию к этой концессионной системе. Мне приходилось проходить через тысячи унижений и целыми годами кормить акул большой и малой воды, чтобы получить «благонадежного» издателя и «благонадежного» редактора моей же газеты.

Я был собственником «Русского слова», но не явным, а тайным. Это была собственность, которую надо было скрывать и которая не пользовалась защитой закона. Я не имел счастья найти капитана китобойного судна, но я искал и нашел «друга Победоносцева». За спиной этого чужого друга я должен был прятаться целые годы. И все-таки я никогда не был уверен в завтрашнем дне, потому что ни «друзья Победоносцева», ни капитаны китобойных судов не спасали печать от «предостережений».

Это знаменитое «предостережение» кошмаром висело над каждой печатной строкой. Совсем не нужно было совершать преступления посредством печатного слова — достаточно было просто не угодить или не понравиться, чтобы получить «предостережение» начальства.

Первое, второе и третье предостережения, а затем смерть газеты. Нужды нет, что вы истратили на газету миллион рублей и что она завоевала громадную аудиторию. Но если три раза вы «не понравились», то ваш труд и ваше имущество просто зачеркивались и объявлялись несуществующими. И притом без всякого суда.

Для конокрадов, карманных воров и убийц был суд — для печати его не было.

Казалось бы, при такой широте административных возможностей всякий министр мог бы чувствовать себя за чертой досягаемости: каких же еще гарантий можно было требовать для «незыблемости» власти.

Но русская практика создала еще знаменитую 140-ю статью закона, которая предоставляла право министру внутренних дел запрещать

оглашение и обсуждение в печати «какого-либо вопроса государственной важности».

В руках министра это был такой емкий чемодан, в который можно было спрятать все что угодно.

Что такое государственная важность, и кто может определить ее меру? Важность может быть большая и маленькая, и при желании вопрос о выеденном яйце тоже можно считать государственно важным.

Случилось, что лошади понесли экипаж, в котором ехала супруга министра финансов Витте. Это важно или не важно? С точки зрения газет, это было не важно. Но с точки зрения министра внутренних дел это оказалось весьма важно, и русским газетам было запрещено касаться вопроса о лошадях г-на Витте.

Привычка к беззаконию и самодурству очень скоро привела к тому, что знаменитая 140-я статья превратилась как бы в «комитет взаимных одолжений» для министра и его личных знакомых и друзей. Все вопросы можно было считать «государственно важными» и не подлежащими ни оглашению, ни обсуждению в печати.

Вот, например, случайный перечень тех «запрещенных» вопросов, который сохранился у меня в памяти и которых не смела касаться русская периодическая печать: о растрате земских сумм в Калужской губернии, о «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого, о дирекции императорских театров, о болезни председателя кабинета министров Бунге, о продаже капсюлей какого-то Матика и К°. К числу вопросов, запрещенных к оглашению по соображениям государственной важности, были отнесены также: сообщение о драке между генералом Розенкампфом и Свистуновым, о случае с помощницей надзирательницы лазарета Павловского института, о беспорядках в зубоврачебной школе Важинского, о положении дел в страховом обществе «Россиянин» и пр.

Казалось бы, что при такой широте возможностей уже не могло быть и речи о каком-либо неудовольствии против печати. Но неудовольствия были каждый день, и кары сыпались как из рога изобилия: предостережение, запрещение, разорение...

Трактир нельзя было ни отнять, ни закрыть без суда. Но газету можно, и журнал тоже можно.

Конечно, все это, взятое вместе, создавало постоянное, непрекращающееся угнетение издательского дела в России. Это дело походило на игру

в карты: сегодня выиграл, а завтра проиграл. И серьезный капитал избегал печатного и издательского дела, как огня.

Так жили мы до манифеста 17 октября 1905 года[2], когда родилась слабая и хилая русская конституция. Манифест отменял предварительную цензуру, отменял административные взыскания, отменял систему залогов.

Статья IV временных правил о повременной печати (изданы 24 ноября 1905 года) говорила: «Ответственность за преступные деяния, учиненные посредством печати в повременных изданиях, определять в порядке судебном»[3].

Это уже был шаг вперед. А так как вместе с предварительной цензурой была отменена и концессионная система, то 1905 год некоторые считали поворотным пунктом в истории русской печати.

Но и после 1905 года мы были еще очень далеки от свободы печати. Наши газеты и журналы еще могли быть конфискованы властями до суда, если чиновники находили «признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного»...

В сущности, это была та же предварительная цензура, но только замаскированная. Правительственная власть не сразу шла на уступки и отказывалась от своих бичей очень нехотя и очень неискренне.

Особенно это можно сказать о законах, регулировавших книгоиздательство в России. Новые, конституционные законы были иногда даже гораздо хуже и строже старых, дореформенных. Издатель никогда не был полностью гарантирован от скамьи подсудимых. Даже в тех случаях, когда книга или газета еще не вышли из стен типографии и никакого распространения не получили, статья 132[4] давала право администрации посадить на скамью подсудимых не только автора, но вместе с ним и издателя, и даже типографа.

У юристов все эти новые статьи новых законов о печати получили название «каучуковых», и название это вполне отвечало существу дела.

Особенно роковое значение для русской печати имела статья 129 нового Уголовного уложения[5], где речь шла о «ниспровержении существующего в государстве общественного строя» и о «вражде между отдельными частями или классами населения». Эта статья закона считалась самой «каучуковой», а так как и практика суда тоже была «каучуковая», то, при

желании, можно было посадить на скамью подсудимых кого угодно и за что угодно.

В течение 40 лет моей издательской деятельности я испытал все цензурные кары, какие только существовали, но на скамье подсудимых я очутился только после конституции и после провозглашения так называемой «свободы слова».

В 1905 году наше издательство выпустило брошюру А. В. Ельчанинова «О самоуправлении» [6]. В брошюре говорилось о необходимости самодеятельности на местах, пока лучшие люди «будут добиваться в Государственной думе хороших законов», и о возможности сделать жизнь крестьян «более справедливой и безбедной». Цензурное ведомство нашло в этой брошюре «ниспровержение существующего строя» и посадило меня на скамью подсудимых.

Другая брошюра — под названием «Что нужно крестьянину» — тоже послужила поводом к возбуждению дела по той же статье, причем на скамье подсудимых сидел уже не только я, но и автор брошюры, молодой ученый В. Ф. Эрн. В этой второй брошюре проводилась идея уравнительного землевладения.

Третий случай привлечения меня к суду заслуживает особого внимания. Поводом послужил изданный мной «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» [7]. В словарь, конечно, попали и такие «страшные» слова, как «социал-демократическая партия», «диктатура пролетариата», «капитализм», и, хотя объяснение этих иностранных слов давалось самое дидактическое, власти нашли все-таки возможным пустить в дело 129-ю статью. Я был привлечен к ответственности, так сказать, за ниспровержение существующего строя при помощи словаря. Вместе со мной заняли место на скамье подсудимых и редактор словаря Н. В. Тулупов и автор Сенниковский.

Но если в первых двух случаях моей судимости все окончилось сравнительно благополучно, то случай со словарем не обошелся без человеческой жертвы.

Меня и Н. В. Тулупова судьи оправдали, а бедного составителя словаря Сенниковского посадили на год в крепость, причем и объяснительная часть словаря была конфискована.

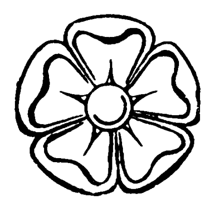
В четвертый раз меня судили все по той же «каучуковой» 129-й статье за издание «Ежегодника внешкольного образования» [8].

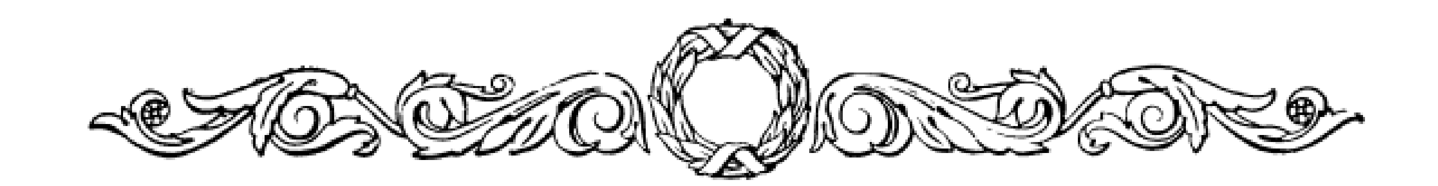
Эта книга представляла собой собрание всякого рода сведений, касающихся учительского быта, начиная от законов и министерских циркуляров и кончая резолюциями учительских съездов. А так как на одном из этих съездов в бурном 1905 году была принята резолюция о необходимости созыва учредительного собрания, то сборник подвергся аресту, а меня привлекли к суду.

Как и на всех моих процессах, и в этом случае вниманию суда был предложен вопрос: может ли человек, стоящий во главе огромной издательской фирмы, считаться ответственным за содержание каждой издаваемой им книги и может ли вообще хватить человеческой жизни, чтобы прочитать все книги, изданные Сытиным.

Книг наша фирма выпустила, я думаю, значительно больше миллиона, и, вероятно, эта цифра показалась судьям убедительной — висевшая надо мной угроза долголетнего тюремного заключения прошла мимо. Меня оправдали в четвертый раз.

По другим статьям закона (1033 и 1034) [9] меня судили только два раза и оба раза оправдали.

ДОМ КНИГИ

начале XX века наступил подъем книгопечатания в России. Страна тратила бумаги на 80 миллионов рублей в год, некоторые газеты («Русское слово») приближались к миллионному тиражу. Количество рабочих, занятых в типографиях, литографиях и других предприятиях, уже определялось тысячами человек.

Этот рост печатного дела нагляднее всего можно видеть из сравнения. За весь XV век в России печаталось в среднем только 125 книг в год, а в 1912 году было выпущено 34 630 книг, не считая Финляндии. В 1810 году Россия истратила на бумагу 500 тысяч рублей, а в 1911 году — 82 миллиона.

Этот гигантский рост печатного дела требовал, конечно, массы специалистов-техников во всех видах производства и сбыта. И здесь помогли только необыкновенная даровитость русского работника и его способность «самоучкой» дойти до всего. У нас не было даже элементарной школы, которая приготовляла бы знающих работников печатного, издательского и книготоргового дела.

Всюду выделялись самоучки: самоучки-наборщики, самоучки-метранпажи, самоучки-печатники, самоучки-книгопродавцы.

В особенно счастливых случаях наши молодые люди ездили за границу, как при Петре Великом, и там изучали печатное искусство. Но таких счастливчиков были единицы. А в общем в печатном деле царили хаос и детская беспомощность. Ни издателю, ни типографу просто негде было познакомиться с лучшими образцами печатного искусства. При покупке новых машин приходилось полагаться больше на добросовестность комиссионеров. Равным образом всякая фирма, выпускающая новую наборную или печатную машину, новую краску и т. п., не знала, куда обратиться для испытания нового усовершенствования в печатном деле. А так как никому не пришло бы в голову производить дорогие опыты в своей типографии и рисковать, то отсталость, косность и «матушка-старинка» были как бы вечными спутниками печатного дела. Всегда мы были ниже других, всегда запаздывали, всегда стучались в открытую дверь. Расцвет печатного дела у нас странным образом соединялся с типографской отсталостью.

Эта необходимость школы, которая подготовляла бы настоящих специалистов, уже давно и всюду сознавалась в России, и случаю было угодно, чтобы создание такой школы было приурочено к моему 50-летнему юбилею. Было основано Общество для содействия улучшению и развитию книжного дела в России, поставившее себе задачей создать в Москве Дом книги.

По мысли учредителей общества, Дом книги должен был представлять собой низшую, среднюю и высшую школу всех отраслей книжного производства. Здесь имелось в виду приготовлять грамотных, умелых наборщиков, работающих на усовершенствованных наборных машинах, опытных и искусных метранпажей, печатников, умеющих исполнять самую тонкую работу, машинистов, знающих свои машины, умеющих ходить за ними, регулировать и ремонтировать их, литографов, цинкографов, книгопродавцов и пр.

Некоторое представление о предполагаемой деятельности Дома книги может дать проект его устава. В нем говорится: «Дом книги: а) учреждает классы и курсы для подготовки опытных работников в областях технической, издательской, книгопродавческой и библиотечной; б) организует постоянный музей печатного дела; в) организует периодические выставки книгоиздательской продукции; г) организует образцовые мастерские и опытные лаборатории для создания новых машин и усовершенствования

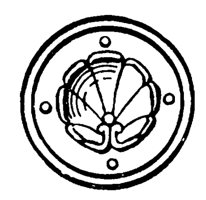
имеющихся машин и оборудования, необходимого в издательском деле, также для исследования и изучения материалов, применяемых в издательском деле; д) организует местные и заграничные командировки лиц, работающих в этих областях, для изучения постановки книгоиздательского и книготоргового дела; е) издает периодический орган, посвященный вопросам книгоиздательства и книготорговли.

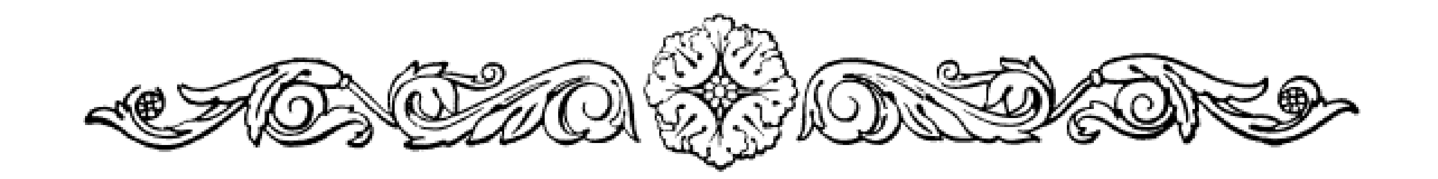
В здании Дома книги было запроектировано устройство следующих помещений: а) центральный зал; б) мастерские и лаборатории; в) 10 отдельных комнат для классов; г) комнаты для музея; д) комната для постоянной выставки; е) библиотека и читальный зал.

Школу предполагалось создать по американскому типу, взявши за образец не Европу, а Нью-Йорк, причем в основании дела должна была лежать одна главная идея: создать такую блестящую техническую основу производства, чтобы добиться идеала книжной торговли: при наивысшем качестве наинизшая цена. А этого можно было добиться только при том условии, когда печатное, наборное, брошюровочное, переплетное, литографское, нотопечатное и торгово-книжное дело изучалось бы, как искусство.

К сожалению, эта большая мысль была лишь близка к своему осуществлению.

Я, однако, всегда твердо верил, что рано или поздно — при нас или после нас,— но Дом книги в России будет создан, и тогда наступит настоящий расцвет книжного дела.

РАБОЧИЕ

сли бы иностранец спросил меня, что я думаю о русском рабочем и каково мое общее впечатление после 60-летнего знакомства с рабочей средой, я бы сказал:

— Это великолепный, может быть, лучший в Европе рабочий! Уровень талантливости, находчивости и догадки чрезвычайно высок. Но техническая подготовка за отсутствием школы недостаточна и слаба. Но и при этом я беру на себя смелость утверждать, что это замечательные умельцы.

У меня был опыт. Из-за отсутствия в России практических школ все рабочие, занятые в деле, учились тут же на фабрике, возле машины. И тем не менее все технические должности на фабрике замещались своими же людьми, приобретавшими необходимые познания самоучкой. Во главе моей фабрики, которая как-никак была самой большой в России и насчитывала сотни машин, стоял сын дворника, человек без образования и без всякой технической подготовки, В. П. Фролов.

Как он вел дело? Выше всякой похвалы.

Это был тончайший знаток дела, первоклассный техник, неутомимый, настойчивый, замечательный работник. Под его техническим руководством работали две тысячи рабочих. Он умел находить в этой массе способных и талантливых людей, которые прямо «от сохи», через его выучку, занимали на фабрике самые ответственные должности, требующие от работника не только специальных знаний, но и высокого интеллектуального развития.

Всякий раз, когда я спрашивал Фролова, не нужно ли нам дипломированных техников, он возражал:

— А зачем? Свои ребята справятся...

Я отнюдь не придерживаюсь того мнения, что дипломированные техники не нужны на фабриках. Напротив, они нужны, как хлеб насущный, но я хочу только отметить необыкновенную талантливость русского рабочего и чрезвычайное обилие у нас самоучек. Ах, если б этим рабочим дать настоящую школу! Сколько времени и сил тратят они на открытие уже открытого и на изобретение уже изобретенного! И как длинен, как мучителен путь всякого самоучки. Это я и по себе знаю, так как в типографском и издательском деле я ведь тоже самоучка, не знавший такой школы. Родители научили меня только читать и отдали на работу 12 лет от роду.

При нашей главной типографии мы в виде опыта основали школу технического рисования и литографского дела, и опыт превзошел самые смелые ожидания.

Организуя такое учреждение, мы хотели иметь постоянный приток грамотных в художественном отношении молодых тружеников на поприще литографского производства. В этом направлении велось и преподавание. Но когда в 1905 году наша фабрика была сожжена, то на школу было возложено специальное поручение — восстановить необходимые для самых ходких изданий (буквари, учебники, детские книги) старые рисунки, поправить фотографии сохранившихся отпечатков с погибших клише, а также приготовить новые оригиналы обложек, иллюстраций, заставок, алфавитов, заглавных букв и целые комплекты титульного шрифта. И школа с честью исполнила эту огромную и трудную работу.

Среди школьников были настолько талантливые мальчики, что приходилось посылать их в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для получения высшего художественного образования.

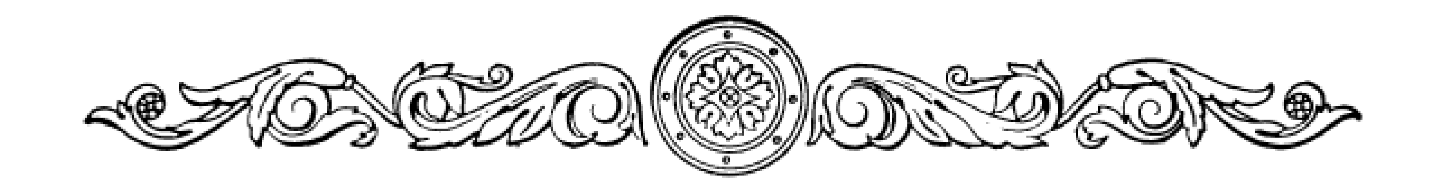
В последнее время перед революцией школа обслуживала многие отделения фабрики, поставляя туда самостоятельных специалистов — мастеров с художественной подготовкой.

Так первый же опыт школы, и притом самый трудный, требующий творчества, вкуса и выдумки, дал прекрасные результаты и помог фабрике выйти из больших затруднений после пожара.

Как относились рабочие к своему делу и к обязанностям, которые на них возлагались? Честно относились. Старые россказни о том, что русские рабочие портят машины, являются на работу в нетрезвом виде и пропускают рабочие дни, надо отнести к области преданий.

Я и представить себе не могу, чтобы на фабрику рабочий пришел в пьяном виде. Это совершенно невозможный случай. Никогда не жаловались мы и на поломку машин и на небрежное отношение к машине.

БУМАЖНОЕ ДЕЛО

умага для издателя — это то же, что хлеб для желудка. В старой России книга была редкостью и книжный рынок пользовался исключительно привозной бумагой. Но и в 80-х и в 90-х годах прошлого столетия, когда спрос на книгу увеличился в неслыханных дотоле размерах, русское бумажное дело не шло в ногу с делом издательским и всегда отставало от него. Мы по-прежнему снабжались заграничной привозной бумагой, и наши бумажные фабрики не выдерживали никакого сравнения с заграничным производством.

Отсталость России в бумажном деле была тем более удивительна, что природные условия давали решительно все, чего можно было только пожелать для блестящего развития дела. Замечательные леса, полноводные сплавные реки, огромной мощности водопады, дешевый труд — все говорило о том, что бумажное дело в России должно процветать, что Россия может завалить своей бумагой все иностранные рынки.

Но косность русского капитала и какой-то первобытный страх перед «новым» делом сделали то, что на своих лесах, водопадах и реках мы

сидели, как собака на сене, и выписывали бумагу из маленькой Финляндии, хотя могли бы сами обслуживать всю Европу.

Очень нередко мы испытывали и бумажный голод и бумажные кризисы, так что первой заботой русского издателя и, так сказать, его пожизненной, вечной тревогой всегда был вопрос о бумаге.

Я эти заботы пережил на собственном опыте, когда дело стало развиваться и когда наша фирма потребляла уже семь тысяч пудов бумаги в день (три тысячи пудов в Москве и четыре тысячи пудов в Петербурге).

Как удовлетворить эту все растущую потребность в бумаге и сбросить с себя зависимость от иностранного производства?

Решение вопроса, конечно, могло быть только одно: если нет большой настоящей бумажной фабрики, то ее надо построить. Или, по крайней мере, найти что-нибудь подходящее из существующих фабрик и развить производство до необходимых размеров.

Но в России были только маленькие, слабосильные фабрики, созданные еще при крепостном праве на основе подневольного труда, да кое-какие начинания промышленников позднейшего времени. Но все это было слабо, ничтожно и походило не столько на фабрику в европейском значении слова, сколько на кустарное производство мелких предпринимателей. Все, вместе взятые, эти фабрики не могли снабдить бумагой даже одну только нашу фирму, так как русская фабрика, производившая две тысячи пудов бумаги в день, считалась уже большой.

Оставалось, таким образом, подумать о новой, первой в России большой фабрике, и я приступил к этому делу. Лесов и водопадов в России было очень много, и все водопады были свободны, так как царское правительство в старину не разрешало эксплуатации водопадов для промышленных целей и не было выработано даже цен за пользование этим «белым углем». К моим услугам, таким образом, было около семи свободных водопадов, и я выбрал самый подходящий — на реке Кеми, при городке того же имени, вблизи моря,— водопад в 20 тысяч лошадиных сил. Тут же на необозримом пространстве стояли и казенные леса, вполне пригодные для эксплуатации.

Я начал с того, что поручил чиновнику водных путей, специалисту по водопадам, изучить данный водопад во всех подробностях. Чиновник работал на месте два года, получая по тысяче рублей в месяц, и исполнил задачу прекрасно. Все было изучено, промерено, начерчено, и вся подготовительная работа по постройке и оборудованию фабрики могла считаться

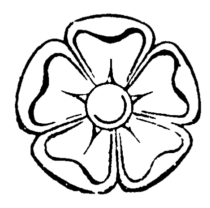
законченной. Оставалось найти компаньона-капиталиста и приступить к делу. Захватив планы и чертежи, я поехал в Берлин и предложил мой проект вниманию г-на Стиннеса. Он нашел концессию блестящей. Все, что можно было пожелать, было налицо: огромной мощности водопад, фантастические лесные богатства, сплавные реки, близость моря и готовый рынок.

Г-н Стиннес очень увлекся этим делом. Себестоимость бумаги, по подсчетам, обходилась в 80 копеек пуд на месте, а продажная цена ее была 3 рубля за пуд. При затрате капитала в 9 миллионов фабрика могла давать ежегодно чистого дохода 3 миллиона рублей.

Но это блестящее дело, которое имело все права на существование и все шансы на успех, так и не осуществилось, и дело не пошло дальше проекта и подготовительных работ. Очевидно, фабрикантом мне не суждено было быть, и во всю мою издательскую жизнь я оставался лишь потребителем, но не производителем.

Наша фирма была крупным заказчиком финляндской бумажной фабрики. Фабрика эта была оборудована выше всякой похвалы, а хозяева ее, энергичные люди и знатоки дела, сделались не только нашими поставщиками, но и нашими искренними друзьями. Я приезжал к ним на фабрику, и они охотно и с радостью показывали мне свое великолепное производство. Вот эта-то фабрика и послужила для меня первым толчком, заставившим подумать о собственном производстве. Замечательно, что и место, где была расположена эта финская фабрика, удивительно походило на то место, которое я выбрал на реке Кеми для русской фабрики. Даже водопад был точь-в-точь такой же.

Я покупал у финнов 5 тысяч пудов бумаги в день да 2 тысячи кое-как удавалось наскрести на русских фабриках. Эта бумага распределялась так: 2 тысячи пудов в сутки для «Русского слова», 2 тысячи пудов для издания книг и журналов в Москве, 1500 пудов для издания журнала «Нива» [1] в Петербурге. Остальные 1500 пудов уходили на другие издания.

МАШИНЫ

аша маленькая литография, открытая в 1886 году, росла, как молодое деревцо. Любо было смотреть, когда привезли и поставили первую маленькую машину. А когда машина пошла в ход и заговорила на своем веселом языке, все столпились вокруг и глядели и не могли наглядеться. Мы были, как фокусники в городе: всем было интересно взглянуть, как в этой маленькой мастерской машина фокусы делает и одну за другой печатает картины.

Но через три месяца мы поставили уже вторую машину, такую же веселую да ловкую, а через полгода — и третью...

Степенные деловые москвичи из купечества стали даже головой покачивать: не понять, что такое и творится здесь: мастерская у них маленькая, машинки работают маленькие и хозяин — мальчуган: с рабочими в трактир ходит, как с товарищами... Стыда нет, право, ездят по реке все вместе, песни поют, и хозяин с ними, да еще и жена хозяина; на что похоже?

Мы все были молоды и очень веселы, и пожилые соседи не прощали нам нашего беззаботного веселья.

— Этому шуту гороховому, хозяину ихнему, Ваньке Сытину, не миновать прогореть... С сумой пойдет... Шутка ли: праздник придет, так они всем табуном в двадцать человек на бульвар выйдут — ровно хоровод какой, прости господи...

Когда к нам привезли третью машину и я пригласил рабочих вспрыснуть покупку, опять соседи и кумушки чесали на наш счет языки и предсказывали мне скорое разорение.

— Давеча-то, давеча!.. Всей гурьбой человек в тридцать в трактир ввалились и прямо в большой зал: хозяин, мол, пригласил, машину вспрыснуть. Хорош хозяин, нечего сказать, с рабочими по трактирам валандается да все их «милыми товарищами» величает. А товарищи-то колесо вертят... Нет, не будет проку тут — по миру пойдет... Рабочие ему и покажут, как вожжи-то распускать... Баловство-то это боком у него выйдет!..

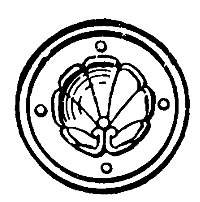
Под этот неумолчный ропот соседей нам было еще веселее работать. Дело у нас спорилось и прямо кипело. Заказы были большие — только поспевай готовить, и очень скоро в нашей маленькой мастерской стало нам тесно. Купили мы дом на Пятницкой улице и переехали туда. Все наладили, оборудовали, поставили машины, но прошло немного времени — и опять нам тесно и опять пришлось открывать три маленькие добавочные мастерские. А работа шла все так же весело и дружно. Уже кое-кто из мастеров свое дело завел и отошел от нас, но на смену им другие встали из своих же понаторевших рабочих. Теперь уже не приходилось вертеть машину руками: уже паровая машина работала. А через три года опять переехали — в наш второй дом и поставили первую ротационную машину... Какая это была радость и какое удовлетворение! А скоро к ротационной машине добавили еще редкий экземпляр двухкрасочной машины, выписанной из Австрии для печатания отрывного календаря. Так и сдвинулись мы с места... Тронулся лед, началось половодье, и понеслись мы все вперед и вперед. Работа, работа, работа!.. С каждым годом мы все обрастали, и все чаще прибывали из-за границы новые и новые машины. Казалось, конца не будет этим машинам. Уже вокруг них образовался огромный человеческий муравейник, уже рабочие считались тысячами, а машины все прибывали. Уже немыслимо было соединить дело в одном месте, уже работа кипела

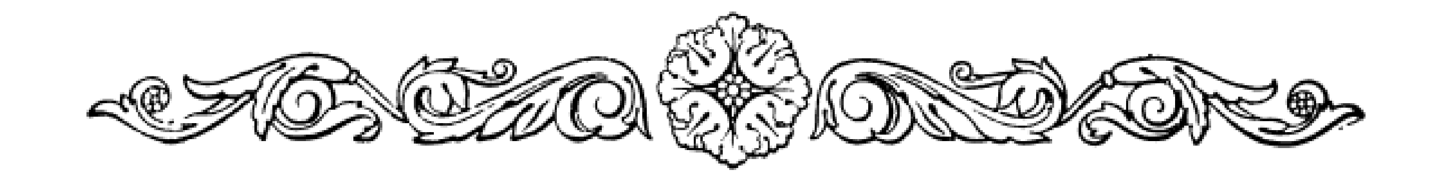
в трех местах в Москве, а четвертое наладилось в Петербурге... И не какое-нибудь, а целый городок вырос вокруг наших машин.

И по мере того, как все это ширилось и разрасталось, душа наполнялась радостным удовлетворением.

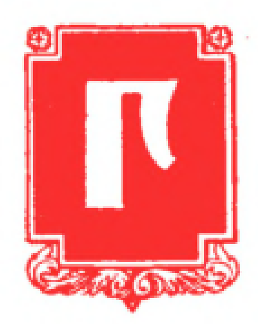
Большое, ясное, настоящее дело выросло из ничего!.. Сотни машин и тысячи людей работали над широкой просветительной задачей... Значит, не даром же проходит жизнь, а что-то делается, развивается, растет... Задача жизни — служить человеку и человечеству. Мы служим родине нашей, России, нашему безграмотному народу, не получившему своей доли в культурном наследии человечества. Еще не видно было конца нашей дороги, и перед нами еще стоял темный, дремучий лес. Но мы шли к цели с нашими машинами и с нашей армией рабочих. Уже и сейчас у нас было столько машин, что мы без особого напряжения могли бы обслуживать всю грамотную Россию: всем школам дать учебники и всем читателям — книги. Но что же это будет, когда вся Россия начнет читать и все русские дети побегут в школу? Тогда наше большое дело стало бы только каплей в море, ибо воистину беспределен был темный океан русской безграмотности.

Но я верю, твердо верю, что эпоха безграмотности придет к концу. Власть тьмы пройдет, как наваждение.

ПОЖАР ФАБРИКИ

ода два спустя после русско-японской войны в газете «Гражданин» князь В. П. Мещерский сообщил о разговоре с Плеве. Из этого разговора было совершенно очевидно, что инициатором японской войны надо считать министра внутренних дел Плеве. Это была его мысль и его горячее желание.

— Маленькая победоносная война,— говорил Плеве Мещерскому,— нам более чем необходима. Она отвлечет общество от вопросов внутренней политики и предохранит Россию от революции.

Короче сказать, всесильный министр Плеве смотрел на войну, как на горчичник, и безбоязненно поставил его на шею России. Но война вышла не маленькая, а большая и не победоносная, а бесславная. Революцию она не отдалила, а приблизила. Ближайшим результатом «горчичника» был лес белых русских крестов, выросший на далеких полях Маньчжурии.

Вскоре русские пушки, возвратившиеся с Дальнего Востока, загремели по русским городам и старая столица России — Москва отведала картечи... Началась революция.

В мою задачу не входит описание революции пятого года. Но случилось так, что фабрика Сытина была чувствительно задета волной московских событий.

Как это случилось? Почему мирное книгоиздательство, печатавшее букварь и школьные учебники, оказалось в ответе? Дело в том, что рабочие Сытинской фабрики считались как бы застрельщиками революции, а фабрика, где они работали, открыто называлась администраторами осиным гнездом. Отношения с рабочими у нашего Товарищества были всегда хорошие, и Товарищество со своей стороны принимало все меры, чтобы улучшить жизнь рабочих. При фабрике была огромная школа рисования для рабочих. Была большая и прекрасно составленная библиотека, которой заведовал В. И. Сытин. Была образцовая столовая под наблюдением и руководством самих рабочих, хорошо поставленный кооператив для удешевления питания рабочих.

Но это и все. Никакого участия в политической жизни рабочих Товарищество, конечно, не принимало. Но самое производство у нас требовало высокого интеллектуального развития рабочих, тем более что все технические должности на фабриках замещались своими же рабочими и руководителем фабрики был В. П. Фролов, сын дворника, пришедший на фабрику мальчиком, получавшим 4 рубля в месяц, и ставший впоследствии директором и одним из главных пайщиков предприятия.

Я не могу отрицать, что рабочие нашего Товарищества принимали участие во всех крупнейших событиях революции 1905 года. Это бесспорно. Но почему адмирал Ф. В. Дубасов, стоявший во главе московской администрации, решил наказать Товарищество и даже просто фабричное здание, этого я до сих пор не могу взять в толк. А между тем это было так, и все события, о которых я сейчас буду говорить, были установлены потом на суде целым рядом свидетельских показаний и могут считаться бесспорными.

Поздно ночью три пожарные части привезли на фабрику несколько бочек керосину и, под охраной целого полка солдат, облили легко загоравшиеся материалы, которые были в производстве (книги, картины, бумага). А затем с факелами в руках пожарные ходили с места на место и поджигали. Когда же служащие и рабочие фабрики кидались тушить огонь, то их отгоняли прикладами, и отгоняли с таким усердием, что один из администраторов с перепугу залез в водосточную трубу и просидел там почти

целый день. Поджог фабрики, сделанный по приказу властей и при участии войск, был совершен в мое отсутствие. Я же в это время, спасаясь от возможного ареста и от очень возможного убийства, решил уехать в Петербург и выждать там, пока затихнет московская буря. Я должен был выехать вместе со священником Петровым, который тоже имел основания опасаться, но на вокзал я приехал один и застал на вокзале настоящий военный лагерь. Все залы и буфет были наполнены солдатами и офицерами Семеновского полка, и весь вокзал очень походил на походный бивуак. В вокзальном буфете меня увидел мой хороший знакомый Соедов, сидевший за столиком с офицерами, и мы издали раскланялись. А через минуту встревоженный Соедов сделал мне таинственный знак рукой и, улучив момент, прошептал:

— Ты едешь, Сытин? Давай скорей мне свой чемодан и ступай садись в багажный вагон. Дай кондуктору, что возьмет, но только поспеши!

Оказалось, что когда Соедов со мной раскланялся, то сидевший с ним за столиком семеновский офицер спросил:

— Кто это?

— Это Сытин.

Одной фамилии этой оказалось довольно, чтоб офицер вскочил и побежал за солдатами.

— Беги же скорей,— настаивал Соедов.— Тебе грозит арест или пуля. Скорее в багажный вагон, а я скажу, что ты едешь в имение.

Я побежал к багажному вагону, и за пять целковых меня взялись довезти до станции Клин. В Клину, думая, что опасность миновала, я пересел на свое место в вагоне второго класса. Моим соседом по купе оказался давнишний знакомый, сын нижегородского губернатора генерал П. М. Баранов.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич. Вы откуда?

— Сидел у соседей, а теперь на свое место перешел. В Петербург еду.

— И я в Петербург. С докладом еду о наших вопиющих безобразиях.

— А вы где же служите?

— Я чиновник особых поручений при адмирале Ф. В. Дубасове...

Вот тебе, думаю, так напоролся. Из огня да в полымя! Но вида, конечно, не подаю.

— А вы надолго едете в Петербург? — спрашивает Баранов.

— Думаю завтра же и возвратиться.

— А знаете, вашими рабочими очень недоволен мой патрон. Это передовая шайка во всей московской массе.

— Все рабочие одинаковы.

— Ну нет... У вас особенные бунтари: на похоронах этого Баумана шли впереди всех.

— Да? Впрочем, я далек от политической жизни...

— Но кипите в самой середине.

— Куда же деваться-то, когда жизнь — кипучий котел. Вот бегу в сторонку, в тихий Петербург еду...

— Где остановитесь?

— Думаю, нигде: вечером назад в Москву.

Так в мирной беседе с чиновником Дубасова доехали мы до Любани. А в Любани на станционной платформе мне опять попался Соедов.

— Ну как, благополучно? А ведь офицер-то с солдатами тебя по всему поезду искали.

Соедов сообщил мне, что в Москве предстоит много арестов, что будут, вероятно, и расстрелы, и посоветовал пересесть в его вагон и в Петербурге остановиться у него же.

Приехавши в Петербург, я прежде всего поехал на телефонную станцию, чтобы поговорить с Москвой и узнать, что у меня делается. На станции я встретил нескольких журналистов, наших сотрудников, которые, как мне показалось, были очень грустны и смотрели на меня сочувствующими глазами. Потом оказалось, что все они уже знали о пожаре и не знал только я один. Без малейшей задержки меня соединили с моей московской квартирой, и к аппарату подошла моя жена.

— Что у нас делается?

— Да ничего... Ты не волнуйся, пожалуйста, но вышла неприятность: в эту ночь пожар был на фабрике.

— Что сгорело? Отчего?

— Сгорел весь большой новый корпус.

— Совсем?

— Дотла. Но ты не падай духом. Не волнуйся.

— Я спокоен... Будь и ты спокойна...

Я вышел из будки, ошеломленный известием, но наружно спокойный. Все пять человек моих журналистов ждали меня и наперебой стали утешать и выражать сочувствие. Они знали о событии из «Нового времени» [1],

которое напечатало известие о пожаре за день до пожара, но не хотели меня расстраивать...

— Ну что же, друзья!.. Не надо печалиться, а вы лучше поздравьте меня... Серьезно, я не шучу. Я выиграл 200 тысяч... Пойдемте-ка к Палкину [2], я хочу хорошенько вас угостить и даже кутнуть с вами по случаю этого барыша.

Журналисты, вероятно, думали, что я с ума сошел, и все выражали мне свое сочувствие.

— Мы вам глубоко сочувствуем, Иван Дмитриевич, в постигшем вас испытании.

— Да полно вам, милые друзья мои! Я ведь совсем не шучу. Я и на самом деле рад. Этот пожар будет способствовать нам к украшению, как говорил Грибоедов.

За отличной закуской у Палкина я объяснил журналистам мою мысль.

— Видите ли, мой лихой недруг думает, что, сжигая мои фабричные корпуса и мои машины, он губит то дело, которое эти машины делают, а выйдет-то как раз наоборот. Он ошибку в расчете сделал. Я бы дал еще 500 тысяч, чтобы меня сожгли. Не верите, думаете, шучу? Да, ей-богу же, не шучу. Ведь сообразите, какой шум пойдет теперь по Москве, да и по всей России. Злая рука мне добрую рекламу сделает. Публика разберет, в чем дело.

Если я — ядовитое семя в этой жизни, туда мне и дорога! А если я делал доброе дело, то Россия воздаст мне десятерицею за все, что они спалили. Верьте мне: на погорелом месте мы выстроим не один, а пять корпусов. Будем же благодарны за всякое испытание, которое посылает нам жизнь.

Через три дня я возвратился в Москву. Город еще не утих после революционной бури. На улицах еще не были убраны остатки баррикад, еще лежали спиленные телеграфные столбы и зияли дыры в витринах магазинов. Лавки еще не торговали, на перекрестках улиц стояли патрули с винтовками, и в стенах домов еще виднелись свежие раны от пуль. Вечером я направился к себе на Пятницкую и по дороге заехал к моему другу Васильеву, жившему недалеко от моей фабрики. Вместе мы пошли взглянуть на пожарище. От пятиэтажного громадного корпуса остались только обгорелые стены. Все потолки провалились и рухнули, погребая под обломками

дорогие машины, мою гордость. Груда кирпичей, запах гари, железные балки и черные, безобразные стены — вот все, что осталось... Всего несколько дней назад здесь ключом кипела жизнь. Гудели машины, работали станки, и, как муравьи, копошились рабочие. А теперь... За чайком на квартире у Васильева мы оба всплакнули. Не о себе, а о том ненужном, слепом зле, которое ходит по людям.

Русскими руками здесь делалось большое русское дело, и русские же руки не оставили здесь камня на камне...

Керосин, пожарные, поджигающие факелами книги, и солдаты, не позволяющие тушить огонь.

Но правда ли все это? Можно ли утверждать, не боясь греха, что фабрика погибла от административного поджога? Но на суде, когда я искал премию со страхового общества, поджог был установлен с несомненностью. Свидетели подтвердили и керосин, и факелы, и запрещение тушить. Представитель страхового общества так и говорил перед судьями:

— На каком же основании общество должно платить страховую премию, если правительство по тем или другим основаниям решило истребить данное имущество огнем?

Суд был только справедлив, когда отказал в иске. Да и самый процесс мы подняли не ради премии, а единственно из желания осветить дело. Тем не менее я был прав, когда говорил журналистам, что пожар пойдет нам на пользу. Через неделю после пожарища я созвал поставщиков фирмы, которым мы были должны около 3 миллионов рублей, и предложил им уплатить проценты за 3 месяца.

— А через 3 месяца я все заплачу вам полным рублем.

— Я готов вам, Иван Дмитриевич, уступить полмиллиона с вашего долга мне,— любезно предложил наш поставщик бумаги Марк.

— Я от души благодарен вам, но мне это не нужно. Я заплачу все мои долги полностью.

Марк был искренне удивлен. Он не ожидал, что человек так легко может отказаться от 500 тысяч рублей.

— Знаете, вы удивительный человек.

Об этом случае Марк раззвонил по всей Москве и даже повез меня к директору государственного банка, чтобы показать «чудо природы».

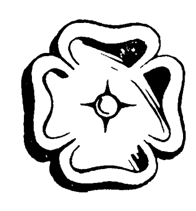
Директор, однако, не увидел здесь «чуда природы», но и он наговорил мне целую кучу любезностей.

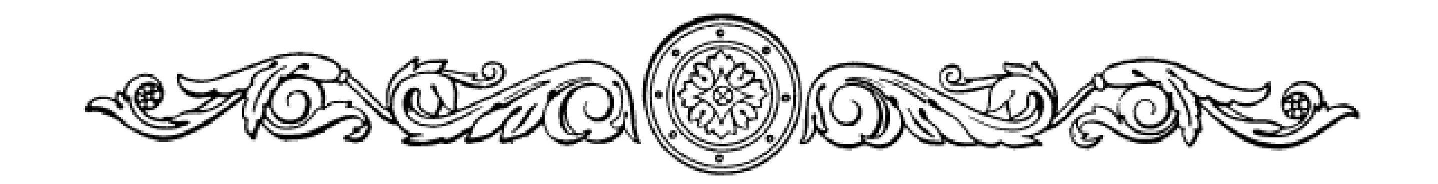
— Поверьте, Иван Дмитриевич, нам чрезвычайно приятно иметь такого клиента. Отныне все, что вы пожелаете, мы исполним с особенным удовольствием.

— Вот видите,— говорил я,— это дороже всякой скидки.

На тех же основаниях я произвел расчеты со всеми нашими кредиторами, и ближайшим результатом этого было то, что во всех банках и у всех поставщиков кредит нашей фирмы укрепился и расширился почти до неограниченности. А через 6 месяцев сгоревшая фабрика была восстановлена в лучшем, еще более усовершенствованном виде и работа закипела. Дела наши пошли и шире, и лучше, так что, по словам Грибоедова, пожар действительно способствовал нам к украшению [3].

Впрочем, все это относится, конечно, только к делам фабрики. Все те неисчислимые жертвы и беды, которые перенес русский рабочий в 1905 году, не прошли даром для него.

ПОХОРОНЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

се с часу на час ждали смерти Толстого, и всем уже было ясно, что нет никаких надежд на его выздоровление... И все-таки, когда пришла эта смерть, стало как-то пусто и одиноко в мире. Страшно было произносить эти тогда еще непривычные слова: «покойный Толстой»... И страшно было подумать, что на веки веков сомкнулись эти правдивые уста и что ни одного толстовского слова мы больше не услышим никогда.

Удивительно, какую власть над человеческим сердцем имеет это роковое слово — «никогда».

Оно прозвучало для нас где-то в степной глуши, на маленькой, никому не ведомой станции Астапово и оттуда разлетелось по всей России и по всему миру.

В комнатке начальника станции, на его кровати, под свистки паровозов и грохот поездных колес умирал одиноко великий старик. Знал, что умирает, и прощался с жизнью безропотно и любовно. И пока старая больная грудь боролась со смертью, весь мир, затаив дыхание, ждал и как бы прислушивался к этому свистящему, тяжелому дыханию больного. А когда

таинство смерти свершилось, замелькали в первый раз эти непривычные, режущие ухо слова:

«Покойный Толстой».

Ничего удивительного и ненормального здесь не было. Дело самое простое: старик за 80 лет простудился и умер. Но как горько было привыкать к этой смерти и как тяжко было мириться с ней!

Вместе с тысячами других москвичей я тоже поехал в Ясную Поляну, чтобы поклониться гробу Толстого.

Была поздняя осень, стыли леса на первых морозах, и в воздухе перепархивал еще нерешительный первый снежок. От полустанка Козлова Засека вместе с народом мы шли пешком по обмерзлой колее, и все напоминало в этом толстовском уголке такое знакомое, всем близкое и родное прошлое Льва Николаевича. Вот здесь Толстой-юнкер скакал по осенним полям за зайцами и выпускал борзых.

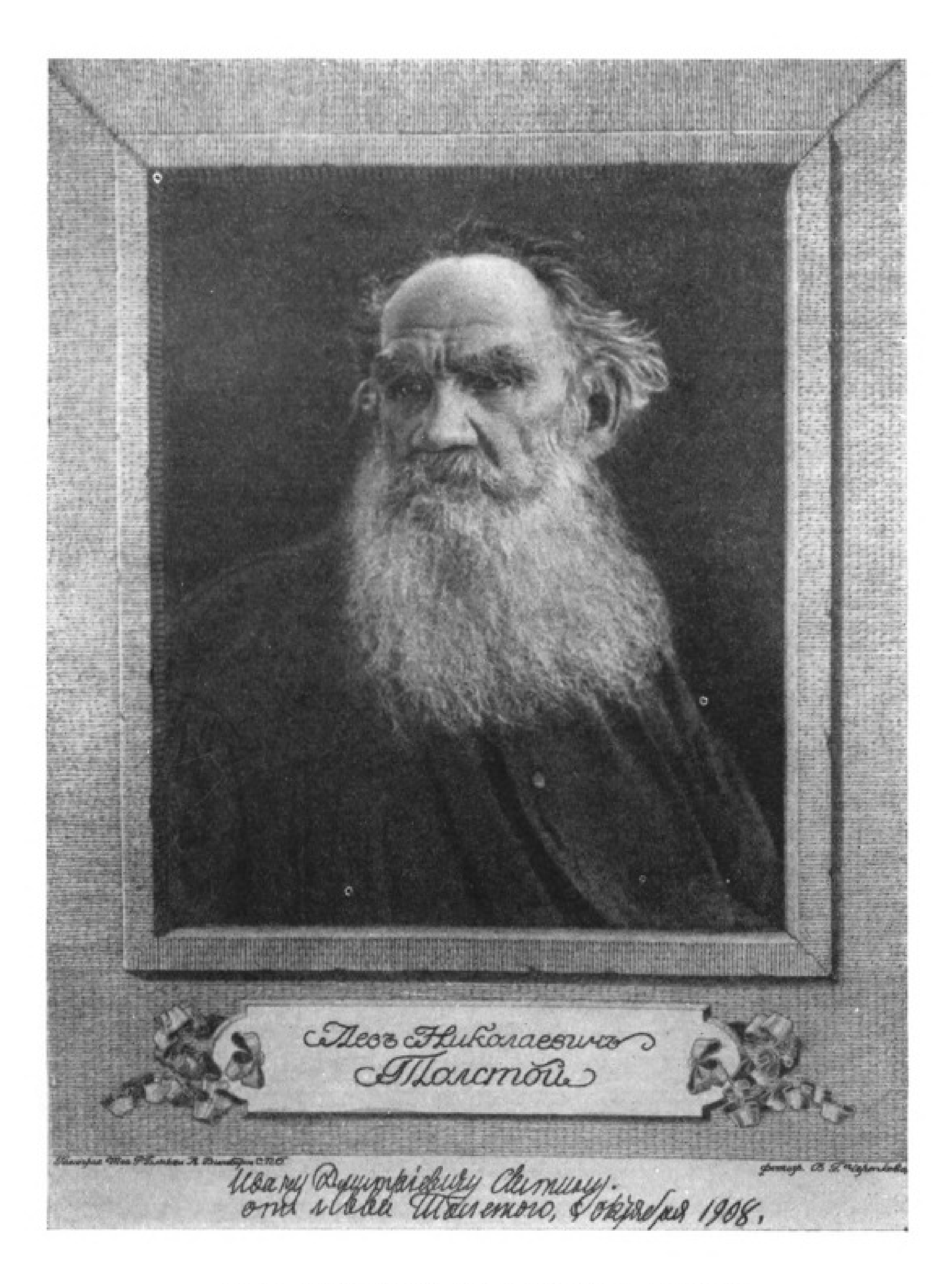
Это был еще мальчик, не чуявший своей силы. Толстой-франт, Толстой, по три раза в день менявший сорочку и не выносивший людей с дурным французским произношением. Но здесь же создавались потом и «Война и мир», и «Анна Каренина», и почти все, чем прославилось великое имя Толстого.

Все было здесь — и жизнь, и слава, и счастье, и смерть. Вот на этом небольшом клочке земли, среди перелесков и полянок, в этом старом парке, в этой старой усадьбе. Все было здесь.

Как странно и тяжко звучало тогда это простенькое слово — было... А теперь... А теперь, вероятно, в тех комнатах, где я когда-то бывал, стоит гроб и в гробу лежит старик...

В усадьбе весь сад и весь парк были переполнены людьми. Много курсисток, много студентов, много писателей и профессоров. И совсем мало крестьян...

Я бывал не раз в Ясной Поляне, и все мне было здесь знакомо. Вот «дерево бедных» со скамьей вокруг него. Здесь я когда-то ел гречневую кашу вместе с Толстым и инокиней Марией Николаевной. А вот двухэтажный, такой знакомый дом с внутренними лестницами, уютными, старинными лестницами, от которых пахнет семьей и тишиной жизни. Здесь тоже я когда-то бывал и говорил с тем, кто теперь лежит в гробу... Какой он теперь? Изменила ли его смерть, остались ли в знакомом лице следы страдания?

Ивану Дмитриевичу Сытину от Льва Толстого

Чувство нежной грусти, размягчающей душу, охватило меня, когда я переступил порог толстовского гнезда. Как будто я пришел на кладбище, где под маленьким зеленым холмом лежал дорогой и незабвенный человек...

С похоронами опоздали на несколько часов. Кого-то ждали, беспрерывно приходили какие-то телеграммы, и все приехавшие — несколько тысяч человек — хотели непременно проститься с покойным. А это требовало времени. Гроб был поставлен в небольшой проходной комнате, и через эту комнату с благоговением, но без слов и без слез проходили тысячи людей. Слышно было только робкое шарканье бесчисленных ног и общий затаенный вздох тысяч людей...

Я не узнал Льва Николаевича в гробу. Всем известный львиный нос его показался мне горбатым и острым. Реденькие седые волосы на темени, реденькая, тоже как будто не толстовская борода. Как изменяет смерть!

Я перекрестился, вздохнул, но не заплакал — вероятно, потому, что никто не плакал.

— Прощай, Лев Николаевич, придет пора — увидимся...

У того места, где когда-то, лет восемь — десять тому назад, Толстые-дети («муравейные братья») зарыли знаменитую «зеленую палочку», была вырыта могила. Сюда, простившись с телом покойного, хлынул весь народ, и скоро парк переполнился людьми.

Ждали выноса. Порядок соблюдался благоговейный, толпа стояла, как в церкви. Но не видно было ни духовенства, ни полиции.

— Будут ли речи?

— Нет, не будут...

— А крест на могилу поставят?

— Кажется, нет.

Переговаривались шепотом.

А в парке, в самой глубине, ржали озябшие жандармские лошади. Их не видно было, они были спрятаны где-то далеко, «на всякий случай», но тонкое ржание лошадей трелью переливалось то там, то здесь, и казалось, что где-то близко стоит кавалерийский лагерь. Больше часу все ждали выноса, и наконец показалась печальная процессия с большим дубовым гробом впереди...

Все собравшиеся — несколько тысяч человек — безмолвно обнажили головы и безмолвно опустились на колени. Никто не руководил этой огром-

ной толпой, никто ей ничего не подсказывал, но все действовали, как один. Была потребность стать на колени при виде гроба Толстого — и стали. Была потребность запеть «вечную память» — и запели.

Торжественно, молитвенно и как-то по-особенному задушевно и тепло звучали в парке эти слова: «Веч-на-я па-мять...»

Окончив напев, люди на минуту смолкали, и общий вздох проносился по этой толпе, не желающей вставать с колен... И потом опять, без руководства и без подсказа, толпа сама собой начинала снова:

— Веч-ная па-мять... Веч-ная па-мять...

Кое-где уже видны были заплаканные лица, и многие плакали, не замечая, что они плачут. А большой, тяжелый, дубовый гроб все колебался над опущенными головами толпы и все шел ближе и ближе к могиле...

Вот и дошел... Вот и остановился над глубокой, свежей ямой... Толпа затаила дух и замолчала.

Теперь уже никто не пел «вечную память», и все смотрели на тех людей, которые поставили гроб на землю, подхлестнули под него веревки и тихо, на руках стали опускать в глубину.

Раздался сдержанный, точно сдавленный, истерический вскрик в толпе родных. Это Софья Андреевна. Вскрикнула и, точно извиняясь перед детьми, сквозь слезы скороговоркой сказала:

— Не буду... не буду... не буду!

А люди, которые работали у могилы, уже опустили гроб, и уже слышно было, как часто и быстро стучала по крышке гроба мерзлая земля... И опять без команды, сам собой, запел хор в пять тысяч человек:

— Веч-ная па-мять... Веч-ная па-мять...

Все было кончено, и в безмолвной толпе я заметил поднимавшихся с колен жандармских офицеров, которые на ходу крестились и спешили в глубину парка к своим командам...

Под руки повели дети домой убитую, придавленную Софью Андреевну... Какое скорбное, какое измученное лицо!..

А толпа все еще не хотела расходиться, все еще стояла без шапок. Теперь уже не было благоговейного шепота... Молитва окончилась, и все подходили поближе, чтобы взглянуть на свежий глинистый холмик...

А вдали в разных местах раздавалось чистое и звонкое ржание коней...

* *
*

Когда прошли первые траурные дни, родные Толстого должны были подумать о приведении в порядок наследства Льва Николаевича. А. Л. Толстая, В. Г. Чертков и присяжный поверенный Муравьев составили особый комитет и обратились к издателю «Нивы» Марксу, к Товариществу Сытина со следующим предложением. Комитету необходимо получить 300 тысяч рублей за сочинения Л. Н. Толстого. Деньги эти нужны для выкупа Ясной Поляны у наследников Толстого, дабы передать землю в полную и безвозмездную собственность яснополянских крестьян.

Комитет предоставляет право выпустить одно издание сочинений (без права собственности) и предлагает «Ниве» полное собрание сочинений для приложения к этому журналу. А если «Нива» не пожелает, то комитет предлагает разделить право издания пополам и предоставить «Ниве» (за 150 тысяч рублей) выпустить приложение, а И. Д. Сытину (тоже за 150 тысяч) выпустить дешевое или дорогое издание, по его усмотрению.

Оба издателя принципиально согласились принять это предложение, но по вопросу о продажной цене издания между ними вышли разногласия.

Сытин предлагал выпустить сразу два издания: дешевое и дорогое — в 10 рублей и в 50 рублей [1].

А Маркс возражал против дешевого издания и настаивал, чтобы цена сытинских изданий была в 25 и 50 рублей.

Противоречие это было очень трудно устранить, и комитет поставил вопрос: не пожелает ли один из издателей взять все дело на себя и заплатить целиком 300 тысяч?

Чтобы избежать какого-либо торга при наследстве Толстого, я предложил Черткову самому избрать издателя, и Чертков, вполне резонно, остановил свой выбор на Марксе, мотивируя это тем, что при «Ниве» приложения даются бесплатно и, значит, задушевное желание Толстого, чтобы книги его были общей собственностью, в комбинации с «Нивой» ближе к своему осуществлению. К несчастью, однако, Маркс отказался от всякой сделки (он находил цену в 300 тысяч слишком высокой и убыточной), и дело снова повисло в воздухе.

Тогда комитет опять обратился ко мне.

— Не согласитесь ли, Иван Дмитриевич, принять на себя посмертное издание все целиком? Помогите нам выйти из этого положения...

Я посмотрел контракт, который был заключен с Марксом (но не был еще подписан), и согласился.

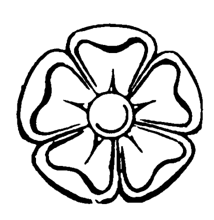
— Хорошо. Я согласен подписать договор на тех же условиях, какие были предложены Марксу.

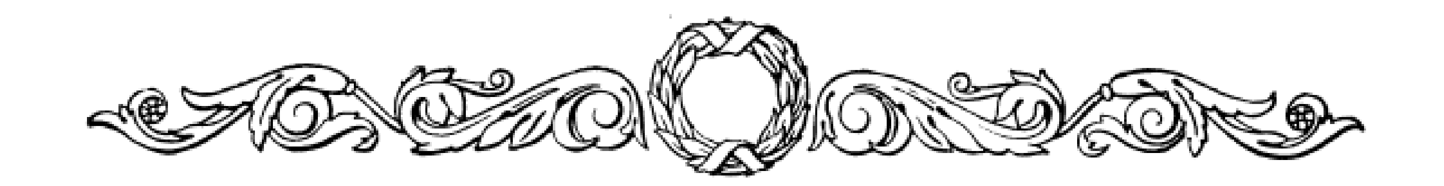
Получив в свои руки литературное наследство Толстого, я распорядился им так: 10 тысяч полного собрания было пущено в продажу по 50 рублей и 100 тысяч — по 10 рублей.

Это последнее, десятирублевое, издание разошлось в приложениях к «Русскому слову» и другим периодическим изданиям, принадлежавшим нашему Товариществу.

Конечно, никаких барышей от этого издания наше Товарищество не получило. Мы свели лишь концы с концами. Я принял предложение наследников только потому, что считал долгом издательской совести помочь комитету распутать все узлы, завязавшиеся вокруг яснополянской земли.

Мы все так бесконечно много были обязаны Льву Николаевичу, что не прийти на зов его наследников было бы делом самой черной неблагодарности.

А. М. ГОРЬКИЙ

ода за два до войны в Москве, как и всюду в России, чувствовалось какое-то политическое удушье. Точно кошмар навалился на русскую грудь, и не видно было кругом никакого просвета. Старая власть догнивала на корню и лежала точно в параличе. Ни одного шага для сближения с обществом и народом она не могла сделать и стояла у последней черты. Позор Распутина и распутинщины ощущался всеми, и все чувствовали, что этим грязным именем точно дегтем вымазывали ворота всей России. Ощущение стыда, резкого, невыносимого стыда переживалось с такой остротой, что противно было взять в руки газету.

Распутин решительно портил весь фасад русской культуры, и рядом с ним все казалось каким-то ненастоящим, шутовским, оплеванным.

— Какой же может быть парламент, если существует самодержавный Гришка?

— Как можно серьезно говорить о государственной власти, если Гришка и назначает и выгоняет министров?

— Решительно все — и печать, и университет, и Академия наук, и даже политические партии — все это из-за Гришки получало какой-то особый,

смешной оттенок. Вся жизнь становилась ненастоящей, точно на зло выдуманной, и в этом всероссийском аду, как в змеином гнезде, клубились политические гады и царствовала на полной своей воле политическая сплетня.

Я помню, в эти тяжкие годы многие русские люди переживали какую-то непонятную тоску, точно от сердечного удушья. Все ждали катастрофы, ждали взрыва и чувствовали, что висят на волоске. Русское сегодня было нестерпимо, а русское завтра было темно и страшно.

Помню, эта тоска была знакома и мне. И даже в такой степени, что я не находил себе места и без особой надобности, почти без цели все ездил из города в город с единственным желанием уйти от людей и бежать от самого себя.

Странствуя таким образом, я попал в Варшаву, и в Варшаве пришла мне в голову мысль поехать за границу.

— Поеду-ка я на Капри. Никогда там не был. И с Горьким повидаюсь...

В том состоянии, в каком я был, я мог поехать и в Малую Азию, и в Египет, но имя Горького повлияло на мой маршрут, и я взял направление на Италию.

Итальянское солнце и синее море несколько оживили мне душу.

Какой радостный, счастливый, какой божественный край!

В Неаполе мне показалось, что я попал в страну роскоши и богатства. Так горели на солнце дворцы, отели, сияли дорогие витрины магазинов.

Но маленькие дети тут же хватали за полы иностранцев и просили «на макароны». А ночью, когда я пошел посмотреть залитый лунным блеском Неаполитанский залив, меня обступили такие типы, что я едва ноги унес.

— Нет, и у них не все ладно. И море, и солнце, и Везувий еще не решают вопроса о «макаронах».

Переночевав в Неаполе, я поехал на Капри — прославленный игрушечный островок, где нашел приют русский писатель.

На Капри к Горькому приезжало много свободомыслящих русских людей: здесь была своего рода академия революционеров.

Алексей Максимович принял меня ласково и радушно. Но здесь, среди роскоши юга, под этим ясным, синим небом, в виду дымящегося Везувия, мы говорили больше о нашей серой, холодной родине. Здесь, у этого блещущего синего моря, по которому белели здесь и там рыбачьи паруса, как-то особенно тепло вспоминался русский мужик. Чувствовалось ясно: только дай ему силы знания — и все сокровища обретешь в его душе.

— Да, надо все это исправить,— говорил Алексей Максимович,— плохо народу живется. Вот вы издаете дельную литературу для народа, но ноющую и слезливую — Толстого и Лескова, а надо поднимать его сильной, бодрящей, смелой книгой. Довольно ему духовных книг, проповедующих смирение и подвижничество. Эти книжки сделали из народа раба — ими вы проповедуете рабство.

Показывая дом, Алексей Максимович остановился на библиотеке:

— Посмотрите, Иван Дмитриевич, какая у меня здесь прекрасная русская библиотека. Я вне России, но живу для России.

И опять Алексей Максимович перешел к русскому мужику:

— Издавайте книги, дающие мужику знание, дайте ему учиться, пусть он узнает право, свободу. Дайте ему школу, чтобы он по выходе из нее знал свои обязанности и права гражданина и человека и, главное, умел бы вести свое хозяйство и научился ремеслу, хотя бы самому необходимому, которого требует его маленькое хозяйство. А что у нас? Из школы выходит через 3 года мальчик, ничего не знает, даже письма написать не может. А ведь ему уж 14 лет. Ужас, что школы плодят: поголовную безграмотность. Вот почему вся деревня мертва и жизнь ее пуста. Излишек подростков идет на заводы и фабрики и попадает на всю жизнь в кабалу, там их суют куда попало, и вот они начинают новую жизнь пролетария. А ведь там тоже нет порядка, системы и умения использовать их возможности. Сколько этих малышей пропадает...

— Да, Алексей Максимович, я с вами согласен. Ведь и нам с вами было трудно пробивать себе дорогу при нынешних порядках. Помню я свое начало, шаг за шагом, и вот что я вам скажу: самое главное — окружить себя людьми. Человек — это величайшая и могущественная сила. Но только наука, знание и опыт дают ему благополучие.

Идем пить чай и закусывать на террасу.

— Ну вот, теперь будем не спеша и дружески вас поправлять с дороги.

— Да, Алексей Максимович, я только теперь знаю, что такое сумасшествие; к вам приехал за лекарством.

Смеется Алексей Максимович.

— Как же я должен лечить вас?

— Когда вы поставите диагноз, то найдете и лекарство! Зачем бы я иначе приехал к вам, я верю и жду исцеления.

— Вас исцелит остров Капри.

— Да, но кроме того, что даст Капри, мне нужно ваше слово, душевное, бодрящее, как чудо.

— Ну, я рад, что на вас это, как чудо, подействовало.

— Ну вот, значит, я прав. Мне от вас чудо и нужно.

— Вам, может, отдохнуть нужно?

— Что вы, Алексей Максимович, я всю дорогу отдыхал. Я теперь рад беседе с вами и буду рад погулять, если хотите.

Горький повел меня гулять и показывал Капри.

— Вот здесь с крутого обрыва бросали в море неверных жен цезарей и провинившихся рабов.

А вот здесь огромный старый монастырь капуцинов, где когда-то жил неаполитанский кардинал, а теперь все пусто, все мертво, все поросло «травой забвения»...

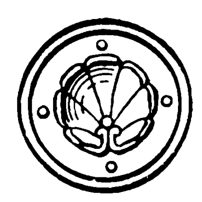
Но и среди чужих развалин, где все века и эпохи оставили свой след, мы не забывали о России.

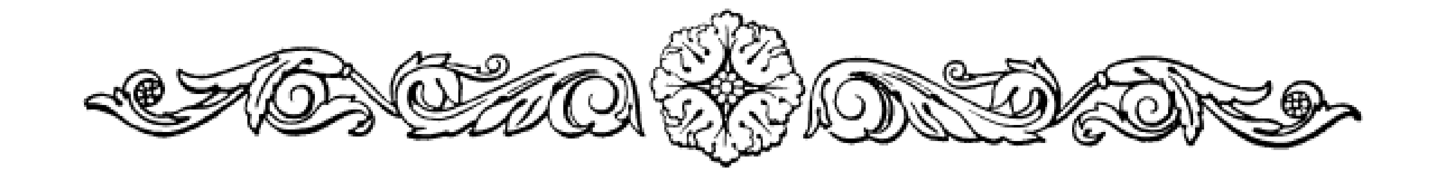
Алексей Максимович тосковал по родине.

...К зиме Горький был уже в России, и я предложил ему для жительства мое имение под Москвой. Алексей Максимович охотно принял предложение и всю зиму прожил у меня, а весной переехал в Финляндию на дачу.

В это время мы издавали с ним журнал «Летопись» [1], но издание это скоро пришлось остановить. Приближалась бурная полоса нашей истории. Горький переехал в Петербург и связал себя с изданием газеты «Новая жизнь» [2], а параллельно задумал и широкое книжное дело — издательство «Парус» [3]. Много мы говорили и часто встречались с Алексеем Максимовичем по всем издательским делам. Он все время был озабочен и занят своими делами. Была полоса новых людей — к ним принадлежал и Алексей Максимович, прекрасный, интересный работник и вдохновитель.

К сожалению, обстоятельства военного времени не дали нам возможности продолжать начатое нами дело, и мое участие в его литературных предприятиях окончилось...

БАТУЕВ

В Нижнем, на ярмарке, у меня началось интересное знакомство с семьей уржумского купца Батуева. Кроме офеней в лавку за книгами приходили ко мне и городские купцы. В их числе был и Батуев, покупавший для продажи учебники. Однажды Батуев зашел не один, а с сыном-гимназистом.

— Вот, Ванюша, друг любезный, привез я тебе молодого купца из Уржума, сына моего Николеньку. Ты, брат, полюби его и поучи торговать книжками. Он хлопец ничего и книжки любит.

Очень смышленый, очень дельный и милый мальчик понравился мне с первого же знакомства. Он во все вникал, всем интересовался, говорил мало, но всегда умно и проявлял заметный интерес к книжному делу.

Года через два он приехал на ярмарку уже студентом Казанского университета и опять вместе с отцом зашел ко мне в лавку за товаром. Теперь это уже был купец в полном смысле слова. Он уже расширял свой сбыт и из маленького Уржума через других торговцев стал проникать в соседние города и главным образом в деревню.

На этот раз я познакомился с Николенькой поближе и, судя по тому, как разбирался он в каталогах и какие рецензии давал по разнообразным книгам, понял, что из юноши будет большой толк и что уржумский купец Батуев приготовил для своей губернии настоящего, надежного работника.

С удовольствием я услышал, что Николенька готовит себя к земской деятельности и уже теперь озабочен вопросами народного просвещения. А так как между отцом и сыном я видел самую теплую дружбу и самое полное понимание и сочувствие, то не сомневался, что Николенька оставит добрый след в жизни.

И я не ошибся. Деловая купеческая подготовка мальчика принесла ему большую пользу в жизни. После университета он поступил на службу в земство, скоро сделался земским гласным и через какой-нибудь год, еще совсем молодым человеком, махнул сразу в председатели земской управы в Вятке. Тут он и развернулся. Зная и деревню и город не понаслышке, а по личному опыту, он понял, что главное усилие земства должно быть направлено в сторону народного образования, и легко, быстро добился того, что Вятская губерния заняла в этом отношении одно из первых мест в России.

Как человек удивительно обаятельный и милый, Батуев сплотил вокруг себя целый кружок прекрасных работников и задался мыслью искоренить в своей губернии безграмотность и бескнижность. Сразу, в один прием, он создал три тысячи бесплатных деревенских библиотек, и я с удовольствием вспоминаю, что с этим заказом он по старой памяти обратился ко мне.

Списки книг Батуев составлял сам и умел в это дело внести свои познания образованного человека и свой торговый опыт купца.

— В каждой библиотеке должно быть 100 книг, и все они вместе должны стоить не дороже рубля.

Этот заказ Батуев повторял ежегодно и всякий раз обновлял и дополнял свои списки. А рядом с тем он широко развивал и прежнюю издательскую деятельность земства, внося в это дело свой ум, и свою широту, и свой торговый опыт.

Скоро о Батуеве заговорили в газетах как о выдающемся, редком, исключительном работнике, и сочувствие высшей интеллигенции заметно окрыляло его.

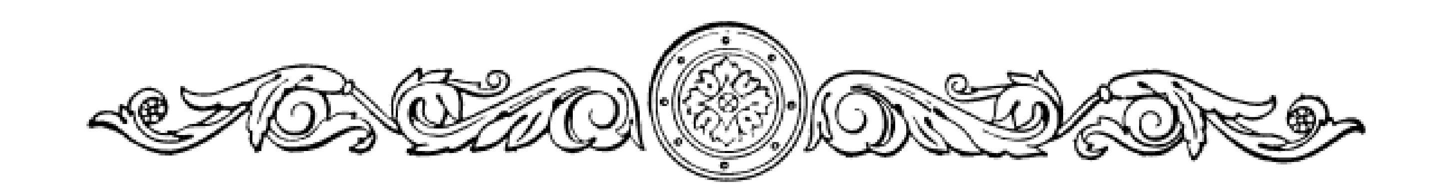
В несколько лет заброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания, и на Нижегородской ярмарке уже появились специальные вятские ряды, занимавшие несколько корпусов, где Вятское земство

устраивало выставку своих произведений. Тут были и ткани, и пряжа, и мебель, и экипажи, и вязаные изделия, и железная и деревянная посуда, и все что вам угодно. И, глядя на эти вятские ряды, созданные трудами Батуева и его предшественников, всякий любовался этой кипучей энергией и огромной силой человека.

— Ай да Батуев!

Все, что было нужно деревенскому и городскому человеку, Вятка делала сама. И делала с толком, с умом, с понятием. Но нет счастья России на энергичных и деловых людей. Прекрасная жизнь Батуева оборвалась в самом расцвете его недюжинных сил. Он был убит каким-то негодяем на пороге своего дома, и начавшееся следствие так и не выяснило причин, чья злая рука поднялась на эту цветущую жизнь и кому было нужно, чтобы Батуев ушел из этого мира и оборвал на полуслове свою такую талантливую и такую плодотворную работу.

ИЗДАТЕЛЬ «НИВЫ» А. Ф. МАРКС

а выставке 1883 года рядом с моим павильоном была расположена витрина Маркса, издателя «Нивы». До этого времени мы не были знакомы и только тут впервые столкнулись. Симпатичный, с дурным русским произношением немец-издатель очень мне понравился, и мы разговорились.

— Очень хороши ваши картины-премии, которые вы прилагаете к «Ниве»,— сказал я.— Но, как иностранец, вы, мне кажется, делаете одну ошибку...

— Какую?

— Да ведь каждый год все картины и картины, этак вы совсем перегрузите вашего подписчика. У него и стен не хватит, чтобы все ваши картины развесить...

Он подумал, пожевал губами и сказал:

— Когда все стенки завесят, я альбом буду давать...

— Да почему же все картины? Вашему подписчку — вы извините меня — совсем не то нужно.

— А что ему нужно?

— Книга ему нужна! Мы народ безграмотный, и картинами нас грамотными не сделаешь.

— А какая же книга ему нужна?

— Да мало ли книг-то. Вам разве не приходила в голову мысль, что при «Ниве» можно бы в виде приложения рассылать наших классиков?

— Нет, эта мысль не приходила мне.

— Произведений наших классиков народ не знает, а ведь большое дело можно бы сделать...

Немец подумал, помолчал, потом посмотрел на меня лукавыми загоревшимися глазами и с напускной небрежностью сказал:

— Нет, едва ли... Дорого стоит... Едва ли...

На этом мы расстались, и я совсем забыл про наш разговор.

Но через год в лавку ко мне пришел приказчик и неожиданно заявил:

— Г-н Маркс просят вас обедать в «Славянский Базар» [1].

Меня это очень удивило, но, чтобы не обижать собрата, я пошел.

Маркс, весь сияющий и радостный, праздничный, встретил меня торжественно, точно юбиляра, и на своем дурном русском языке начал:

— Ну, Иван Дмитриевич, ты мой большой гость сегодня. Я желает угощать... Самое большое и самое лучшее угощение... Все, что ты хочешь...

— Да по какому же случаю? Что такое произошло?

— Ты помнишь нашу встречу на выставке?

— Как же...

— И наш разговор тоже помнишь?

— Конечно...

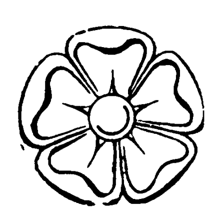
— Так вот смотри!

Маркс вынул бумагу и протянул мне. Читаю и глазам не верю: он купил у Салаева полное собрание сочинений Гоголя за 100 тысяч рублей.

— Теперь понимаешь, почему я желает угощать? Это наша дружеская беседа дала мне дорогу. Я теперь знаю, что делать и какие приложения давать при моей «Ниве».

Я с завистью поздравил милого немца, а он дружески хлопнул меня по плечу.

Так из простого разговора, из случайно оброненного замечания выросло огромное дело, приблизившее к народу всех русских классиков.

ОПАСНАЯ БЛИЗОСТЬ

ой друг, кум и пайщик Ф. Я. Рощин из полуграмотного офени стал крупным книгопродавцом и богатым купцом города Яранска, а затем ушел от мира и построил женский монастырь. Мне вспоминается, как я вместе с ним ездил к Победоносцеву хлопотать о казенной земле под монастырь, и то, какие неожиданные последствия имели для меня эти хлопоты. Рощин явился ко мне на Нижегородскую ярмарку и, по своему обыкновению, без всяких предисловий начал:

— Ну вот, я и пошабашил... Все дело передам моему и твоему другу Михайлову, а сам уйду в новое дело. Поедем-ка, брат, сегодня в Петербург с тобой, мне надо в синод об земле хлопотать, а без тебя я там как в лесу.

Я хорошо знал Рощина и знал, что спорить с ним бесполезно.

— Да неужели же сегодня и ехать?

— А то как же? У меня и времени совсем нет. Надо спешить.

Мне трудно было бросить дела среди ярмарки, но отказать Рощину я не мог. Поехали в тот же день, а на другой день уже были в синоде, в кабинете Победоносцева.

— В чем дело? И что за срочность у вас такая, что сейчас же надо меня видеть.

Рощин в своем черном сюртуке, с золотой медалью на шее, плотный, коренастый, подошел вперевалку к столу обер-прокурора и встряхнул своими длинными крестьянскими волосами с пробором посередине:

— Прошу, ваше превосходительство, разрешить мне построить женский монастырь в Казанской губернии.

И, вынув из кармана географическую карту, он положил ее на стол и ткнул пальцем:

— Вот здеся... Тысяча десятин пустопорожней земли, государственного имущества... Ходатайствуйте, чтобы мне ее пожертвовать для монастыря, а ежели даром не дадут, купить желаю.

— Ну что ж... Дело доброе... Подайте прошение, а там рассмотрят и разрешат.

— Да мне ждать некогда... Мне поскорее надо... Я неграмотный, никого тут не знаю, вас прошу покорнейше, вы разрешите. (Рощин в пояс поклонился.)

— Ну а бумаги у вас, по крайней мере, есть?

— Ничего нету. Здеся надо написать и бумаги, какие нужно.

Победоносцев позвонил, и на его звонок вошел правитель дел синода, ласковый, вкрадчивый, элегантный человек — Даманский.

— Вот, Владимир Петрович, пришли сытинцы, просят разрешения на постройку монастыря, с тем чтобы им землю даром дали... И все сейчас, сегодня, сию минуту. Вы уж, пожалуйста, примите их, выслушайте подробности и сделайте, что можно.

Тон, каким сказал это Победоносцев, не оставлял никаких сомнений, что дело Рощина будет улажено, и притом с молниеносной быстротой.

И действительно, правитель дел Даманский выслушал нас, все записал, а уже на другой день все формальности были исполнены и все бумаги были написаны.

Рощин уехал счастливый и довольный, но мое участие в этом маленьком деле создало в обер-прокурорских кругах убеждение, что Сытин совсем не такой еретик, каким кажется, и что если подойти к нему с надлежащей стороны, то и из него «толк» выйдет и деньги получить можно.

Через некоторое время, когда я опять встретился с Даманским, он конфиденциально шепнул мне:

— Вот какое дело, Иван Дмитриевич... У нас готовится торжество. Пожалуйте к нам на освящение новой церковно-приходской школы и церкви. Все уже готово, но — такая досада — не хватает только на колокола три тысячи рублей. Вы бы шепнули вашему другу Рощину, не захочет ли он пожертвовать?

— Ну, зачем же Рощину... Позвольте уж мне...

Я заплатил по счету финляндского колокольного завода и тут же получил приглашение на торжество и на завтрак в Новодевичьем монастыре.

А за завтраком Победоносцев, стараясь быть любезным хозяином, все шутил на мой счет и говорил начальнику церковно-приходских школ Шемякину:

— Вот, Василий Иванович, у нас тут великий еретик сидит, но, между прочим, он и монастыри строит... Ты бы с ним поговорил, он был бы нам полезен...

Шемякин, большой, грузный мужчина, с лицом мясника, расплылся в улыбку при этой шутке начальства.

— Да я, ваше высокопревосходительство, хорошо знаю нашего еретика Ивана Дмитриевича... Мы с ним, наверное, столкуемся...

После завтрака Шемякин наговорил мне много любезностей, пригласил к себе домой, и я, что называется, не успел и оглянуться, как мы уже говорили о делах и заказах.

— Наши церковно-приходские школы, Иван Дмитриевич, растут, нам нужно много книг, и уж позвольте на вас рассчитывать. Я вам дам огромное количество материалов — и каких материалов! — а ваше дело печатать и поставлять в наши школы...

Я несколько боялся синодского дельца из бывших либералов и не знал, чего он от меня хочет: хочет ли он втянуть меня в синодскую орбиту или хочет деньги нажить. Но очень скоро я понял, что имею дело с простой синодской акулой, жадной, хищной, неразборчивой в средствах.

Победоносцев, вероятно, хотел запрячь меня в синодский воз и сделать «своим еретиком, строящим монастыри», но кучером на этот воз посадить было некого. Знаменитый временщик был так ужасно окружен, что, кроме хищников и рвачей, около него никого не было.

С Шемякиным мы столковались быстро. Он взялся доставить мне целую серию книг для церковно-приходских школ, а я должен был их

печатать. Победоносцев же сам читал корректуры многих книг и был очень доволен, что эти книги печатаются в типографии «еретика».

Через год я подвел итоги, и выяснилось, что на этом деле я несу 30% убытка, а Шемякин получает 20% чистой прибыли.

В синоде спохватились:

— За что же получает Шемякин? Он не автор книг, но как будто получает авторские... И авторы получают, и Шемякин получает, и Сытин, вероятно, наживает... Зачем нам это, когда у нас есть своя синодальная типография и мы сами все можем печатать?

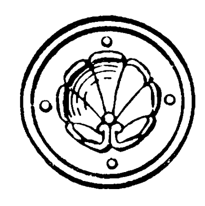
От меня потребовали оригиналы, и я с величайшей готовностью возвратил их при соответствующей бумаге.

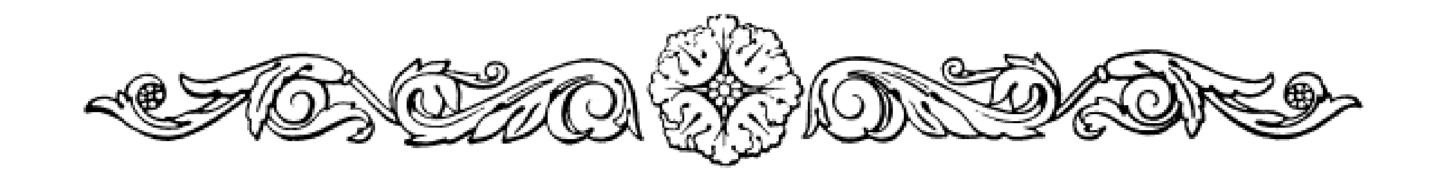
Дело, таким образом, окончилось благополучно, и я ушел из синодской «орбиты» здрав и невредим.

Но когда узнал об этом Победоносцев, он схватился за голову. Лично мне он говорил:

— Зачем ты это сделал? Как это можно? Ведь они все изгадят, а потом бросят, и дело окончится убытками. А чем мы будем покрывать эти убытки? Ах, дураки, ах, пошляки...

Но я уже чувствовал себя спасенным и от убытков и от «орбиты» и не без удовольствия смотрел, как бесится этот временщик. Всесильный, всемогущий перед Россией и бессильный и немощный перед шайкой синодских проходимцев, окруживших его тесным кольцом.

С. Д. ШЕРЕМЕТЬЕВ

Кроме Победоносцева, который очень хотел сделать меня «своим» и привлечь мое дело на службу синода, такую же попытку «приручить» меня сделало однажды и цензурное ведомство.

Когда начальником главного управления по делам печати стал князь Шаховской, он предложил мне начать издание «народных» книг в Петербурге параллельно с «Посредником». Это было знаменитое Общество имени Александра III [1], которым мечтали заменить закрытое Общество грамотности [2].

Я, конечно, понимал, что со стороны князя Шаховского это была лишь простая попытка вовлечь меня в правительственную орбиту и сделать Сытина полуофициозным издателем. Но, чтобы не отвечать прямым отказом и больше из любопытства, чем из делового интереса, я пошел поглядеть, что там у них делается и что затевается.

«Дела тут не предвидится,— думалось мне,— а будет, как говорят москвичи, только «потолкуй»».

Разговаривать пришлось с первостепенным русским вельможей, графом С. Д. Шереметьевым, который стоял во главе Общества имени

Александра III. Граф жил на Мойке, в знаменитом родовом дворце Шереметьевых, который мог бы считаться одним из самых замечательных частных музеев в Европе.

Здесь, в этом барском старинном гнезде, все носило следы XVIII века и напоминало не столько петербургский, императорский, период нашей истории, сколько царский, московский.

В вестибюле, где свободно могло раздеться 500 человек, меня встретили два ливрейных лакея с важными физиономиями вице-губернаторов. Один из них с заученной почтительностью снял с меня пальто и с такой же почтительностью повесил его на какую-то невиданную, замысловатую вешалку, приделанную к высокой спинке кресла. А другой повел меня к графу.

Маленьким, узеньким коридором, расписанным в стиле царских теремов Московской Руси, мы прошли в небольшую приемную, которая тоже напомнила мне старобоярские или царские терема. Я, впрочем, не успел разглядеть подробностей, потому что меня сейчас же ввели в кабинет графа.

В кабинете я увидел сначала только большой стол, но стол совершенно необыкновенный и невиданный. За таким столом мог бы сидеть разве только Алексей Михайлович, царь и великий князь всея Руси. Покрытый мягкой золотой парчой и ткаными шелками, уставленный эмалевыми бесценными безделушками и эмалевыми же подсвечниками с витыми разноцветными восковыми свечами, этот стол так не походил на деловой стол современного человека, что я диву дался. Но представьте себе мое удивление, когда за столом между витыми красными и голубыми свечами я увидел настоящего русского боярина, как будто собравшегося на соколиную охоту.

Граф сидел на высоком старобоярском кресле, точно на московском троне. На нем был парчовый расшитый шелками полукафтан со светлыми стильными застежками, сбоку на голове — мурмолка [3], тоже расшитая цветными шелками и отороченная блестящей мягкой парчой. Мне так и казалось, что вот-вот этот костюмированный боярин встанет во весь рост среди этого терема с расписными стенами и запоет арию из «Князя Игоря». Но боярин не встал и не запел, а милостиво кивнул мне издали расписной мурмолкой и воркующим барским баском благосклонно промолвил, словно рублем подарил:

— Здравствуйте, Сытин!.. Мне о вас говорил Шаховской... Садитесь!

Я оглянулся было, куда сесть, но в этот момент почтенный вице-губернатор в ливрее ловко и бесшумно подставил мне стильный стул в двух

шагах от парчового стола. Это было очень далеко от моего костюмированного собеседника, я чувствовал себя там так, как будто меня посадили посередине терема, но, очевидно, таков был обычай в этих боярских палатах.

— Вы хотите участвовать в делах нашей издательской комиссии? — спросил боярин.

— Князь Шаховской поручил мне переговорить с вашим сиятельством по этому вопросу. Насколько я знаю, вы хотите заняться изданием книг для народа?

— Да, я бы хотел. Но я не знаю, кто бы у нас мог это дело вести...

— Если вам угодно знать мое мнение, то князь Шаховской был бы, на мой взгляд, самый подходящий для вас человек. При вашем содействии, а если это будет нужно, то и при моем участии, как рабочей силы, это дело можно бы организовать...

Боярин задумчиво пожевал губами.

— Да, да... У нас мало, очень мало осталось людей старого порядка. Все новички... Вот Шаховской мне вас прислал... Я слышал, что вы ведете свое дело бойко и не без успеха, но там, вверху, ваша работа не встречает сочувствия... Да, да, мне говорили... Не встречает сочувствия...

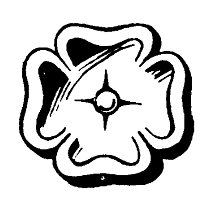
Шаховской, конечно, подходящий человек... Я его полюбил, и Столыпин его любит. Возможно, что он справился бы с нашим делом. Ну что ж... Хорошо, я поговорю с Шаховским, а вы уж с ним сами столкуетесь... Со своей стороны я готов содействовать этому начинанию...

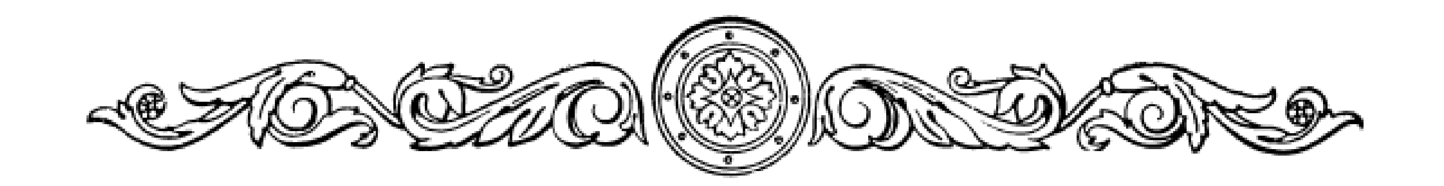
Аудиенция была кончена. Голова в мурмолке милостиво кивнула, и я раскланялся все так же издали, на приличной дистанции, как и при входе.

Уходя, я бросил еще раз взгляд на этот расписной терем Московской Руси и на этого костюмированного боярина, и мне захотелось смеяться...

Я вообразил себе этого боярина в мурмолке и в парчовом расписном полукафтане среди типографских станков и ротационных машин, где люди мелькают, как муравьи, где кипит дружная, нервная работа,— и мне опять захотелось смеяться...

Нет, это не вы, господа, сделаете Россию грамотной... Где уж, что уж!..

С. Ю. ВИТТЕ

По делам и просто по знакомству мне приходилось не раз бывать у министра финансов С. Ю. Витте. Но одно свидание с ним особенно врезалось мне в память. Это было, когда Витте уже закончил свою головокружительную карьеру и, отойдя от дел, усердно приводил в порядок свои мемуары. Он жил на Каменноостровском, в своем столь известном белом доме, где была когда-то подложена адская машина неопытной рукой черносотенных террористов.

Когда отставному министру доложили обо мне, он сам распахнул дверь своего большого кабинета:

— Прошу вас! Очень рад, что вы наконец заехали ко мне. Как поживаете? Отчего перестали ко мне ходить, не нужен больше, а? А когда нужно было, так заходили...

— Я не смел беспокоить вас, Сергей Юльевич...

— Ну полноте! Я всегда рад, душевно рад вас видеть. Садитесь.

Витте любезно усадил меня, а сам по своему обыкновению стал взад и вперед ходить по комнате.

— Как изволите поживать, Сергей Юльевич?

— Да что ж... Не столько поживаю, сколько доживаю свой век. Спокойно, медленно, без бурь и волнений доживаю. А что у вас нового?

— А у меня все то же... Плохо мы движемся, Сергей Юльевич... Вот хотел с вами посоветоваться... Все кричат о школе, о народном образовании, а ни порядку, ни взаимности нигде нет, как нет и дружной, настоящей работы. Земство и синод на ножах в школьном деле... В своем роде тридцатилетняя война... А мы на эту войну смотрим, и чубы у нас трещат...

— Да, да... Наша школа — это всероссийская болячка... Я не говорю об учащихся, но наши учителя всех учебных заведений — и низших, и высших — понятия не имеют о государственной постановке преподавания!..

Витте любил поговорить и очень любил сильные, категорические выражения. Он точно топором рубил, расхаживая широкими шагами по кабинету и размахивая рукой.

— Простите, Сергей Юльевич,— обратился я к нему, продолжая разговор,— но мне очень бы хотелось услышать ваше мнение по одному вопросу, который меня безмерно интересует.

— Пожалуйста, Иван Дмитриевич.

— Вы, может быть, слышали, что мы хотим учредить общество «Школа и знание». Мы хотим создать широкую школьную сеть на всю Россию. Начальная, народная школа, и при каждой школе библиотека. Мы уже собрали для начала дела 10 миллионов рублей, а рассчитываем собрать колоссальные суммы. Наша задача широка, почти беспредельна: мы хотим ликвидировать безграмотность в России и сделать учебник и книгу всенародным достоянием. Но скажите, на что мы можем рассчитывать, как отнесется к нашей идее правительство? Можем ли мы рассчитывать на его содействие?

Витте остановил свой бег по кабинету и слушал с интересом.

— Вы хотите знать мое личное мнение? Хотите знать, как я думаю? Извольте, я скажу: правительственная власть может только терпеть, но никогда не будет сочувствовать вашему делу. Никогда!

— Значит, на содействие и помощь не следует рассчитывать?

— Не следует.

— И дело в широком масштабе повести будет трудно?

— Да, трудно.

Признаюсь, эти откровенные, прямые слова опального министра ударили меня точно обухом по голове. С такой прямотой их еще никогда передо мной не произносили.

Чего мы хотели, к чему шли?

Мы хотели дать неграмотному народу букварь в руки. Мы хотели, не обременяя правительство, на свои средства создать элементарную школу, работающую под надзором правительства. Но вот сановник, только что сошедший с государственного корабля, знающий свою среду, как самого себя, говорит нам:

«Терпеть вас еще могут, но сочувствовать — никогда!»

Должно быть, Витте заметил, какое сильное впечатление произвели на меня его слова, и перевел разговор на церковно-приходскую школу:

— Скажите, Иван Дмитриевич, как вы смотрите на церковно-приходские и земские школы?

— Да что ж, Сергей Юльевич, тут смотреть. У меня есть своя церковно-приходская школа и есть другая, земская. Преподавание, конечно, лучше в земской школе. Ей недостает только ремесленных классов, но это дело будущего, к этому мы идем и об этом мечтаем. Но в церковно-приходской синод сидит... Святейший, правительствующий...

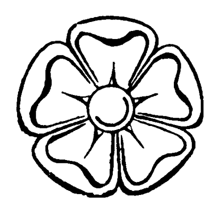
— А мое мнение, что школы церковно-приходские лучше земских. По крайней мере, для русского, православного населения: они сближают с церковью и с приходом и насаждают в народе дух евангелия. А нашему серому мужичку только того и надо: ему теплее в церковно-приходской школе, чем в земской. Вот если бы вы в вашу программу включили и церковно-приходскую школу, то разговор, может быть, был бы другой и правительство не отказало бы вам в своем сочувствии...

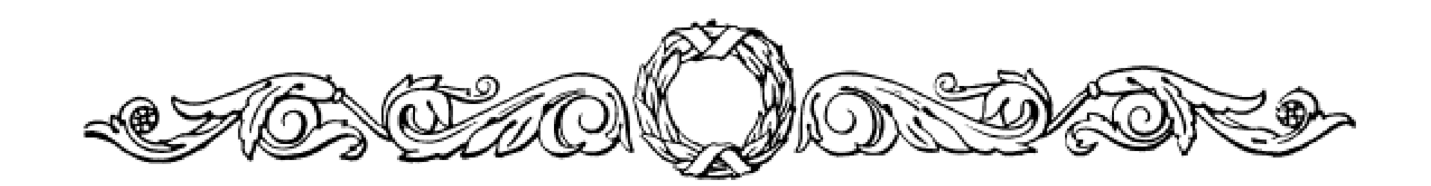
Я почти не слушал. О школах Витте говорил как дилетант, как барин, который что-то такое слышал о борьбе двух школ — синодской и земской, но едва ли когда-нибудь вникал в дело и серьезно думал о нем.

Но зато его предсказание о судьбе нашей заветной мечты — о «Школе и знании» — поразило меня безмерно своей прямотой и искренностью:

«Терпеть вас, может быть, и будут, но сочувствовать — никогда».

Как будто гвоздь забил он в мою голову этими словами.

БЕСЕДА С ЦАРЕМ

ла ужасная, трижды проклятая мировая война. Убитые и раненые уже считались миллионами. Русские города переполнились лазаретами и калеками в военных шинелях. А из народа все вырывали работников и серыми безоружными толпами посылали на смерть и увечья. Без конца, без смысла, даже без надобности.

Опытному глазу уже в середине этой кровавой бессмыслицы было видно, что добром это не кончится, что в народе растет раздражение и что все государственные скрепы старой монархии расшатались и едва держатся.

А в Петербурге все было по-старому. Чиновники писали бумаги, депутаты говорили речи, министры интриговали и заискивали перед Распутиным. В деловом мире, как в темном океане, шныряли акулы большой воды, и новенькие миллионеры из спекулянтов и поставщиков сводили с ума дорогих кокоток и наводняли шикарные рестораны. Народная страда шла параллельно с оголтелыми кутежами, и, пока на фронте лилась кровь, в столице рекою лилось шампанское.

Это было невыносимое зрелище, и сам собой вставал вопрос: а что же там, во дворце, на самой вершине власти,— понимают ли там, что делается и куда, в какой омут, ведет это страну?

Этот вопрос очень занимал и меня. Тысячи слухов, тучи сплетен, миллионы анекдотов нависли над столицей, как туман, и не хотелось верить собственным ушам, и страшно, жутко было верить собственным глазам. Может ли это быть? Ведь если хоть на минуту поверить слухам и погрузиться в клоаку сплетен, то верхушка правящей власти в России может показаться просто пустым местом.

И мне вспоминались слова Достоевского о загробном мире:

«Может быть, никакого загробного мира и нет. Может быть, вместо мира стоит пустая, старая баня с паутиной по углам, а в паутине паук сидит...»

Было невыносимо слушать все, что говорилось, и хотелось видеть, своими глазами видеть и знать, какая же тайна заключена там, вверху, за пределами досягаемости. Все эти мысли создали в душе моей неотступное желание лично увидеть царя и лично говорить с ним.

Было ли это любопытство, желание разгадать загадку или неосознанный каприз старого человека, захотевшего перед смертью увидеть того, чья воля посылала на смерть миллионы русских людей?

Я и сам бы затруднился ответить на этот вопрос с полной точностью. Одно могу сказать: в душе моей не было ничего, кроме скорбного недоумения, и ни одна темная мысль «верноподданного хама» никогда не проникала в мою голову. Царь рисовался в моем воображении как простая ошибка истории, как жертва наследственной монархии.

Как бы то ни было, я предпринял некоторые шаги, чтобы получить аудиенцию. Министром внутренних дел был в то время ставленник Распутина Штюрмер, имя которого связывалось с недоброй памяти разрушителем Тверского земства [1].

Под стать министру был и его личный секретарь и правая рука — прославленный сыщик Манасевич-Мануйлов, писавший в «Новом времени» детективные статьи под псевдонимом «Маска».

На приеме у министра мне пришлось вести первый разговор именно с этим детективом.

— Могу ли я видеть г-на министра?

— Вам зачем?

— Хотел бы переговорить по делу.

— По какому делу?

— Да уж это я г-ну министру объясню.

С очень любезной гримасой детектив пошел доложить обо мне и затем довольно кисло сказал:

— Пожал-те...

Штюрмер принял меня в деловом кабинете, где углом стоял киот с образами и горящими лампадками. Я перекрестился на образа, поклонился старому, облезлому, толстому, седому и лысому сановнику. Это был Штюрмер. Я видел его в первый раз и, признаюсь, был поражен слишком уж непрезентабельной наружностью министра. Такому старичку следовало бы сидеть где-нибудь в уездном казначействе или занимать должность бухгалтера в управлении городских трамваев.

— Здравствуйте, г-н Сытин. Вы ко мне?

— Да, ваше превосходительство, к вам.

— Чем могу быть полезен?

— Просьба у меня необычная, ваше превосходительство. Я хочу просить, не признает ли его императорское величество возможным принять меня на 5 минут для личной беседы?

— А какое у вас дело к его величеству?

— Да и дела-то особенного нет... А просто хочу, если будет позволено, узнать взгляд его величества на дела народного образования.

Старый, облезлый, лысый министр задумчиво и значительно пожевал губами.

— Гм... Видеть государя... Хорошо, я доложу его величеству о вашем желании... Да, доложу и потом скажу вам о последующем.

— Ваше превосходительство, когда предполагаете доложить государю?

— Да сегодня же доложу. А завтра приходите за ответом.

На другой день ровно в 5 часов, как было условлено, я опять входил в приемную министра.

На этот раз детектив Манасевич-Мануйлов встретил меня уже совсем по-другому и тотчас же, без единой минуты промедления, позвал к министру.

За рабочим столом министра сидел все тот же лысый, поношенный бухгалтер уездного казначейства. Разница была только в том, что теперь этот облезлый человек улыбался:

— Его величество государь император соизволил передать вам, что послезавтра вы будете приняты в 2 часа в Могилеве. Значит, вам надо ехать в ставку завтра в 12 часов и там переночевать. Мы вам дадим пропуск, а в Могилеве все остальное сделает вам Воейков.

Я поблагодарил и откланялся.

На другой день с величайшей пунктуальностью ко мне заехал корректный, очень любезный офицер (адъютант министра) и вручил пропуск. Адъютант преподал мне несколько советов, как мне ехать, куда обращаться в ставке, и, щелкая каблуками, очень мило раскланялся.

С министерским пропуском я явился на станцию и, входя в вагон, был приятно удивлен, встретив в своем купе старого знакомого протопресвитера[2] всей русской армии отца Георгия Шавельского.

— Как это хорошо, что я вас вижу, отец Георгий. Вы в ставку?

— Да. А вы куда?

— И я в ставку, к царю в гости!

— Вот чудак! Зачем же? Что за идея?

— Да просто, отец Георгий, дела так идут, что приходится метаться из угла в угол... С вами мне надо о многом поговорить. Я, право, так рад, что вместе поедем... Вы ведь с царем так близки, что можете мне дать совет...

— Сделайте одолжение, все что хотите. Но что за идея?

Шавельский смотрел на мое желание поговорить с государем как на явное чудачество: о чем? зачем? что за блажь?

Я видел это удивление на его лице...

Когда я говорил с ним о своих мыслях, Шавельский слушал меня с очевидным интересом, но в то же время на лице его я видел и некоторое недоумение.

— Это все так, Иван Дмитриевич, это слов нет... Но от царя чего же вы хотите? Чего хотите просить?

— Ничего не хочу просить. Мне ничего не нужно...

— Так зачем же тогда едете? Вот чудак, право...

— А видите, мне хочется знать, что царь думает, как на дело смотрит?

— Вот чудак вы, право...

— Да почему же чудак?

— Да так, к царю едете, а просить ничего не собираетесь. Зачем же тогда?

— А разве обязательно что-нибудь просить? Я не о себе лично хлопочу, меня волнует другое...

Уже подъезжая к Могилеву, я опять обратился к Шавельскому и попросил у него помощи:

— Вы, отец Георгий, должно быть, каждый день видите царя, вероятно, и сегодня за обедом увидите. Замолвите там за меня словечко, чтобы терпеливо выслушал...

Шавельский обещал сделать все, что в его силах.

В Могилеве мы расстались. За протопресвитером приехали на вокзал лошади, а я на извозчике уехал в гостиницу искать ночлега.

В номере, когда я остался один и попробовал привести в порядок свои мысли, на меня напали мучительные сомнения:

«И что это я затеял? И для чего это нужно? И почему такой опытный в придворном мире человек, как Шавельский, смотрит на мое свидание как на «чудачество»...

Даже не понимает — зачем?»

...Вести с фронта, предчувствие внутреннего взрыва и полное отсутствие твердой земли под ногами было ясно для нас как на ладони.

Куда идти? На что опереться? Где искать защиты и помощи от надвигающегося урагана?

Но все колебания теперь были уже неуместны.

Надо было идти к коменданту государевой квартиры Воейкову.

И я пошел. Этот ловкий, выхоленный, чистенький, с иголочки одетый офицер принял меня корректно, но суховато:

— К государю? Вам назначена аудиенция? А в чем ваше дело к его величеству?

На мое счастье, как раз в этот момент к Воейкову пришел Шавельский и с его помощью разговор сразу перешел в другой тон. Стало проще, и через пять минут Воейков, знаменитый обладатель целебной воды «куваки» [3], уже забыл и о государе, и о моем свидании и говорил только о своем источнике и о своей «куваке».

Я почувствовал себя совсем запросто, когда он, как лавочник, потерпевший убытки, стал жаловаться.

— Мало пьют, мало пьют... Такая вода, а между тем нет спроса... Совсем мало пьют... А следовало бы Сытину поддержать адъютанта царя и в «Русском слове» публикацию помещать... Моя «кувака» имеет все права на внимание. Я не о своем только интересе хлопочу, но и о народном здравии, и если бы в «Русском слове»...

Война, миллионы убитых и вся русская трагедия, от которой хотелось стать на землю и выть, как воют собаки,— для него просто не существовали. Он щелкал шпорами, мило улыбался и говорил о «куваке»... Думал ли я, что «кувака» Воейкова течет даже здесь, в царской ставке, где сосредоточены все кровавые нити войны?

На другой день, около двух часов, я пришел во дворец.

Позвали в кабинет. Поднимаюсь во второй этаж. Вхожу. Пусто и просторно. В углу противоположной стены — большой стол, по бокам — кресла. Весь пол затянут мягким красивым ковром.

Никого нет. Жду. Настроение жуткое. Мысли разбежались, и непонятное, сильное волнение охватило всю душу.

— Господи, помоги мне!

Но вот тихо открылась противоположная дверь, и вышел царь. В офицерском обычном сюртуке, в высоких сапогах... Волосы уже тронуты сединой.

Идет ко мне, и я иду к нему навстречу. Посередине кабинета встретились.

Надо было говорить, мне говорить, а это было так трудно!

Я говорил что-то путано и невнятно. Язык был как чужой. Я с удивлением слушал свои слова, которые как-то сами собой говорились, и ждал реплики, ждал слова, которое надо было бросить мне, как бросают спасательный круг. Но слова не было. Царь стоял, слушал и молчал.

— Мое дело, ваше величество,— издание книг для народа: учебных, научных, ремесленных, сельскохозяйственных...

Царь молчал, спасательного круга не было.

Я с удивлением слушал себя, слушал как посторонний, как чужой, и все ждал реплики, ждал спасательного круга. Но реплики не было. Царь молчал по-прежнему, и я продолжал говорить:

— И еще, ваше величество, позвольте мне обратить ваше внимание на школу народную. Я как-то говорил с Победоносцевым и с графом Витте о моем проекте образовать общество «Школа и знание». Я говорил: вот

общество, которое на свой счет хочет покрыть Россию целой сетью школ. Общество хочет ввести преподавание ремесл, технических, сельскохозяйственных знаний. Скажите, Сергей Юльевич, можем ли мы рассчитывать на сочувствие правительства? А он: ваше дело, говорит, правительство может терпеть, но никогда не будет ему сочувствовать...

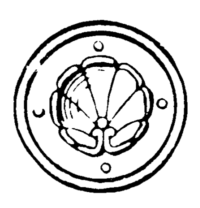
Я очень волновался и, должно быть, говорил прескверно-корявым, запутанным, сбивчивым языком. Но при последних словах мне вдруг был брошен тот спасательный круг, которого я так долго ждал.

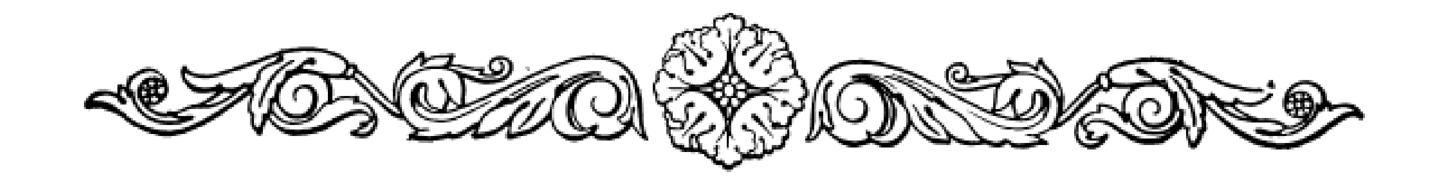
— Это очень жаль...— сказал он.— Ни с Победоносцевым, ни с Витте я в этом случае не согласен. Это жаль. Я проверю...

Я встрепенулся, оживился, но государь неожиданно подал мне руку...

Аудиенция была окончена, и я, как в тумане, вышел из царского кабинета.

Что такое я говорил... И отчего так долго, так мучительно долго он молчал. Ни одного слова, и только под конец это короткое: «Я проверю».

НА ОБВОДНЫЙ КАНАЛ...

етербургский корреспондент «Таймс» Р. А. Вильтон как-то спросил меня:

— А вы знакомы, Иван Дмитриевич, с Распутиным?

— Нет, я один, кажется, не интересуюсь этим интересным мужчиной... Слава богу, я всех офень на Руси знаю, так меня «мужичком» не удивишь... Видал всяких — умных и глупых... Многие были умнее Распутина.

— Напрасно... А вы бы съездили да познакомились: чрезвычайно оригинальный человек... Жалеть не будете!..

Эти слова английского корреспондента как-то запали мне в душу. Отчего не взглянуть в самом деле, может быть, чудо какое-нибудь пропущу. Иностранцы и те им бредят...

Наш петербургский корреспондент «Русского слова» Руманов знал Распутина, так сказать, по долгу службы и не выпускал его из своего газетного поля зрения.

Поэтому мне не стоило никаких хлопот добиться «аудиенции».

Вместе с Румановым мы поехали на Обводный канал, где жил тогда этот «властитель дум».

На наш звонок вышла скромненькая девица белошвейного типа (вероятно, дочь) и попросила нас подождать в первой комнате, где какие-то женщины с наружностью богомолок тихонько и степенно шушукались между собой, как тараканы за печкой.

— Доложите, пожалуйста, о нас Григорию Ефимовичу.

Нас проводили в отдельную комнату, где пришлось подождать минут двадцать. Я уже потерял терпение, как неожиданно вошел «сам» и протянул руку. Наружность Распутина была описана тысячу раз, и потому едва ли стоит на ней подробно останавливаться.

Белая рубаха «навыпуск», синие штаны, валенки... Волосы расчесаны по-крестьянски, с пробором посередине, и сильно смазаны маслом. Ростом большой, лохматая, черная борода, на животе поясок. Общее впечатление — отбившийся от работы, праздный мужик, лодырь, из очень зажиточных и лакомых на господскую еду.

— Позвольте, Григорий Ефимович, с вами познакомиться. Сытин.

— Здорово, брат! Что тебе? Зачем пришел, сказывай. У меня дело есть, некогда мне.

— Дела у меня особенного нет, а если вы имеете минуту времени, так потолкуем...

— Ну ладно, садись, коли так!

Мы сели к столу. Я на диван, а Распутин на стул. При этом он так положил руку на стол и на руку голову, что лицо его было совсем близко ко мне.

— Ну что тебе, сказывай...

— Я, брат, просто пришел повидать тебя. Ведь о тебе большая слава идет. Интересно мне умного, большого мужика видеть.

— Ах, дурак какой ты! Вот дурак! Разве у тебя мало умных мужиков? Ты, поди, по всей России всех умных мужиков знаешь... И умных, и дураков... Так мало тебе — пришел на меня посмотреть. Ну смотри, брат, смотри, что тебе посмотреть надо.

— Говорят, Григорий Ефимович, есть какая-то сила в тебе чарующая: и в делах, и в советах...

— Все вы дураки, и больше ничего... Что вам от меня надо? Ну идут ко мне разные бабы, лукавые чинуши, даже министры...

Распутин помолчал и неожиданно спросил:

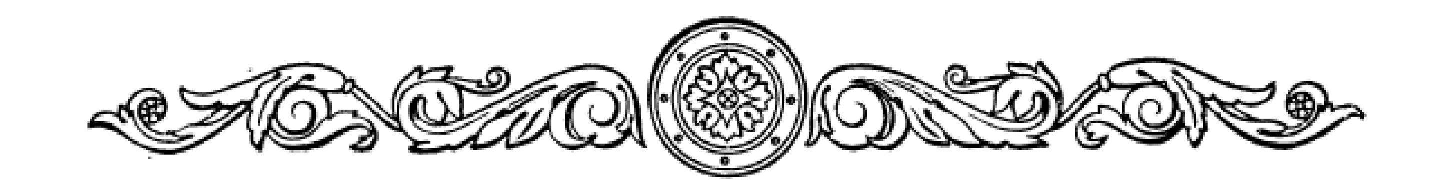
— Ты вот, Иван Дмитриевич, ко мне первый раз... А хошь, я к тебе приеду в Москву?

Это предложение застало меня врасплох: переход был слишком неожидан. Но я все-таки имел твердость сказать:

— Нет, Григорий Ефимович, ко мне не надо. У меня дел нет. А знакомством с тобою я очень доволен. Прощай, будем знакомы.

Не знаю, обидел ли Распутина мой чистосердечный отказ, но кажется, не обидел.

1918—1924 ГОДЫ

В первый день новой, народной власти газета и типография, где печаталось «Русское слово», согласно декрету о печати подлежали передаче в ведение государства. Я подчинился; верил, что найду себе применение в делах нового строительства.

Уже через несколько дней типография пошла, все было в полном порядке. Все сразу восстановилось — тихо, мирно. Все осталось па местах. Бумаги было в запасе 450 тысяч пудов. С Енукидзе, назначенным руководить типографией, я откровенно делился всеми сведениями по хозяйству, он проявлял ко мне дружеское внимание, делу я помогал. Через месяца два запасы бумаги в наших дальних сараях подходили к концу, а бумагу со станции Николаевской железной дороги стали возить во двор типографии на простых ломовиках, катая рулоны по булыжнику, цепляя крюками и ломами, бумага портилась, делали свое дело дождь и грязь. Я пошел к заведующему типографией и попросил его со мной вдвоем съездить в наш отдел по бумаге. Он вызвал автомобиль и пригласил своего помощника. Поехали. Я ему показал нашу огромную складскую

территорию, три огромных амбара и заготовленный рельсовый путь к ним.

— Путь совершенно подготовленный, но не открыт. Не успели. Две недели осталось, чтобы пустить в эксплуатацию.

Я размел рельсы, показал, что здесь два поезда могут входить, разгружать бумагу прямо из вагона в сараи, ежедневно подвозить ее частями прямо в типографию. Пригласили инженера, который через неделю все привел в порядок. Дело пошло без вреда для бумаги, дешево, быстро.

Мое пребывание в газете уже кончилось. Я перешел на Пятницкую и стал ходить на фабрику пешком ежедневно (от Страстного бульвара, теперь площадь Пушкина). Выходил в 7 часов утра и оставался до конца работы.

Переход к верному хозяину — к народу всей фабричной промышленности я считал хорошим делом и поступил бесплатным работником на фабрику. Два года, до конца 1919 года, я усердно посещал фабрику и разные учреждения по ее делам. В декабре моей обязанностью было посещать пять раз в неделю представителя Госиздата: от него надо было получать указания, что печатать, в каком количестве, какого качества. Все вырабатывалось совместно, исполнялось с большой аккуратностью. Учет дела, материала и работы вела тщательно контора. Я — бесплатный инструктор, подотчетный исполнитель заказов; все делалось вовремя, все заказы исполнялись только по указанию Госиздата.

В мае 1919 года уже официально проводится передача всех предприятий и всего имущества Госиздату РСФСР. Я сдал текущий счет и кассу.

Вацлав Вацлавович Воровский, возглавлявший тогда Госиздат, приехал ко мне попрощаться. Сказал, что сожалеет, что не может в дальнейшем работать со мной. Так мы расстались.

Дальнейшая работа моя изменилась. В начале 1920 года я уехал за границу: по поручению ВСНХ надо было наладить бывшую у меня договоренность со Стиннесом о концессии бумажной промышленности. Выехал в Германию. Стиннес, с которым мне пришлось иметь дело, с удовольствием принял предложение о концессии и решил послать со мной в Россию своего представителя г-на Фермана.

Два месяца в Москве продолжались переговоры, но соглашение не состоялось. Ферман уехал, хотя оставил на будущее некоторую надежду, потому что концессия была выгодная.

Однажды пришли ко мне старые рабочие Дербышев, Шендерович и Алмазов.

— Вот, Сытин, идите к нам, ВСНХ предлагает создать с вашим участием «синдикат». Он должен объединить писчебумажное дело, печатное дело, большие типографии. Этот синдикат — Полиграфпром будет исполнительным органом Госиздата и других государственных учреждений в самом крупном масштабе. Хотите с нами работать?

— Вы говорите о моей мечте. Это будет замечательное дело, в три раза больше того, что было у Сытина. Я очень рад этому. Только вот моя маленькая просьба, прошу сделать. Сытин один... На него все пальцами будут показывать, лезет, мол, вперед. Прошу вас, разрешите мне пригласить некоторых наших старых книжников.

— Ну как знаешь. Смотри, чтобы дело не было испорчено.

— Вы же понимаете, что это только украсит дело.

— Давай, веди их.

Пришли на совместное обсуждение, беседуем как будто хорошо, все согласны, как будто дело идет на лад. Условились собраться у заведующего Госиздатом О. Ю. Шмидта.

Следующий день проводим в Госиздате. В кратких словах доклад делает Дербышев. Дело задумано серьезно и обстоятельно: мы должны создать огромное образцовое государственное дело: широко поставить издательскую работу, развивать фабрики, улучшать их продукцию; всю полиграфию объединить, дать все, что нужно главным типографиям, поручить им самые важные государственные издания. Мы дадим Госиздату все, что он пожелает, чтобы широко поставить печатное дело.

Но исполнить это не удалось. Выслушав нас, О. Ю. Шмидт сказал, что объединение полиграфической и бумажной промышленности — это особое дело государства, вопрос нужно ставить не в Госиздате.

— Наше дело — давать заказы, мы заказчики, вы исполнители,— сказал он.— В торговле с Думновым, Сабашниковым и Сытиным мы еще можем иметь некоторое дело, но в ограниченном и скромном виде.

Так на этот раз мы не договорились, очевидно, задуманное не было в соответствии с общей системой государственного хозяйствования.

Правда, позже в форме акционерного общества по изданию книг создалось издательство «Земля и фабрика», в котором пайщиками были и

Полиграфпром (объединение крупных московских типографий) и объединение некоторых бумажных фабрик. Но в этом деле я не нашел применения своему труду. Произошло все это во время моих длительных поездок в Америку.

В США я предпринял поездку по заданию Наркоминдела, с совершенно определенной целью устройства выставки картин русских художников. Выставка была задумана для сближения, как показательная. Но дело это оказалось малоудачным. Картины мы повезли только те, которые были в запасе у художников. А их было немного и случайного подбора. Таким товаром торговать было не легко, да и торговцы приехали малопригодные. Руководитель выставки И. И. Трояновский — любитель искусств, учитель — не сделал всего, что надо было, в смысле рекламы; среди самих художников начались разногласия. Полутора месяцами позже, когда я приехал в Америку и разобрался в положении, было уже ясно, что выставка, как она предполагалась, не удалась. С чувством неудовлетворенности по поводу постигшей нас неудачи я покинул Америку и возвратился в Россию.

Вскоре после этого мне предложили работать руководителем типографии при Таганской тюрьме. Наше Товарищество имело в прежнее время здесь большой корпус с 500 работавшими; здесь у нас производилась брошюровка мелких книг. Мне показали типографию; работали в ней три плохонькие машины, в кассах случайный, захудалый шрифт, две линовальные машины — вот и все оборудование!

Предложение скромное: начать работать, привести все в порядок, оживить, освежить, применить, пополнить и добавить стереотипное отделение. Все затраты вначале исчислены были в 7500 рублей, а снабжение бумагой на необходимые заказные работы до 10 тысяч рублей.

Я не хотел уходить от дела. Хоть маленькая, да типография, и самым внимательным образом повел дело, ожидая результатов.

Через некоторое время мне предложили вторую типографию — типографию Ивановского исправдома. Пошел смотреть. Это уже совсем «разбитая гитара» — не было ни одной машины без музыки, все они гремели. Надо было их все отремонтировать. Шрифт хотя в лучшем порядке, но он страшно стар и в малом количестве, только для очень мелкой работы. Подкупало место для работы. Близость центра и те же условия. Я терпеливо ждал, работал и верил, что дело направится.

Но через год я уже увидел, что наступило время перестраиваться иначе... К счастью, пришли к нам, в объединение московских типографий — в Полиграфпром, новые, деловые люди: один из них — Алмазов, человек настоящий, новой формации, рабочий-партиец, способный, энергичный, деловито решал все вопросы, хорошо ладил с народом. Решительный характер и уверенность — это меня в нем сразу обрадовало.

Пред'явитель сего Сытин Иван Дмитриевич

является получателем персональной пенсии на основании Постановления СНК СССР от 30 мая 1928 г. и 3 августа 1930 г.

Постановлением № 261 от 14.V.1928 г. и 21/XII 1932 г. № 1884

протокол №

от „ " месяца

На какой срок назначена пенсия

Размер пенсии Двести пятьдесят (250) руб.

С какого времени

Адрес пенсионера Ул. Горького, д. 38 кв. 274. т. 4-85-28

Подпись владельца книжки И. Сытин

Пенсионная книжка И. Д. Сытина

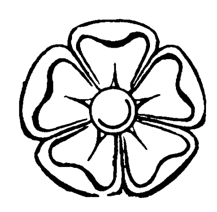
Вновь приехавшего в Москву представителя Стиннеса — Фермана прошу продать бумаги для более быстрого развития дела. Он соглашается сделать это дешево и в короткий срок.

Я прошу ВСНХ дать нам разрешение, лицензию на 10 тысяч пудов бумаги. После больших хлопот получаем лицензию на право купить у Стиннеса бумагу.

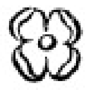
— Еду в Берлин — опоздал: Стиннес к моменту моего приезда умер, и дела, к великому сожалению, изменились. Прихожу в наше советское торгпредство, встречаю там одного своего старого поставщика. Объясняю ему,

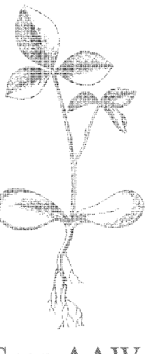
он с большой охотой делает мне все, о чем я его прошу, дает бумагу на очень выгодных условиях: оплата через два месяца после получения бумаги на месте, в Москве. Эта хорошая помощь старых друзей дала возможность избежать больших потерь в деле. Некоторое время порученные мне типографии работали. Но дальше началась реорганизация: маленькие типографии объединяли, усиливали более крупные, и я понял, что мне пора отходить от дел. К тому же времени Советское правительство назначило мне пенсию, можно было идти на отдых.

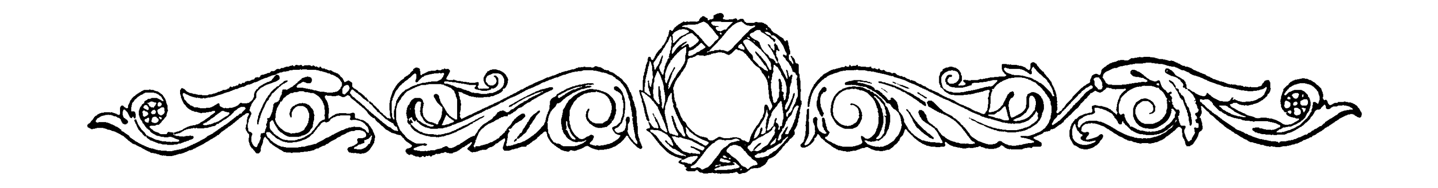
Радовало же меня то, что дело, которому отдал много сил в жизни, получало хорошее развитие — книга при новой власти надежно пошла в народ.

И. Д. Сытин в воспоминаниях и письмах современников

Scan AAW

Письма А. М. Горького

И. Д. СЫТИНУ

Уважаемый Иван Дмитриевич.

Без лишних слов скажу, что для меня знакомство с Вами радостно и ценно, ценно без всякого отношения к «делам», а так, просто, само по себе. Хорошего русского человека, любящего свою родину, знающего ее и желающего служить посильно ее великим нуждам,— такого человека не часто встречаешь, а встретив — радуешься и уважаешь его. Вот мое отношение к Вам, и это отношение, это право любить и уважать человека — для меня дороже всех «дел».

А о делах, все-таки, поговоримте: ездил в разные места, нашел компанию людей, как будто способных взяться за работу по истории русского народа; окончательное суждение об их способностях отложу до поры, когда они представят программу работы и конспекты книг. Это будет в середине здешнего мая.

Получил от Вас С.-Х. энциклопедию и «Реформу» [1] — сердечное спасибо за прекрасный и ценный подарок. Чудеснейшее издание, Вы вправе смотреть на него как на серьезную услугу русскому обществу и я душевно поздравляю Вас с успехом. Славную работу осуществили, да будет так и впредь.

Константин Петрович Пятницкий все еще здесь, мои отношения с ним не улучшаются и надежд на улучшение их не питаю.

А мне приходится крутенько, и работать я должен как вол. Задач — масса, выполнять их принужден я один. Только удалось, кажется, организовать журнал, думаю о другом, необходимом, по нынешним временам.

Этот другой журнал — давняя моя мечта: его основная цель — всестороннее изучение России, а не проповедь каких-либо партийных взглядов. В нем должны быть совершенно новые отделы, например:

Обозрение торгово-промышленной и экономической жизни России.

Обозрение иностранной экономической политики и торговли.

Обозрение провинциальной жизни, поставленное на совершенно новых началах.

Это должен быть журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом.

Очень хотел бы поговорить с Вами подробно по поводу этой затеи, в необходимости осуществления которой убежден. Мы — все знаем, кроме России, которую всячески задергали, но знать ее не хотим. И вот надо заставить людей учиться узнавать Русь.

Лучше других технически осуществить такое дело могли бы Вы, Иван Дмитриевич, и я прошу Вас, до времени личного нашего свидания, об этом деле ни с кем не говорить. Другие могут воспользоваться планом и — испортить его.

Пока до свидания, очень приятного мне и нетерпеливо ожидаемого мною.

Если Вас не затруднит, распорядитесь, чтобы мне возможно скорее выслали все изданные Вами книги по истории и все естественнонаучные, редакции Рубакина, а также книгу Ферворна[2] и Цингию-Тонга, обещанные Вами.

Мария Федоровна приветствует Вас.

Желаю Вам доброго здоровья и кланяюсь семье Вашей. Остаюсь с душевным к Вам уважением.

А. Пешков.

Печатается по оригиналу
(Архив А. М. Горького)

И. Д. СЫТИНУ

Дорогой и уважаемый Иван Дмитриевич.

Сердечно благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне, оно меня очень трогает, очень дорого мне.

Я уже сказал Вам, что буду рад работать с Вами и, мне кажется, что мы можем сделать немало хорошего.

Но относительно формы сотрудничества я, пока, не могу еще дать Вам сведений вполне определенных.

Сначала нам необходимо условиться о том, что нужно делать, затем уж мы подумаем о том, как лучше сделать.

В близком будущем я представлю Вам план ряда изданий, которые сразу могут поставить дело вполне солидно и морально и материально.

Затем я предложу Вам разработанную программу ежемесячника и еженедельника. Все это доставит Вам Иван Павлович[3], отлично знающий все намерения и посвященный в планы, которые я развивал пред Вами.

Я думаю, что к осени мы договоримся о главном.

А до той поры я искренно желаю Вам отдохнуть и освежить силы, дабы с большим успехом использовать их.

У меня к Вам определенное чувство симпатии и уважения, я очень рад, что знаю Вас, хорошего русского человека.

Будьте здоровы, да осуществятся все добрые желания Ваши.

Максим просит передать поклон сыну Вашему[4], я тоже кланяюсь ему и крепко жму руку.

23/VI 1913. *А. Пешков.*

Печатается по оригиналу
(Архив А. М. Горького)

И. Д. СЫТИНУ

Дорогой Иван Дмитриевич!

От всей души поздравляю вас,— от всей души. Проработать полстолетия в таком честном и важном деле, каково издание книг для страны, духовно голодной, для нашей несчастной страны,— это огромная культурная заслуга. Вам есть чем гордиться, есть за что уважать себя, а русский

человек редко имеет случай гордиться собою, и мало у него причин для самоуважения. Вы — исключительный человек по энергии, обнаруженной Вами, и я очень люблю Вас за это. Будьте здоровы!

М. Горький.

Печатается по оригиналу
(Архив А. М. Горького)

А. П. Чехов

ИЗ ПИСЬМА К А. С. СУВОРИНУ

«...На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею. Сытин — умный человек и рассказывает интересно. Когда случится Вам быть в Москве, то побываем у него в складе, и в типографии, и в помещении, где ночуют покупатели...»

Печатается по тексту полного
собрания сочинений А. П. Чехова,
т. 12, М., 1957, стр. 39—40.

Н. Телешов

ДРУГ КНИГИ

Наша страна богата самородками, людьми, вышедшими из глубин народа, нередко не получившими никакого школьного образования, но богатством своей натуры, своим широким умом, своей одаренностью, энергией и действительной любовью к труду совершившими за свою жизнь большое общественное дело.

А. КУПРИНЪ.

И. Д. Сытину

Дорогой Иван Дмитриевич. Вся Ваша жизнь — блестящее доказательство того, какая громадная сила — здоровый русский ум.

Хочется вспомнить о встречах с человеком, имя которого неразрывно связано с историей русской книги. Это крупный русский самородок, крестьянин Костромской губернии Иван Дмитриевич Сытин.

Образование его протекало под страхом розги да подзатыльника или стояния коленами на горохе и завершилось обучением грамоте в сельской школе с ее церковнославянской премудростью и начальной арифметикой.

А с тринадцати лет уже хлеб насущный погнал юного Сытина из дома по чужим людям на заработки.

Знаком я был с Сытиным на протяжении всей моей жизни. Я стал знать о нем, когда был десятилетним мальчиком, в конце семидесятых годов. На Пятницкой улице у него была маленькая типолитография, всего машины в две-три, и помещалась она, насколько помнится, в каком-то полуподвале. Жил я неподалеку и, помню, часто бегал заглядывать в эти низкие окна с улицы, почти на уровне тротуара, как там, внутри, среди каких-то валов и рычагов бегут, словно ручьи, приводные ремни и какая-то сила поднимает и опускает железные щиты, а широкие листы белой бумаги покрываются вдруг печатью и куда-то соскальзывают, а на смену им идут новые и новые листы. И так — без конца. Помню радостное волнение, которое охватывало меня при виде всего этого. Я и думать не мог тогда, что моя жизнь будет тесно связана с тем, что казалось мне в ту пору лишь волнующим зрелищем.

Сытин появился в Москве в 1866 году и в качестве «мальчика» поступил в книжную лавку Шарапова — известного в то время издателя лубочных картин, всяких сонников и песенников, «царей Соломонов» с их предсказаниями судьбы, «Битвы русских с кабардинцами», «Бовы-королевича», «Солдата Яшки» и тому подобных листовок,— поступил пока что отворять двери покупателям. У него же на квартире Сытин чистил сапоги хозяину, носил дрова и воду, бегал на посылках, выносил помои.

Призванный «отворять дверь» в книжную лавку, Сытин впоследствии действительно во всю ширь распахнул двери к книге — так распахнул, что через отворенную им дверь он вскоре засыпал печатными листами города, и деревни, и самые глухие «медвежьи углы» России, куда понесли офени, коробейники — бродячая сытинская армия — копеечные брошюрки «Посредника» с произведениями крупнейших писателей во главе с Л. Н. Толстым, за которым следовали Лесков, Гаршин, Короленко, с рисунками выдающихся художников, как, например, Репин.

— Это была не простая работа, а было как бы служение по мере сил народному делу,— говорил впоследствии об этом сам Сытин.

На почве деловой и общественной Сытин был близок с интереснейшими людьми своего века, с лучшими представителями литературы, искусства и общественности, с носителями крупнейших имен. Гигантское колесо, которое трудами, заботами и инициативой Сытина вертелось в течение полувека, год от года росло и ширилось. По опубликованным данным, в его издательстве за последнее время количество листов-оттисков равнялось 175 миллионам в год и годовое количество литографий — 6 миллионам. Только на одни книги и литографии расходовалось ежегодно бумаги 350 тысяч пудов.

Лавка Шарапова, в которой впервые подошел к книжному делу пытливый мальчик, помещалась у Ильинских ворот, вблизи сломанной теперь часовни Сергия. Здесь началась книжная деятельность Сытина с заработком пять рублей в месяц; здесь она окрепла и разрослась до колоссальных размеров, с годовым оборотом в восемнадцать миллионов рублей. И здесь же, у Ильинских ворот, она закончилась в таком же крошечном помещении, как и полвека тому назад.

Неукротимая энергия этого человека, привыкшего всю свою долгую жизнь работать «даже во сне», как про него говорили, не давала ему покоя. Он взял в 1919 году в аренду маленькую тюремную типографию и начал было печатать в ней какие-то ярлыки и бланки для казенных учреждений. Но вскоре бросил это занятие.

— Не могу вертеть маленькое колесо. Я не гожусь для этого.

Не вспомню сейчас, в каком году, кажется в 1892 или 1893, типографию переводили с Пятницкой на Валовую улицу, через дом от моей квартиры, и я в течение года наблюдал в окно из своего мезонина, как закладывалось и росло это кирпичное здание с широкими окнами, как потом загремело железо по стропилам крыши, как засветились первые огни в окнах, как задымилась труба и загудел первый гудок. А через год с небольшим я уже ходил там по каменным лестницам с корректурными полосами моей первой книги «На тройках»[5], изданной Сытиным в 1895 году.

Кто сам не испытывал, тому никакими словами не расскажешь, какое это наслаждение для молодого автора: держать в руках корректурные гранки своей первой книги. Запах типографской краски, резкий, но бодрящий шум колес где-то за дверями, движение машин, шелест ремней —

вся эта очаровательная жизнь печатного слова кипела вокруг меня, идущего по лестнице в типографскую контору сдать поправленные листы и получить новые для дальнейшей проверки. Немало в течение жизни пришлось бывать в различных типографиях, брать и отдавать обратно корректуры, но, конечно, никогда уже не повторялось то очарование, какое овладело мною впервые, хотя до сих пор запах свежего оттиска, прямо из типографии, вызывает во мне чувство, близкое к удовольствию.

В связи с изданием этой книжки рассказов и в связи еще с тем, что мы были соседи и то и дело встречались, Сытин нередко звал меня к себе. Помню, в одной из больших комнат типографии была устроена однажды пробная выставка работ своих, домашних художников: это юная молодежь, взятая из деревни на выучку, показывала свои первые опыты и успехи. Сытин устроил им классы рисования, которыми руководил в то время крупный художник Н. А. Касаткин, «передвижник», автор многих выдающихся картин. Рисовали с гипса кубики, шары, руки, ноги; кое-кто доходил до голов и до целых фигур. Были пробы копирования картин — в карандаше и красках.

Публику на этой выставке составляли несколько человек из ответственных типографских служащих, сам Сытин, художник Касаткин да я. Работы были нередко удачные, иногда очень интересные. Но интересней всего была сама идея. Ученики более подготовленные переходили потом в литографию, и им поручались ответственные работы. В то далекое время это была только проба, первые шаги, а лет через десять полною мощью работала уже настоящая художественная школа с вечерними классами по общему образованию; курс был пятилетний. Учеников особо выделяющихся переводили потом в Школу живописи, ваяния и зодчества для дальнейшего развития их талантов. Но первые зачатки дарований опознавались именно здесь.

Я застал все только в зародыше, только еще в идее. Сытин справедливо придавал этому большое значение, направляя из народных масс талантливую молодежь на хороший, заманчивый путь.

Во время первой революции, в декабре 1905 года, сытинская типография, расположенная по улицам Пятницкой и Валовой, являлась центральным пунктом революционного Замоскворечья, защищаемая несколькими баррикадами. Царская артиллерия подожгла снарядами типографские зда-

ния, и когда съехались пожарные, им было воспрещено тушить огонь. Внутренность типографии вся выгорела, в огне погибли значительные ценности, но страховые общества, в силу своих уставов, отказались оплатить убытки, как происшедшие от народных волнений. Пришлось перенести и это. Однако через год типография была вновь восстановлена и работала по-прежнему.

Множество приятных и интересных встреч доставлял мне Сытин своими зовами к себе. То позовет на открытие нового отделения с какими-нибудь еще неизвестными в России машинами, то просто в литературную компанию, случайно собравшуюся у него, то с Эртелем, то с Чеховым и т. д. Одна из таких пригласительных записок, относящихся к 1896 году, у меня сохранилась.

«У меня 14 сего сентября 30-летний юбилей моего служения книгоиздательскому делу,— пишет мне накануне даты Иван Дмитриевич.— Тридцать лет назад я пришел в Москву из Костромских лесов и у Ильинских ворот вступил на поприще книжного дела. Не готовясь и не думая, я только вчера вечером вспомнил об этом и, чтобы не очень буднично провести этот день, решил позвать к себе вечерком близко знакомых своих друзей. Прошу вас...» и т. д.

Гостей было не очень много, да и квартира Ивана Дмитриевича была не из обширных; собрались родственники, старшие техники типографии; из присутствовавших литераторов вспоминаю В. А. Гольцева и А. П. Чехова, бывшего весь вечер очаровательно веселым.

Как всегда, Чехов любил говорить о делах. Но о делах он говорил всегда тоже весело и не без шутки. Но и шутки его были в свою очередь деловые. Когда зашла речь о дешевой небольшой газете, которую следовало бы начать издавать в Москве, но чтоб газета была осведомленная не менее, чем суворинская, и интересная,— кто-то полюбопытствовал:

— А что для этого нужно, чтоб газета была, так сказать, «маленькое «Новое время»»?

Чехов, улыбаясь одними глазами, ответил:

— Думаю, что для этого надо быть прежде всего «маленьким Сувориным»...

Близ этого же времени у Сытина было большое торжество, очень многолюдное, по случаю открытия вновь построенного фабричного корпуса и появления в нем, впервые в России, двукрасочной ротационной машины,—

небывалого гиганта, выбрасывающего какое-то сказочное количество листов в час. Это невиданное доселе «чудовище», прибывшее из-за границы, стояло в нижнем этаже, а над ним, в верхнем помещении, в огромном зале будущей литографии, были накрыты столы для торжественного завтрака. По тогдашним обычаям, праздник начался с краткого молебна и соответствующего «слова» местного протопопа, который, помнится, говорил о печатном станке как о великой силе, могущей сеять в народе семена как добрые, так и лукавые; и чем могущественнее станок, тем больше может быть от него или зла, или добра, в зависимости от того духа — райского или адского, который успеет завладеть этой машиной (намек на «направление» издательства).

Заканчивалось «слово» пожеланием победы и торжества доброму гению. Чуть не через полсотни лет, конечно, трудно вспомнить сказанные тогда слова, и я не претендую на точность передачи, но смысл их был таков. И при последнем слове новое «чудовище» было пущено в ход. Впечатление от его мощи было огромное.

Сначала внизу, у машины, а через полчаса и в верхнем этаже, у накрытых столов, собрались самые разнообразные служители печатного слова: литераторы, педагоги, редакторы и издатели журналов и газет, владельцы иных типографий, представители заграничных фирм — машинных и бумажных, именитые адвокаты с Ф. Н. Плевако во главе, профессора университета, художники, техники, служащий персонал и представители рабочих. Здесь же присутствовал и Московский цензурный комитет в лице своего председателя,— если не ошибаюсь Федорова, и большого оригинала цензора Соколова, человека шумного, позволявшего себе не только бранить автора в глаза, но иногда кричать на него и топать, но зато позволявшего и автору не оставаться в долгу и не уступать цензору ни в крике, ни в брани. Случалось, что после такой горячей схватки автору удавалось «отвоевать» у грозного цензора если не всю запрещаемую статью, то хоть кусок статьи, наиболее ему нужный и ценный.

Много приветствий и интересных речей говорилось тогда за этим завтраком. Но вот во время одной затянувшейся речи к главному столу, за которым в центре сидел Сытин, подходит со стаканом в руке сам Плевако — знаменитый адвокат, несравненный оратор, звезда первейшей величины. Все с удовольствием насторожились в ожидании его слова... А длинная речь все еще льется и льется...

Этот главный стол был накрыт в виде громадной буквы «Г», поэтому во внутреннем углу его хотя и стояли два стула, но приборов перед ними не было, так как сидеть на этих двух местах и завтракать невозможно, и стулья, несмотря на общую тесноту, стояли пустые. На эти-то оба стула, близко стиснутые между собою, и присел на минуту Плевако в ожидании конца затянувшейся речи. Эта мелочь не ускользнула, однако, от внимания Гольцева, большого приятеля Плевако, но резко расходившегося с ним во взглядах, особенно за последний период увлечения Плевако церковностью.

Вскоре со стаканом в руке поднялся Плевако со своих стульев и, как всегда, яркими штрихами, полными блеска, охарактеризовал Сытина на фоне его книжной деятельности. Слушая эту красивую речь, Гольцев тихо улыбался, словно радуясь, что приятель его не обнаруживает сегодня склонности выявить свои новые увлечения и ведет себя хорошо и достойно своего крупного имени.

Однако оратор, договорив о Сытине, поставил здесь не точку, а только точку с запятой и, видя перед собой за столом, рядом с Сытиным, председателя цензурного комитета, решил почтить и его перед всем обществом. Во второй части речи Плевако напомнил слова, только что сказанные протопопом, и повторил о возможности для «духа лукавого» использовать силу печатного слова, если б... если б не было на свете — цензуры!

И пошел палить во славу цензурного комитета и его достойного председателя.

Именно здесь, в этой застольной речи, и было произнесено знаменитое сравнение цензуры со старинными щипцами, которые «снимают нагар со свечи, не гася ее огня и света»,— выражение, на многие годы после этого ставшее пословицей в издательских кругах.

Не легко отважиться вступить в бой с таким блестящим противником, как Плевако. Но песнопение во славу цензуре, от когтей которой трещали весь век лучшие журналы, калечились великие произведения, цензуре, зажимавшей всем глотку,— этого стерпеть не мог и не захотел свободолюбивый Гольцев. Он встал еще при последних словах оратора, чтобы не потерять право очереди, и сейчас же заговорил.

Заговорил о цензуре. Заговорил все о том же «лукавом духе», которому в этот день решительно не давали покоя, который не только может, по словам протопопа, прийти, но что он уже пришел, что он «уже среди

нас; но только он завладел не ротационной машиной, а талантливым языком почтенного оратора Федора Никифоровича Плевако».

Все, что позволяла возможность сказать о цензуре в присутствии председателя цензурного комитета, Гольцев сказал — использовал случай облегчить душу перед общественным мнением. За «щипцы, снимающие со светильника нагар», как и следовало ожидать, досталось Плевако всего более.

— Вот-с, уважаемый Федор Никифорович, что значит «сесть между двумя стульями»!

Этим заключительным взмахом и закончил свою отповедь Гольцев. Я не помню, терпел ли когда-нибудь Плевако от своих противников поражения, но смею думать, что такой потасовки ему еще никогда не задавали. А «сидение между двумя стульями» вызвало в собрании общий веселый и громкий смех.

Шли годы. Издательское дело росло не по дням, а по часам. Деятельность Сытина, этого крупнейшего издателя-предпринимателя, стремившегося широко распространить в народе хорошую книгу, дорогую удешевить, а дешевую улучшить, начала вызывать к себе в сферах подозрительное отношение; ему не могли забыть, что именно он «Толстого в народ пустил», и решили попугать как следует, всерьез. За изданную брошюру «Что нужно крестьянину» [6] его привлекли к суду по грозной статье 129-й — за «призыв к ниспровержению существующего строя». И еще раз по той же статье — за издание «Полного словаря иностранных слов», где, между прочим, впервые разъяснялись такие слова, как «диктатура пролетариата», «капитализм», «социал-демократическая партия». В «сферах», конечно, понимали и сами, что издатель, выпускающий в год десятки тысяч названий, физически не может детально знакомиться, как редактор, со всем материалом лично, но создать вокруг дела тревогу и возню было все-таки соблазнительно. Однако Сытин остался верен себе и продолжал издавать то, что считал нужным и своевременным, хотя и привлекался еще не однажды по статьям, не сулящим ничего утешительного.

Выйдя из деревенской глуши, из народных глубин, Сытин хорошо знал по самому себе, что такое потемки, в которых векует народ, и напрягал все усилия и все свое внимание на приобщение деревни и народных масс к печатному слову.

Буквари и удешевленные учебники лучших педагогов того времени и наглядные пособия массами двинулись в начальные, сельские и воскрес-

ные школы; книги для самообразования, для внешкольного просвещения, по ремеслам, по сельскому хозяйству — целыми библиотеками, специально подобранными, стали доступны взрослому населению в самых отдаленных и глухих местечках. Связь со всеми народными читальнями и земскими складами была накрепко установлена во всей стране. Сытинский каталог по этому отделению получил на Всероссийской выставке диплом первой степени «за широкую деятельность по изданию книг для народа». А через год после такого признания это отделение было закрыто в административном порядке без объяснения причин.

Дешевые издания классиков — всего Пушкина за один рубль, всего Гоголя, Жуковского, всего Л. Толстого — по небывало дешевой цене, и многотомные издания, как энциклопедии «Народная», «Детская», «Военная» и др., вызывали признание высоких заслуг издательства, с одной стороны, и гнев и бешенство — с другой, а на учебники для народной школы буквально с пеной у рта накинулся известный черносотенец Пуришкевич, пророчивший, что под влиянием этих книг «вся огромная русская жизнь превратится в одно сплошное зловонное гноище, где закопошатся человекообразные, с ненасытной пастью гады». Пуришкевич громил Сытина с трибуны Государственной думы, называя его деятельность «школьной подготовкой второй русской революции», и громы его были услышаны и поддержаны в Государственном совете.

Так или иначе, но Сытин в книжном деле сыграл огромную роль, и имя его тесно связано с историей приобщения народных масс к печатному слову и к русской литературе.

«На днях я был у Сытина и знакомился с его делом,— пишет А. П. Чехов в 1893 году к Суворину.— Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею. Сытин — умный человек и рассказывает интересно. Когда случится вам быть в Москве, то побываем у него на складе, и в типографии, и в помещении, где ночуют покупатели...»

«Ночуют покупатели» — это очень многозначительно и характерно: ведь это — приезжие из глухих деревень и медвежьих углов за книгой. И их встречают здесь как гостей, дают ночлег, обеды... Где еще это есть?

Лев Николаевич Толстой любил, бывало, заходить в этот сытинский склад, когда под осень наезжали сюда за товарами офени, человек

по полсотни за раз. Они сами отбирали себе кучками книжки и картинки. Тут же и ночевали в особом помещении; многие просились с дороги в баню, и их водили за сытинский счет. Толстой с интересом расспрашивал офеней, где они торгуют и как идут копеечные книжки «Посредника» с его рассказами, и офени отвечали, весело балагуря:

— Повсюду торгуем, по всей матушке России, где кто привык: кто в Курской, кто в Калужской, кто в Смоленской губернии, кто в Тверской,— везде по деревням да по ярмаркам.

— Писал бы ты, Лев Николаевич, книжечки-то свои пострашнее, а то,— говорили ему офени,— все милостивые пишешь да жалостливые. Такие берут только грамотеи: поповы дети, писаря, а в глуши, в деревнях только и выезжаем мы на чертяке. Во какого надобно — зеленого да красного! — указывали они на картинку.— А к ним, чертякам, историйку подсочинить — вот бы и дело!

Не сразу, конечно, но копеечные народные листовки «Посредника» завоевали-таки себе деревню и повытеснили «чертяку».

19 февраля 1917 года было широко отмечено пятидесятилетие трудов И. Д. Сытина. По этому поводу М. Горький напечатал письмо, где говорилось о пожелании Ивану Дмитриевичу «долгой жизни для успешной работы...»

Натура этого незаурядного человека была сложная, и в ней уживались, как это ни странно, две крайности, две противоположности. С одной стороны, он «знал цену копеечке», как про него некоторые говорили, был в деловых отношениях строг, даже суров и прижимист, любил, чтоб дело его было прочно, чтобы оно росло и процветало, но в личной своей жизни Сытин был скромен и нетребователен.

На себе я никогда не испытывал этой его деловой жесткости: возможно, что она и была, но я знаю о ней только по слухам. Зато хорошо знаю его широкий общественный размах, его близкое и благотворное участие во множестве культурных начинаний, знаю его огромную щедрость на дела просвещения и народного благоустройства.

После его пятидесятилетнего юбилея, когда всякие заседания и торжества были уже закончены, Сытин приехал ко мне, и мы долго и хорошо беседовали с ним, вспоминая наше многолетнее доброе знакомство. Он говорил, что счастлив был в эти юбилейные дни видеть своими глазами свое любимое дело окрепшим, признанным и для его личной жизни — завершенным. Осталась впереди только последняя его мечта, это — устроить под

Москвой среди зелени садов городок печатного дела, где, оборудованные по последнему слову техники, были бы прекрасные дома для рабочих, свои школы, больницы, театры, свои подъездные пути, свой телефонный провод... Все — во имя книги! Все для торжества печатного слова! Средства для этого имеются, и мечту эту можно осуществить и без его личного участия.

— А вы?

— А я?

Старческое морщинистое лицо его просветлело. Он взял мою руку, крепко сжал ее в своей и, улыбаясь, стал говорить со мной вдруг на «ты», чего раньше никогда не бывало:

— Ты меня знаешь давно, всю жизнь... Ты знаешь, что я пришел в Москву, что называется, голым... Мне ничего не нужно. Все суета. Я видел плоды своей работы и жизни, и довольно с меня. Пришел голым и уйду голым. Так надо.

Потом он встал, все еще не выпуская мою руку, и тихо сказал мне на ухо:

— Только не рассказывай пока этого никому. Я от всего уйду... Уйду в монастырь.

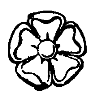
Затем он обнял меня и, не сказав более ни слова, вышел из комнаты.

Как все это было прекрасно, как характерно для такого человека, как Сытин. Всю жизнь отдавший духовным нуждам народа, создавший колоссальное дело, ворочавший миллионами, он под конец жизни решил отказаться от всего, от всех житейских благ и уйти, по его словам, голым, каким пришел когда-то юнцом в Москву на трудовую жизнь.

Умер Сытин в глубокой старости, в конце 1934 года. Деятельность его оценена была правительством, и он в течение ряда лет, по постановлению Совета Народных Комиссаров, пользовался правами персонального пенсионера.

Когда-нибудь, надо надеяться, будет издана основательная, большая книга о русских самородках, изобретателях и самоучках, и там не сможет историк пройти мимо имени Сытина, этого интересного человека, выдающегося самородка.

Печатается по книге Н. Телешов,
Записки писателя, М., «Московский рабочий»,
1958, стр. 187—198.

И. Д. СЫТИНУ

Случайно грамотный мальчик, давно, с голоду по книге, растерзавший в клочки свою библиотеку — «Родное Слово» и рукописный «Сон Пресвятыя Богородицы», я тосковал по книжке острой тоской.

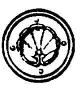
Однажды к нам в землянку, затерянную в балке среди безлюдной степи, каким-то чудом зашел коробейник с книжками, на которых было имя: «И. Д. Сытин».

Считая по пальцам светлые дни своего темного безрадостного детства, я включаю туда и этот день.

В благодарность за это желаю И. Д. Сытину высшей награды: чтобы имя его стало таким же символом света и высокой радости для родившего нас с ним крестьянина, каким было оно для меня в убогую пору моего детства.

К. Тренев.

Печатается по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 602.

Ал. Алтаев

СЕЯТЕЛЬ СЛОВА

...Как-то, когда я вернулась домой, я нашла у себя на столе странную записку, без всяких знаков препинания, от И. Сытина. Он приглашал меня в «Пале-Рояль» [7] на Пушкинской улице договориться об издании моего романа «Разоренные гнезда».

Конечно, я на другой же день была в «Пале-Рояле».

Скверная меблирушка. Невидный черненький человек с некрасивым лицом; только глаза, удивительные, блестящие глаза, лукавые, смекалистые. Почему-то, глядя на него, я вспомнила поэта-прасола Кольцова. Вот так же он должен был лукаво смотреть на Белинского, когда тот спрашивал его:

— А если бы мы со Станкевичем торговали у вас бычков, то вы и нас попробовали бы обмануть?

И лукавый ответ со смехом:

— По привычке торговой, пожалуй!

На столе самовар и простая французская булка. Неуютно и темно в дешевом номере. Одет Сытин невзрачно. Кто может подумать, что это — миллионер? Речь такая отличная от петербургской, без подчеркнутого московского «аканья», но типичная купеческая речь. А главное — этот черный блестящий и лукавый глаз.

С места в карьер — о деле: впрочем, сначала предлагает чаю и, когда я отказываюсь, прихлебывает сам и говорит неторопливо, как будто нижет слова:

— Согласен издать ваши книги: «Разоренные гнезда»...— перечисляет другие, в том числе и «Светочи правды», и все названия хорошо помнит.— Условия мои такие-то: гонорар с листа... а ежели считаете более подходящим, то столько-то процентов с продажи...

Говорит просто, веско, неторопливо:

— Сейчас решите или подумаете? Завтра я уезжаю, и ежели будете думать, то пришлите в Москву решение, а я соответственно распоряжусь выслать вам для подписания договоры. А ежели сейчас решите, то договоры у меня с собою, подпишем здесь, в моем же питерском отделении получите, что следует, авансом, при заключении договора.

Я так обрадовалась завязать отношения с этим крупным издателем, что тут же подписала договоры.

. . . .

У Сытина издавалось около десяти моих книг, но пока я жила в Петербурге, я с ним почти не встречалась; встречи мои были мимолетны в Москве и главным образом уже после революции, когда я сблизилась с Иваном Дмитриевичем.

Со всех сторон мне советовали сделать Сытина базой для моих книг, но у меня был Тихомиров и «Жизнь и знание», с которыми порвать мне не хотелось.

Наезжая в Москву, я непременно бывала в издательстве Сытина и каждый раз приходила в восторг от необычайной грандиозности этой издательской машины. Нравился мне и Василий Иванович, сын и правая рука Сытина, с его одухотворенным лицом, тихою, проникновенною речью, с нежным отношением к природе.

— Иван Дмитриевич — гений,— рассказывали мне.— Ведь неграмотный почти, а что разделывает! У него чутье вернее, чем гири в аптеке. Принесут ему книжицу, том — на вес, страшно даже... И содержание мудреное,

по зубам высококультурному, а он возьмет на руку, тщательно полистает, подумает минутку, прищурится этак и изречет решительно: «Эту книгу печатать скорее, в стольких-то тысячах экземпляров».— «Как, Иван Дмитриевич,— скажешь,— да ведь книга более сорока листов, а вы этакую цифру закатили... Не ошиблись ли?» Он только усмехнется и в ответ: «Нет, не ошибся, милый человек, книга пойдет, ходкая книга». И что же бы вы думали — никогда не ошибется!

. . . .

Он мечтал. Он широко мечтал. Он мечтал завоевывать новые и новые рынки. Ему нужно было насытить дешевой книгой всю страну.

Он говорил мне, усмехаясь:

— Меня считали жадным. Ишь, Сытин всюду протягивает руки. Да, я всюду протягивал руки... Мне нужно было создать дешевую книгу. До чего у нас доходит цена на учебники! Вот я — какой грамотей, а это хорошо понимаю и хочу сделать так, чтобы образование было всем доступно. Книга так дорога, что создала своею ценою огромный налог на учение. В средней школе, где платят 50 рублей в год, учебники обходятся рублей 15—20. Разве это можно терпеть? Издание книги стоит 15—20 копеек, а продают ее 1 рубль — 1 рубль 25 копеек. Кого это ударяет по карману? Полуголодного темного крестьянина да «кухаркина сына».

Я купил «Ниву» после смерти Маркса,— продолжал он свои рассуждения,— и всех этим удивил. А знал ли кто, зачем? Мне было нужно это издательство, чтобы сделать одну вещь...— Он прищурился, будто что-то разглядывал в окне, в которое било буйное весеннее солнце.— Россия должна была стать народной нивой; через «Ниву» я хотел начать обновление школ, создать конкурсы специальных программ и образцовые хрестоматии, поставленное правильно начальное чтение...

. . . .

Внушительная и странная фигура — Иван Дмитриевич Сытин, полная самых неожиданных крайностей, и только Россия могла ее создать. Один из самых крупных капиталистов, не только необразованный, но и совершенно безграмотно пишущий, он поднимался до самых высот понимания значения культуры, тонко разбирался в значимости «мудреных» книг, мечтал о всеобщем образовании, развивал гигантские планы, одним взмахом приобретал такие предприятия, как «Нива», издания которой были неотъемлемой принадлежностью каждой семьи, залетая в самые отдаленные уголки

страны; знаменитую художественную цинкографию Вильборга с ее изумительными машинами. И параллельно — старинные офени развозят по ярмаркам грубые лубки, и параллельно — безграмотные картинки, и параллельно — книжки-куклы, книжки-кошки и собачки с виршами для детей, с подсахаренными картинками и подсахаренными пошлыми рассказиками... На все вкусы товар.

Россия, необъятная Россия, только ты могла породить такую фигуру... и только в России он мог жить.

В то время как Девриен после революции, подобно многим капиталистам, «смотал свои удочки» и уехал делать дело в другую страну, Сытин остался в любимой Москве.

. . . .

Жизнь шагала широко. А Сытин старел, слабел, начинал сильно прихварывать, и память у него сдавала...

Правительство сделало его персональным пенсионером, и всюду о нем говорили с уважением.

Печатается по книге
Ал. Алтаев, Памятные встречи,
М.—Л., изд-во «Искусство», 1946,
стр. 287—296.

И. Д. СЫТИНУ

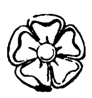
Дорогой Иван Дмитриевич!

С искренним прискорбием сегодня прочел телеграмму о разгроме твоей печатной фабрики. Давно ли мы ее открывали и радовались. Делается что-то совершенно невероятное... Куда денутся те тысячи рабочих людей, которые находили у тебя кусок хлеба? Откуда эта слепая злоба, неистовство и жестокая несправедливость?

Крепко жму твою руку и от души желаю, чтобы ты встретил и перенес постигшее тебя несчастие с душевной твердостью.

13 декабря 1905 г. Твой *Д. Мамин-Сибиряк.*

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

И. Д. СЫТИНУ

Дорогой Иван Дмитриевич, в день пятидесятилетия Вашей созидательной работы и в двадцатипятилетие моего сотрудничества, посылаю Вам эти строки из той свободной страны [8], где неграмотные крестьяне и крестьянки — величайшая редкость, где нет ни одной деревушки без школы и без библиотеки, где сельские школы — настоящие дворцы и где народному просвещению и самоопределению не только не воздвигается никаких преград, но никто и не смеет, и не думает их воздвигать. Дойдет же когда-нибудь до такого же относительно блестящего состояния и наша дорогая, многострадальная родина!

И величайшее счастье — весь свой век работать над его созиданием. Вы, дорогой Иван Дмитриевич, по-своему, по-особому над этим же поработали, и к тому же по правилу: делай, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать. Вы создали из ничего настолько грандиозное дело, какое чуть ли еще не вчера казалось совершенно невероятным на Руси по своей постановке, по своим корням, да и по размаху. И Вы создали его при самых тяжелых условиях, посреди явных и тайных преград и препятствий и среди всевозможной травли, до поджогов 1905 года включительно. Но что из них вышло? Да ничто. И те, кто воздвиганием преград специально занимается, что они и кто они? А сытинское дело стоит да стоит, растет да крепнет. Счастлив бесконечно тот, кто, выйдя из наиболее обездоленной среды, для нее-то больше всего и плодотворно поработал на своем веку, и русское крестьянство не может не сказать о русском крестьянине, костромском самоучке И. Д. Сытине: «Это он, крестьянин, больше других и лучше других снабдил нас не только хорошими, но и подходящими книгами». И пусть-ка кто-нибудь теперь попробует выскребет из всех этажей народной толщи то хорошее, что внесли туда сытинские издания.

Н. Рубакин.

Печатается по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 97.

В. Чертков

И. Д. СЫТИН И «ПОСРЕДНИК»

С Иваном Дмитриевичем Сытиным меня связывает давнишняя личная дружба, возникшая и утвердившаяся на почве совместной работы в области народной литературы.

Наряду с поглощающей нас лихорадочной внешней деятельностью, не имеющей ничего общего с нашим высшим сознанием,— у каждого, я думаю, существует такая область, в которой ему удается внешне проявлять хотя бы частичку того, что есть в нем самого святого. Все связанное именно с этой деятельностью нам доставляет, разумеется, совсем особенное удовлетворение. И когда мы впоследствии вспоминаем о ней, то она всегда представляется нам в виде светлого оазиса среди пройденного, слишком духовно бессодержательного жизненного пути. По крайней мере таким радостным воспоминанием является теперь для меня, а также, как мне известно, и для Ивана Дмитриевича наша совместная издательская работа с самого времени возникновения книгоиздательства «Посредник» в 1885 году.

Душой этого дела был, как известно, Лев Николаевич Толстой, который лично принимал в нем самое деятельное участие, вместе с тем привлекая к этой работе и лучшие литературные и художественные силы.

Но, как бы талантлив и даже гениален ни был писатель, работа его может оказаться мало известной миллионам его современников, если на помощь к нему не придут печатный станок и необходимая организация для распространения его писаний.

В России таким распространителем писаний Толстого — и притом распространителем замечательно умелым — был И. Д. Сытин.

Наши книжки и картинки, предоставленные ему для распространения через обширную сеть его книгонош и офеней, сразу стали расходиться среди народа в миллионах экземпляров. И в настоящее время является общепризнанным фактом то, что этим предприятием положено начало новой эры развития русской общедоступной просветительной литературы. При этом Иван Дмитриевич не только прилагал к делу свойственные ему исключительные деловые способности, смелую предприимчивость и широкий размах, но и относился к этому новому предприятию с особенной любовью и сознанием ее высокой задачи.

Не имею возможности входить здесь в подробное изложение целей, преследуемых «Посредником», и в описание того, как дело это началось и развивалось. Результаты налицо. Здесь же скажу только, что мне особенно приятно, что мое общение с Иваном Дмитриевичем было все сплошь связано с этой одной из самых для меня радостных сторон моей деятельности. Вследствие этого я с особенным удовольствием вспоминаю как свое первое знакомство с ним, так и все наши дальнейшие отношения в течение истекших с того времени более тридцати лет — отношения, всегда руководимые исключительно одними только интересами нашего общего дела и ни разу не затемненные никакими ни разрывами, ни личными столкновениями.

Такое же отношение я испытывал со стороны Ивана Дмитриевича и в связи с другими совместно нами осуществленными изданиями: «Посмертными художественными произведениями», удешевленным «Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого», обеспечившими возможность выкупить у семьи Толстых в пользу местных крестьян часть Яснополянского имения.

Печатается по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 138—140.

М. Семенов

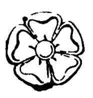
И. Д. СЫТИН И НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Существовало в Москве общество с очень длинным и ничего не говорящим ни уму ни сердцу названием — Общество взаимной помощи при Московском учительском институте. Члены этого Общества рассеяны буквально по всей России, «от Белых вод до Черных». Это все — учащие в высших начальных училищах, которые восприняли свое начало в те приснопамятные времена, когда во главе министерства народного просвещения стоял граф Д. А. Толстой, и первые сорок лет своего существования именовались городскими, по положению 1872 года, училищами. Созданные в пору жестокого безвременья, новые училища оказались, однако, вполне жизнеспособными и в первые же годы своего возникновения приобрели

прочные симпатии самых широких слоев населения — явление далеко не заурядное в истории русской школы. Этим успехом они были обязаны своему прекрасному преподавательскому персоналу, который почти всецело выходил из среды простого народа, получал солидную педагогическую подготовку в учительских семинариях и институтах и с горячим энтузиазмом отдавал свои силы великому делу просвещения родной земли. Естественно, что эти новые культурные работники, разбросанные по далеким от просветительных центров захолустьям, одинокие, часто беспомощные в борьбе с окружающим злом, всегда чувствовали необходимость объединиться. Так зародилось названное Общество. Но оказалось, что мало учредить Общество: надо вдохнуть в него жизнь, наметить определенные цели его существования, чтобы всем было ясно, возле чего и ради чего стоит объединяться. Первые годы Общество влачило жалкое существование: количество членов не превышало нескольких десятков; вся деятельность его сводилась к выдаче мизерных ссуд и еще более мизерных пособий. Конечно, такая «деятельность» никого не привлекала, и количество членов Общества, и без того ничтожное, пошло на убыль. Общество явно умирало... От времени до времени делались попытки оживить его, но все они оказывались бесплодными. Но вот во главе правления стал известный общественный деятель и педагог Н. В. Тулупов. Он сумел воссоздать разрушавшееся учреждение, вдохнуть в него жизнь, заразить своим энтузиазмом, верою в светлое будущее русского учителя сначала ближайших своих сотрудников по Обществу, а затем и всех его членов. Именно ему принадлежит идея создать первый в России Учительский дом. На первых порах, однако, эта мысль была встречена полным недоверием: над ней смеялись, называли чистейшей утопией и относили к числу тех благих намерений, которыми, как известно, вымощен ад. Да и как было поверить в возможность осуществления подобной мысли! Легко сказать: «создать Дом»; но как это сделать Обществу, все капиталы которого не превышают нескольких сот рублей? Несмотря на всю несбыточность, мысль о Доме все же не была оставлена. Члены правления образовали комиссию, которая задалась целью составить ряд учебных пособий, с тем чтобы доход от их издания шел в фонд на постройку Дома. Первая работа комиссии — хрестоматия «Из родной литературы» [9] — вышла в свет в 1904 году и вскоре получила широкое распространение в школе. Хрестоматия была издана И. Д. Сытиным на исключительно выгодных для Общества условиях, так как идея создания Учительского дома с самого момента

своего возникновения встретила с его стороны самое горячее сочувствие. Комиссия усердно продолжала так удачно начатую работу... Прошло 5—6 лет, и в распоряжении Общества оказался уже фонд на постройку Дома в несколько тысяч рублей. Но что значили эти тысячи в сравнении с теми десятками тысяч, которые были нужны для осуществления заветной мечты! В сердца даже наиболее веривших в успех дела закрадывалось невольное сомнение, опускались руки; только инициатор всего предприятия Н. В. Тулупов шел твердо, неуклонно по намеченному пути и энергично работал, работал неустанно, не жалея сил, для воплощения своей прекрасной идеи... Результаты не заставили себя ждать; пришла неожиданная помощь. В фонд на постройку Учительского дома поступило щедрое пожертвование в количестве 15 тысяч рублей от И. Д. Сытина. Недурно было пожертвование, еще лучше были слова, которыми оно сопровождалось: «Своим благосостоянием я обязан народному учителю,— сказал Иван Дмитриевич.— Я неоплатный его должник». Дело, однако, этим не ограничилось: вскоре Иван Дмитриевич дал средства для напечатания «Чеховского юбилейного сборника», весь доход от продажи которого также поступил в фонд для постройки Дома учителя. Мечта близилась к своему осуществлению. С легкой руки Ивана Дмитриевича со всех сторон начали стекаться пожертвования. Популярность идеи Учительского дома быстро росла... Теперь Общество смело приступило к делу. 16 мая 1910 года происходила торжественная закладка первого в России Учительского дома, а через полтора года он был уже готов. В Доме теперь имелся обширный зал для спектаклей, лекций, детских праздников; большая библиотека, содержавшая более 12 тысяч названий; детская библиотека с 10 тысячами книг; педагогический музей, который, несмотря на очень недолгие годы своего существования, уже издал несколько ценных исследований по вопросам детской психологии, и проч. Ежегодно в Учительском доме устраивались курсы для учащихся начальных училищ. Росла деятельность Общества, росло и количество его членов: было где объединиться, к чему приложить свои силы. Имя Ивана Дмитриевича Сытина всегда, всегда было дорого Обществу. Не забудет его народный учитель.

Печатается по книге «Полвека для книги»,
изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 53—56.

Ф. Батюшков

О ТОМ, КАК И. Д. СЫТИН ИЗДАЛ ИЛЛЮСТРАЦИЮ К «СНУ МАКАРА» В. Г. КОРОЛЕНКО

(Из истории цензурных мытарств)

Это было в 1899 году. Иван Дмитриевич Сытин, не помню точно по какому случаю, заехал ко мне и увидел набросок задуманной картины в стиле старинных лубков, но художественно выполненный в деталях,— иллюстрацию к «Сну Макара» Короленко работы художниц Е. М. Бем и В. П. Шнейдер. Ивана Дмитриевича очень заинтересовал эскиз, и я пояснил ему его происхождение: В. Г. Короленко получил через знакомых из Сибири фотографическую карточку того самого объякутившегося крестьянина «чалганца», по имени Захар, который послужил ему, по выражению художников, «натурой» для написания задуманного им очерка. Желая приноровиться к представлениям о загробной жизни полудикого обитателя Якутской области, Короленко задавал этому Захару ряд вопросов на данную тему, и затем, в творческой переработке художника, ответы Захара послужили базой «святочного рассказа» о сне Макара, имеющего этнографическую ценность, а в целом составляющего одно из лучших произведений талантливого беллетриста. Кроме фотографии имелось два рисунка самого Короленко: вид сибирской деревни, «затерявшейся в далекой якутской тайге», и набросок якутской могилки. К этим трем рисункам, иллюстрирующим «земную» жизнь Макара, художницы присоединили, в своеобразной разбивке наподобие изображений Страшного суда со змием в середине, различные эпизоды из хождения Макара по мытарствам и его появление на первый посмертный суд перед лицом Тойона [10]. Орнамент весь выдержан в якутском стиле, а отдельные медальоны написаны в реальных тонах. Это сочетание реального и фантастического, жизненной правды и стилизации, в соответствии с тем, как сам «чалганец» представлял себе ирреальный мир по ту сторону гроба, сообщало картине особую пикантность, и все в ней заволакивалось белесоватой снежной мглой, из которой выделялись лишь яркие лучи восходящего солнца в том мире, где и «для тебя, бедный Макар, найдется правда». Эту цитату, которой заканчивается в рассказе речь старого Тойона, предлагалось поместить длинными буквами в форме лучей вверху картины. И. Д. Сытин сразу загорелся желанием издать картину на большом листе, поместив

вокруг нее, на полях, текст рассказа. «Картину станут покупать, и это даст широкое распространение рассказу,— говорил он.— Короленко — популярный писатель, но надо, чтобы он повсюду был известен. Будут в деревнях рассматривать картину, а кто-нибудь найдется и почитает текст. Да эту вещь станут приобретать и в интеллигентских кружках — это так оригинально, красиво, интересно». Словом, И. Д. Сытин взял с меня обещание выхлопотать ему у художниц разрешение напечатать картину, причем заверял, что для соблюдения полутонов, в которых и он находил главную прелесть раскраски, он не постоит за расходами, «хотя бы и на семнадцати камнях пришлось печатать». Предлагал и гонорар вперед... В последнем вопросе художницы были очень скромны, но разрешение дали, прося только показать сперва рисунок в корректуре. Иван Дмитриевич успокоился, когда все было слажено и он получил форменное обещание, что картина будет закончена и доставлена ему в Москву.

Месяца через два, когда получен был первый отпечаток, начались цензурные мытарства. Иван Дмитриевич мне телеграфировал, что московская цензура наотрез отказалась пропустить картину, передала ее на рассмотрение духовной цензуры, и просил меня похлопотать в Петрограде о пропуске, переслав мне оригинал.

В Петрограде духовная цензура также запретила печатание. Я ездил в лавру и выслушал ряд наставлений о том, как надлежит изображать крылья у ангелов, особо для каждого ангельского чина, что, дескать, не было соблюдено художницами. Из-за крыльев главным образом и настаивали на запрещении. Между тем картиной заинтересовались многие. Бывший секретарь Общества поощрения художеств художественный критик Н. П. Собко, увлеченный интересным замыслом, повез показать картину митрополиту Антонию, который дал свое разрешение, но это не помогло: разрешить печатание оказалось не в его власти.

От митрополита картина была отвезена к всесильному в ту пору К. П. Победоносцеву, тоже весьма одобрительно отозвавшемуся о самой картине и весьма нелюбезно о цензуре, которая «никогда не знает, что надо, чего не надо; по комарам бьет, а крупного не замечает»... Однако и он отказался дать ей пропуск, заявив, что цензурного постановления отменить нельзя.

Дело казалось проигранным. И. Д. Сытин все-таки не унывал и настаивал — не сдаваться. Он телеграфировал мне и писал, чтобы я добился пере-

смотра в главном управлении по делам печати. Совет оказался правильным, хотя на первых порах возникло новое и совсем неожиданное возражение. Я подал заявление в главное управление, что на мой взгляд картина совершенно ошибочно была направлена в духовную цензуру, так как предание об «исходе души», о мытарствах и о первом частном суде над душою после смерти — не есть каноническое. Это — народное поверие, издревле терпимое церковью, как наводящее на «благочестивые размышления», причем в изображениях исхода души допускалась вольная трактовка сюжета. Поэтому я и просил передать картину на рассмотрение светской цензуры. Так и было сделано, но цензор, представивший доклад комитету, почему-то вдруг заподозрил, что в одном из ангелов, греющихся у «камелька», представлено «замаскированное изображение Иисуса Христа». Догадка не в меру проницательного цензора была лишена всякого основания, однако картина была вновь запрещена.

В ту пору начальником главного управления по делам печати был Н. В. Шаховской, которому я рассказал, что «божий человек» отнюдь не есть Иисус Христос, ибо и по контексту явствует, что «молодые люди в длинных белых рубахах», у которых «на спине болтались большие белые крылья», по представлению Макара, могли быть только ангелами. Н. В. Шаховской, как ученик проф. Н. И. Стороженко, начитанный в апокрифах [11], сразу понял суть дела: затруднительное постановление было отменено, и только для того, чтобы соблюсти «приличие», Шаховской попросил меня вычеркнуть две-три фразы из текста рассказа, который и без того пришлось сократить, так как он целиком не умещался на полях картины. Почему-то потребовалось также смыть подпись в лучах солнца и перенести ее на верхнее поле. Эту уступку художницы согласились сделать. Таким образом, после трех месяцев мытарств — более длительных, чем те, которым, по преданию, подвергается душа после расставания с телом, ибо на седьмой день она уже является на суд,— картина, наконец, получила все нужные пропуски, чтобы появиться в свет.

Не знаю, насколько Иван Дмитриевич угадал быстроту ее распространения «вширь и вглубь»; не знаю, в какие новые слои общества она проникла; в смысле выполнения отпечатки все-таки очень уступали оригиналу, так как не вполне удалось сохранить те полутоны, которые с самого начала так понравились И. Д. Сытину. Но издание во всяком случае разошлось. А во всей этой истории я особенно оценил одно свойство характера Ивана

Дмитриевича: настойчивость и упорство в достижении цели. Случайный посредник в данном предприятии, я несколько раз готов был считать дело окончательно проигранным. Уж если митрополит и обер-прокурор синода, «сам» К. П. Победоносцев, заявляли, выражая свое сожаление, что все-таки ничего не поделаешь, то, казалось, где же в ту пору было искать выхода? Но Сытин упорно твердил: «Не сдавайтесь! Добьемся!» И добились. И. Д. Сытин вполне подтвердил правильность французской поговорки: vouloir c'est pouvoir (хотеть — значить мочь.— *Ред.*). Этой поговорки нет на русском языке, но она глубоко залегла в русском характере.

Печатается по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 109—112.

П. Бирюков

И. Д. СЫТИН И ДЕЛО «ПОСРЕДНИКА»

Моя скромная литературная деятельность вращалась вокруг личности, жизни и имени моего великого друга Л. Н. Толстого. Вот в этой-то деятельности мне и пришлось столкнуться с крупной фигурой издателя и человека — с Иваном Дмитриевичем Сытиным.

В первой половине 80-х годов Лев Николаевич Толстой со своим другом Владимиром Григорьевичем Чертковым задумали издание хороших дешевых книг, которые могли бы доставить здоровую духовную пищу русскому народу взамен плохой, доставлявшейся ему так называемой лубочной литературой. В самом начале этого предприятия я был приглашен участвовать в нем. Конечно, центром этого дела и главной литературной силой был сам Л. Н. Толстой. Но одной из главных задач, одним из условий успеха этого дела был выбор исполнителя наших планов, как со стороны материально-технической, так и со стороны той духовной энергии, которая нужна была, чтобы предпринять борьбу за реформу народной литературы.

Лев Николаевич, всегда интересовавшийся народной жизнью, уже задолго до этого посещал Никольский рынок и присматривался к различным типам и деятелям этого рынка, заходил в книжные лавки, беседовал с торговцами, рассматривал книжки и картины и расспрашивал о различных условиях этой торговли. Своим верным чутьем он угадал истинный источник свободного образования русского народа и решил влить в этот источник светлую струю живой воды. Выбор его пал на Ивана Дмитриевича Сытина. Вскоре и я познакомился с ним. Это было, если я не ошибаюсь, в ноябре 1884 года, почти в то же время, когда состоялось и мое личное знакомство со Львом Николаевичем Толстым.

Я помню еще скромную лавку у Ильинских ворот, на Старой площади, где сам Иван Дмитриевич стоял за прилавком и вел все дело, отдавая приказания ловким приказчикам, тут же в лавке ворочавшим огромные коробатюки с книжным товаром. Когда мы приходили по делу, требовавшему беседы, он оставлял свою лавку и вел нас в соседний трактир попить чайку, и за этим чайком прошло много задушевных бесед, в которых разные практические соображения перемешивались с самыми глубокими принципиальными вопросами. Часто во время этих бесед являлись клиенты Ивана Дмитриевича, мужички-коробейники, и присоединялись к чаепитию.

Толстой не ошибся в своем выборе. Необычайная энергия и чуткая внимательность Ивана Дмитриевича к нуждам «Посредника» (так называлась наша издательская компания), его искреннее уважение и любовь к инициатору этого дела обеспечили ему успех.

Связь «Посредника» с И. Д. Сытиным сделалась столь естественной, что два дела питали друг друга. Те повышенные как литературные, так и художественно-технические требования, которые мы предъявляли к исполнению наших заказов, заставляли Ивана Дмитриевича расширять и совершенствовать свое дело. А успех изданий «Посредника» в зависимости от его содержания как среди народа, так и среди прогрессивной интеллигенции скоро доставил фирме И. Д. Сытина широкую известность. Расширение же и развитие дела, руководимого опытной рукой, доставляло возможность расширять и дело «Посредника». Успех нашего совместного дела превзошел наши ожидания.

Условия лубочной печати и торговли не позволяли вести точной статистики. Но, по более или менее проверенным минимальным данным, мы

в течение первых 4 лет распространили около 12 миллионов брошюр. Так как Л. Н. Толстой и «Посредник» не утверждали литературной собственности на свои издания, то вскоре другие издатели стали перепечатывать наши книжки и самостоятельно распространять их, так что общая цифра распространения их может с большой вероятностью быть доведена за это время до 20 миллионов. И книжки эти действительно прошли в народ. Видя успех нашего дела, многие интеллигентные кружки обратились за содействием к Ивану Дмитриевичу, и дело его постепенно разрослось до нынешних гигантских размеров.

Такова в кратких словах внешняя сторона нашего общего дела. Но что мне было особенно дорого в моих сношениях с Иваном Дмитриевичем. это сознание того, что в нем есть божия искра, влекущая его к участию в добром, просветительном деле, эта искра всегда горела в его душе, и она-то и была источником той энергии, которая нужна была для борьбы с темными силами, как всегда, старавшимися затемнить свет, проникающий в массы народа.

В минуты откровенности И. Д. Сытин признавался нам, что общение с «Посредником» и участие в нем были для него нравственным удовлетворением среди суетливой коммерческой жизни в постоянном общении с корыстными конкурентами, с одной стороны, и представителями духовной и светской администрации — с другой; он отдыхал душой на чистом деле «Посредника».

Мне пришлось работать с Иваном Дмитриевичем в течение трех периодов: первый период — с основания «Посредника» до конца 80-х годов. К этому времени деятельность «Посредника» начала ослабевать вследствие начавшихся цензурных гонений. Кроме того, мы, главные участники дела, разъехались из городов по деревням и предались земледелию. Последовавшие затем голодные годы поглотили все наши свободные силы. Но с осени 1893 года деятельность «Посредника» снова оживляется. Мы с И. И. Горбуновым поселяемся в Москве, возобновляем все народные издания и начинаем новый отдел для интеллигентных читателей. Дело Ивана Дмитриевича уже получило к этому времени значительное развитие, и участие его в «Посреднике» было незаменимо. Этот период продолжался около 4 лет, до начала 1897 года, когда меня и Черткова сослали за участие в духоборческом движении [12].

Третий раз сошелся я с Иваном Дмитриевичем для издания посмертного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, редактировать которое поручено было мне В. Г. Чертковым.

Четыре издания полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, выпущенные Товариществом И. Д. Сытина одновременно, сделали свое дело. Россия узнала Толстого, так как по всему ее необъятному пространству были разбросаны миллионы томов этих изданий. Можно смело сказать, что одна из больших заслуг И. Д. Сытина перед русским народом и обществом — это ознакомление русского многомиллионного читателя с творениями своего гения. И я чувствую глубокую благодарность за это к И. Д. Сытину и горжусь тем, что мне пришлось быть его сотрудником в этом деле.

Печатается по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 113—116.

К. Мазинг

ВОСПОМИНАНИЕ

Это было давно. В Москве существовал Комитет грамотности, основанный просвещенными помещиками при Московском обществе сельского хозяйства и закрытый правительством в годы реакции. Председателем был И. Н. Шатилов; состав активных деятелей был самый разнообразный. Я помню в заседаниях Л. Н. Толстого и московского цензора Рахманинова, многих прогрессивных педагогов и помещиков, еще не забывших крепостного права. Дебатировались различные вопросы и даже делались опыты на фабрике С. В. Ганешина для испытания того, как лучше обучать грамоте: по звуковому методу или по буквослагательному. Были члены, высказывавшие опасение, как бы распространение грамотности не развило подделки паспортов, приводились факты в подтверждение этой возможности. В то же время Комитет заботился о распространении хороших книг среди населения. Несколько знаменитых писателей, назову Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, предоставили Комитету выбрать, что он найдет нужным из их произведений, и распоряжаться по усмотрению Комитета грамотности. В первую

очередь представились затруднения с цензурой. На обложке «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого проектировалась виньетка — часть кремлевской стены с башней. Это было недопустимо: ведь на эту башню, по сообщению цензора и члена Комитета, был перенесен вечевой колокол из Новгорода! [13] Рассказ «Муму» тоже вызвал сомнение, часть его нужно было выкинуть, для чего просили разрешения И. С. Тургенева. Но вот поставлен вопрос о способах распространения изданий в народе и о количестве необходимых экземпляров. Одни думали печатать 3600 экземпляров, другие доходили до 7200; сколько помнится, остановились на 6000 экземпляров, как пределе возможного распространения книги для народа. При обсуждении этого вопроса познакомился я с И. Д. Сытиным. Пришел в заседание молодой человек, очень стесняющийся в малознакомой компании, и стал говорить, что *поле* распространения народных книг в России безгранично. Издатели и книгопродавцы страдают от того, что им приходится распространять плохую книгу, а не книгу хорошего автора. Но *способы* распространения, которых придерживаются авторы и просветительные общества, не обеспечивают широкого распространения книги. Нельзя ждать, чтобы малограмотный народ поехал в город, чтобы купить книгу, ему нужно принести ее так же, как приносят всякий товар. Книга, как хорошая, так и плохая, есть товар, и не следует думать, что к книге народ применит другую мерку, чем к любому товару, что плохую книгу предпочтет хорошей. Кроме внутреннего достоинства книга должна быть дешева, чтобы быть доступной покупателю, и должна быть там, где народ покупает себе другой товар. Книга должна быть на любом рынке, на ярмарке, в лавке не только специально книжной, но и в лавке всякого другого товара и в узле всякого разносчика. Пока это не будет сделано, будут вестись дебаты о 3 тысячах или 6 тысячах экземпляров, а на самом деле Россия требует, чтобы печатались сотни тысяч экземпляров; но, напечатав, не нужно ждать, пока крестьянин придет за книгою, а преподнести ему на удобных условиях. И. Д. Сытин убежден, что в народе нет предубеждения относительно серьезных и хороших книг, напротив, он уже сам разбирается в них. Рекомендация односельчан для распространения книги — самое действительное средство. И скоро придет время, говорилось более 40 лет тому назад, что вся литература сделается доступною народу.

Я вспомнил эту старину, этот зародыш единения книгоиздателя и автора. Связь эта уже расширилась и укрепилась. Пожелаем, чтобы

мысли И. Д. Сытина, высказанные им в его юности, были заветом для его многочисленных сотрудников в широко развивавшемся издательском предприятии.

Печатается по книге «Полвека для книги»,
изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 129—131.

М. Соловьев

И. Д. СЫТИН

Я знал И. Д. Сытина с 1877 года, когда он был еще заведующим книжной торговлей П. Н. Шарапова. В 1876 году в сентябре Сытин открыл в Москве литографию на имя П. Н. Шарапова на Воронухиной горе, близ Дорогомиловского моста, в доме Кравцова, куда я поступил в январе 1877 года в качестве рисовальщика по камню. Вначале производство было небольшое, литография имела помещение в три комнаты с одной литографской машиной. Небольшая квартира Сытина помещалась рядом с литографией, так что мы, мастера, имея тут же стол и квартиру, постоянно встречались с семьей Ивана Дмитриевича и чувствовали себя как бы членами ее благодаря доброму и заботливому отношению к нам супруги Ивана Дмитриевича Евдокии Ивановны. После занятий, по вечерам, иногда Сытин приглашал нас, мастеров, к себе, и за чайком обсуждались наши текущие и будущие дела.

Вставал Сытин рано, разрезал картины, завязывал их в пачки и увозил в город в лавку. Каждую свободную минуту он посещал литографию, обходил мастеров, смотрел, что сделано, указывал, что и как нужно делать. По вечерам, в общей беседе Иван Дмитриевич нередко посвящал нас в торговые дела, сообщал нам, что картины наши идут хорошо, покупателям нравятся, сокрушался, что мало разнообразия, но с одной машиной трудно было что-либо сделать большее.

Но вот объявлена турецкая война [14]. Нужны стали военные картины и книги. С удвоенной энергией принялся Сытин за дело, приглашал художников для составления оригиналов. Усиленный спрос на картины заставил заказать новую литографскую машину.

Приходилось мне видеть Ивана Дмитриевича в лавке среди его покупателей. Покупатели были по большей части офени, не знающие, чем им торговать и что им нужно, многие из них были неграмотные и о достоинстве книги судили по обложке.

Отношения их к Сытину основывались на доверии, и частенько приходилось слышать, как офеня, обращаясь к Ивану Дмитриевичу, говорил: «Мне нужно товара на сто или на двести рублей, ты уж подбери мне книги и картины, пожалуйста, получше, ты ведь лучше знаешь, что мне надо». Он подбирал умело и многим даже отпускал в кредит, и офеня, уезжая в дальние города, разносил славу о Сытине по всей России. Для каждого покупателя находилось у Ивана Дмитриевича время поговорить о торговле, о том, какой товар где лучше идет. А то, бывало, идет с ними в трактир чай пить и угощает их, как хороших и добрых друзей. Офени так любили Сытина, что по приезде в Москву первым долгом спешили выразить благодарность ему лично от себя и от читателей провинциальной России, уплатить долг и сделать новый заказ.

Благодаря такому отношению офени шли без конца и дело книжное и картинное развивалось быстро.

Печатается по книге «Полвека для книги». изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 135—136.

И. Д. СЫТИНУ

Глубокоуважаемый Иван Дмитриевич!

Все культурные дороги устремлены к одной цели — к утверждению духовной красоты. По всем культурным дорогам, как бы ни были разнообразны их средства, идет непрерывная расчистка путей, запущенных

невежеством, засоренных злой волей темных сил, и на всех слышны отзвуки того, что творится на каждой в отдельности, везде чувствуется, как бьется у соседа пульс энергии, таланта, мучительной борьбы и радостных достижений.

И учреждение художественное, как всякое учреждение с просветительными целями, не может остаться безучастным к Вашему чествованию, когда подводятся итоги Вашей большой, трудной деятельности, Вашего полувекового служения печатному слову.

Принося свой привет Вам, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, Товарищество Художественного театра выражает искреннее пожелание здорового, свободного процветания делу, которому Вы отдали горячий, неустанный труд всей Вашей жизни.

19 февраля 1917 г. *Вл. Ив. Немирович-Данченко.*

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

А. Южин

И. Д. СЫТИНУ

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Дмитриевич!

Больше, чем Вы думаете, артисты Малого театра, от имени которых я имею высокую честь Вас приветствовать, обязаны Вам и всей Вашей громадной культурной деятельности в области своего специального дела. Не только одну пользу, не только одни реальные блага знания и просвещения Вы даете народу в течение Вашей глубокоплодотворной 50-летней работы. Вы приблизили широкие массы русского общества к идеалу духовной красоты, которой мы служим, по мере наших сил и возможностей всю нашу жизнь по заветам лучших людей в этом старейшем культурном театре Москвы.

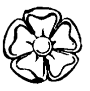
Всегда чутко, начиная с нашего прародителя Щепкина, мы на сцене Малого театра прислушивались к голосу народной отзывчивости, к тому, что происходило.

Незабвенный Островский сблизил широкие народные массы с тем избалованным театральным залом, который довольствовался раньше французскими мелодрамами и переводными водевилями.

Все глубже и глубже величайшие титаны русского искусства уходили в народную глубь и оставляли своим преемникам свои священные заветы. Вы, Иван Дмитриевич, с другой стороны стали действовать. Вы двинули Вашей необъятной, огромной деятельностью эти массы к вершинам света и красоты.

Вот за это долгое сотрудничество Ваше, за эту неоценимую помощь, глубоко чувствуемые каждым артистом, которые Вы оказали в слиянии Ваших задач красоты с потребностями народа, позвольте от имени всех моих товарищей по Малому театру принести Вам низкий поклон и горячий привет.

Печатается по газете «Русское слово»,
20 февраля 1917 г.

А. Кони

И. Д. СЫТИНУ

Пятьдесят лет трудовой деятельности — это, в сущности, целая жизнь. А жизнь прожить — не поле перейти. Да и поля бывают разные: на одно вступается беззаботно и идется по нему безмятежно, но в конце его не на что оглянуться — таким оно представляется однообразным и бесцветным. Путь по другому тяжел и требует не только твердого глаза, но и настойчивой воли. Он богат рытвинами и камнями, на нем легко споткнуться и, упав, безнадежно махнуть рукой на дальнейшее следование. Зато как иногда отрадно, пройдя последний путь, оглянуться назад и почувствовать, что это была не бесцельная прогулка, а тяжелый, но плодотворный труд, благодаря которому узенькая тропинка обратилась в широкую дорогу, по обе стороны которой колышется и зреет цветущая нива. Вы, Иван Дмитриевич, именно так прошли свое поле и можете со справедливой гордостью оглянуться сегодня назад, сознавая многостороннюю пользу, принесенную Вами рас-

пространением до самых глубин народной жизни Ваших изданий, служащих знанию, искусству и собирательному творчеству народного гения. Много усилий, борьбы и предприимчивости нужно было для этого, и можно лишь радоваться, что пятидесятилетие застает Вас бодрым и не складывающим оружие. Позвольте же вместе с душевным поздравлением выразить Вам искреннее пожелание, чтобы еще на много лет сохранилась эта бодрость и продолжалось Ваше служение просветительным целям. Очень сожалею, что продолжительная и упорная болезнь лишает меня возможности Вас лично приветствовать.

Печатается по газете «Русское слово»,
20 февраля 1917 г.

И. Д. СЫТИНУ

Глубокоуважаемый Иван Дмитриевич!

Чествование 50-летнего юбилея Вашей издательской и общественной деятельности является не одним простым актом справедливой ее оценки, но и широким общественным признанием ее огромного значения в деле поднятия культурного уровня великого, но забитого исключительно историческими и политическими условиями русского народа.

Ваши редкие организаторские способности, неутомимость и широкий размах в деле книжного издательства, несмотря на целый ряд досадных в нашей русской жизни преград, парализующих всякую попытку издателя продвинуть книгу в народ, довели до необычайного размера это дело и дали громадный толчок к распространению в народе по доступной цене книги, благодаря чему предприятие это представляет из себя огромный по своим техническим средствам и финансовому обороту культурно-просветительный рассадник.

Миллионами выпущенных всевозможных общедоступных литературных изданий Вы сделали Ваше имя известным всей читающей России.

Считаем справедливым сказать Вам, что мы, рабочие, в значительной степени способствовали Вам, как своим трудом, так и опытом, в Вашем благородном деле на благо родного народа.

Мировой пожар, вскрывший все неустройства нашей внутренней жизни и всколыхнувший этим всю нашу необъятную родину, явится одним из главных побудителей в стремлении к просвещению.

Кончаются сумерки невольной безграмотности народа, настает день сознательного, осмысленного труда. Россия проснулась и на пороге новой жизни всем существом своим тянется к свету. И мы верим, что соединение Вашей организаторской способности с нашим трудом и опытом даст средство к утолению его духовного голода.

От всего сердца желаем Вам, Иван Дмитриевич, чтобы еще многие годы Ваша неутомимая энергия на народной ниве печатного дела крепла и развивалась, глубже и шире разбрасывала семена культурного блага на славу и величие нашей родины.

Рабочие типолитографии с Пятницкой
и Андроньевского отделения
(Подписи)

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

И. Д. СЫТИНУ

Глубокоуважаемый Иван Дмитриевич.

Русское библиографическое общество при Московском университете, присоединяя свой голос к хору приветствий в знаменательный день 50-летия Вашей деятельности на поприще книжного просвещения, считает своим долгом отметить Ваши заслуги и перед нашим Обществом, которое особенно ценит Вас, как одного из старейших и полезнейших своих членов.

В 90-х годах прошлого столетия несколько московских библиографов-энтузиастов образовали скромный кружок в надежде разбудить творческие силы русских книговедов, уже давно ждавших призыва.

Неумолимая жизнь, однако, скоро предъявила свои права: перед членами нового Общества стал во всей остроте вопрос материальный. На помощь пришли верные друзья Общества, и в числе первых были Вы.

Несколько окрепшее и окрыленное надеждами, Общество начало действовать. В наиболее горячих головах родилась смелая мысль об издании большого библиографического ежемесячника под названием «Книговедение».

Нет сомнения, что мысль эта так и заглохла бы в стенах Общества. Но явились Вы, Иван Дмитриевич, и слово претворилось в дело: на станках Вашей Пятницкой книгопечатни были осуществлены замыслы русских библиографов — явился первый номер журнала. И каждый месяц затем библиографический светильник загорался от прикосновения Вашей руки.

Так прошел год, наступил второй. Тяготы по издательству оказались для Общества не под силу, нависла угроза неизбежного краха. И опять Вы пришли на помощь, сняв тяготевший над Обществом крупный долг.

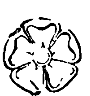
Памятуя Ваше благожелательное отношение, Русское библиографическое общество при Московском университете избрало Вас своим пожизненным членом.

Председатель

Москва, 19 февраля 1917 г.

Заслуж. профессор *Р. Брандт*
Секретарь *Б. Боднарский*

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

И. Д. СЫТИНУ

Многоуважаемый Иван Дмитриевич.

Книгоиздательство «Парус» сердечно поздравляет Вас с полувековой деятельностью в области просвещения русского народа.

В истории русской общественности еще не было примера столь продолжительной и плодотворной работы. Мы хотели бы, чтобы эта прекрасная работа продолжалась бесконечно с такой же энергией и все более

В. Гусев
А. Гарнова
А. Мигунова
А. Щербакова
Е. Никелева
М. Наральков
А. Тимина
М. Ластова
Б. Максимов
В. Степанов
Е. Заборин
Н. Крысев
И. Мокров
П. Агарин
А. Иванов
А. Жорлов
В. Банков
М. Комаров
П. Шанева
Е. Зорин
Е. Соколова
А. Олекшин
Д. Хворостьякова
П. Егорова
О. Маминкина
А. Бирюков
А. Николаев
М. Морозов

И. Маврин
А. Фимин
В. Смотиков
И. Голанычев
Д. Афанасьев
И. Коровкин
И. Козлов
Н. Ларионов
Н. Суровцин
Ф. Фуков
А. Макеева
А. Жлачков
П. Марцина
М. Михайлов
И. Семенов
М. Голодаевская
А. Ломовская
М. Нечаева
М. Макрушина
А. Синицын
Е. Никитина
А. Стариков
Д. Макаров
М. Константинова
О. Новикова
Ф. Смотенина
А. Титов
П. Соколов

И. Крылов
И. Мишайкин
И. Смотанин
Е. Шепелева
Ворсаков
П. Сушкалин
И. Тузников
Смирнова
А. Жуков
А. Константинова
А. Ластова
П. Арямлев
А. Волкова
А. Гаринова
Е. Трещалова
Ж. Фалинова
М. Баудинова
М. Прохорова
М. Никитина
С. Сорокина
П. Иванова
М. Алпатова
Анна Петрушина
Л. Бирилевский
М. Виноградов
О. Егоров

Подписи рабочих типографии

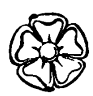
расширяясь. Мы думаем, что для Вас, неутомимого работника, это пожелание — лучшее из всех возможных.

Будьте здоровы, бодры духом и продолжайте Ваш труд с уверенностью, что история оценит его так же, как сегодня оценивают Ваши современники.

Книгоиздательство «Парус» *М. Горький,*
Ив. Ладыжников,
А. Тихонов,
З. Гржебин.

19 февраля 1917 г.

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

И. Д. СЫТИНУ

Глубокоуважаемый Иван Дмитриевич!

Светлый луч в темное царство несет с собой народу книга, и тот, кто всю свою жизнь отдал распространению в России полезной книги, кто понял великую просветительную ее роль еще полвека тому назад, когда царили в жизни Киты Китычи, Подхалюзины, Вышневские [15] и им подобные уродливые типы,— кто не побоялся вложить в книжное дело всю энергию, все материальные средства, всю душу, кто верил в идею просвещения народного и раскрепощения народной мысли путем распространения лучших произведений печатного слова, тот, конечно, заслуживает сердечной благодарности и лестной памяти в потомстве. Позвольте пожелать Вам от Общества имени А. Н. Островского увидеть прекрасную зарю расцвета русской жизни, когда спадут с нее последние оковы, мешающие ее нормальному и свободному развитию, и да продлится в эту светлую грядущую эпоху Ваша столь ценная для народа деятельность на долгие и долгие годы!

Председатель Общества *М. Ипполитов-Иванов.*
Члены Общества *А. Яблочкина, Н. Шамин, А. Стеблев,*
Л. Урусов, А. Борисов, Н. Леонов,
М. Струженский, Н. Телешов и др.

Печатается по оригиналу
(Архив И. Д. Сытина)

ОТВЕТ И. Д. СЫТИНА[16]

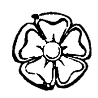
Я никогда в жизни не говорил при такой большой аудитории. Даже в самой маленькой я стесняюсь и боюсь, что едва ли что-нибудь смогу сказать. То, что говорили настоящие ораторы, это не совсем верно. Я всю жизнь прожил, как праздник. Каждый день моей жизни был настоящим торжеством, великолепным духовным праздником. Это потому, что наша интеллигенция, наши писатели, наши художники, с которыми я работал, всегда готовы идти навстречу народу. Надо быть глухим и немым, чтобы не видеть глубокого значения того, что они сделали в этом направлении. Вы слишком много помогали мне, вы много сделали для Товарищества. Не мой сегодня праздник, а ваш.

Наше громадное дело строилось и устраивалось долго, но я считаю, что сейчас оно еще не имеет большого значения, потому что до сих пор готовился только фундамент. Строить надо в будущем. Теперь мы видим, что мы работали недостаточно систематично. Надо разумно разобраться в том материале, который мы должны подготовить для дела.

Вся жизнь моя прошла в очень большой коммерческой сознательной работе. Теперь я считаю своим долгом после 50-летнего опыта работы отойти от коммерческой стороны совсем. В нашей работе много было идейного, но это идейное переплеталось с коммерческими целями.

Вот теперь, к концу дней моих, я наслаждаюсь мыслью, что будет возможность поставить дело по-иному. Я вспоминаю, как однажды издатель А. Ф. Маркс пришел ко мне и сообщил, что получил возможность дать при «Ниве» сочинения Гоголя. Я глубоко завидовал ему.

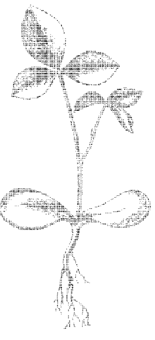
И вот теперь, когда у нас есть достаточные средства, я взываю к обществу: сделаем такое дело, которое должно оплачиваться не деньгами, а любовью. На этом деле, которое строилось в течение 48 лет, мы оснуем настоящий фундамент нашей общественности, чисто идейное издательство, которое будет общественным учреждением, которое действительно дало бы настоящую пищу для народа. Я бы умер счастливым, если бы осуществилось это великое, не сытинское, а общественное дело, которое ждет всех нас.

КОММЕНТАРИИ

*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

КОММЕНТАРИИ

СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

В ЛАВКЕ У П. Н. ШАРАПОВА

[1] *Офеня* — в дореволюционной России бродячий торговец (коробейник), разносивший или развозивший по деревням галантерею, мануфактуру, лубочные издания и пр.

[2] *Хóлуй* — поселок городского типа в Южском районе Ивановской области РСФСР. Ранее слободка Холуй была центром так называемой суздальской кустарной живописи (иконы, лубочные картины). На ярмарке в Холуе производилась широкая продажа икон и картин.

[3] *Мстёра* — поселок в Вязниковском районе Владимирской области РСФСР. В прошлом — центр иконописи.

В советское время в Мстере развито народное искусство вышивки, миниатюры — живописи по лаку на изделиях из папье-маше.

[4] *Алозье* — французская фирма, поставлявшая полиграфические машины.

[5] Русско-турецкая война 1877—1878 годов.

[6] *Всероссийская промышленная выставка* — была открыта в 1882 году в Москве, в Петровском парке.

[7] *Никольский рынок* — рынок, на котором в мелких лавках и палатках производилась продажа книг и лубочных картин. Был расположен вдоль стены Китай-города, у Ильинских ворот.

В составлении комментариев принимал участие Д. И. Сытин.

ЛУБОЧНЫЕ КАРТИНЫ

Лубок, лубочная картинка (название происходит от липового луба, лубяного короба, в котором разносчики-офени носили свои товары) — одна из интереснейших форм народного творчества; была известна уже в XV веке.

Изображение на лубочной картинке, сопровождавшееся небольшим текстом повествовательного характера, носило вначале узкоцерковный характер. Однако уже в конце XVII, а особенно в XVIII веке широкое распространение получила светская тематика: бытовые сцены, описание исторических событий и лиц, произведения народного литературного творчества (сказки, песни, шутки). Простота и доступность, лаконизм художественных средств сделали лубочную картинку чрезвычайно популярной в народе.

В России лубок получил распространение в начале XVII века. Он гравировался на дереве (позднее на металле) народными мастерами-самоучками. Начиная с конца XVIII и особенно к середине XIX века производство лубочных картин переходит в руки городских (преимущественно московских) промышленников и сразу попадает под бдительное око двух цензур — духовной и гражданской. Лицо этих изданий меняется, они утрачивают в основном связь с народной традицией и носят мещанский, консервативный характер.

К середине XIX века только в Москве насчитывалось до 40 издателей лубочных картин, из которых выделялись П. Шарапов, Е. Яковлев и А. Морозов.

И. Д. Сытин начал издавать лубочные картины в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века.

Лубочные картины И. Сытина начала XX века выгодно отличались как по оформлению, так и по содержанию. Он выпускает серию портретов русских писателей-классиков, дает ряд сборных листов, посвященных творчеству А. Пушкина, Н. Некрасова, И. Никитина, А. Кольцова и др. Большое место занимали многочисленные литографические лубки на темы военных и исторических событий, сказок, песен, бытовые и сатирические сюжеты.

Однако наряду с этим им издавалось и значительное количество низкохудожественной продукции, порой реакционной по содержанию: ура-патриотические картинки, посвященные военной тематике, изображения святых, царей и т. д.

[1] И. Сытин, говоря о раскраске лубочных картин, имеет в виду раскраску последней четверти XIX века. Тогда, действительно, имела место раскраска «по носам».

Раскраска лубочных листов XVIII века хотя и не отличалась богатством красок (применялись три краски — красная, зеленая, желтая), но была строго в пределах контура. Раскраска начала и середины XIX века отличалась яркостью тонов и сравнительной тщательностью.

[2] *«Погребение кота»* — эта ранняя политическая сатира носила явно консервативный характер и, по авторитетному мнению Д. Ровинского, являлась творчеством старообрядцев, направленным против Петра I.

Картинка впервые вышла во второй четверти XVIII века и многократно переиздавалась вплоть до введения строгой цензуры в 1825 году. После этого заголовок и текст картинки резко изменились и приобрели вид безобидного зубоскальства.

3 *«Ступени человеческого века»* — лубочная картинка, изображающая человека в разных возрастах — от ребенка до старика. Подражание немецким образцам конца XVIII — начала XIX века.

4 *«Жизнь и пути праведника», «Жизнь и пути грешника», «Пьянство — злейший враг человечества», «Древо добра» и «Древо зла»* — очень распространенные лубки, представлявшие собой попытки морального воздействия на читателя-зрителя путем запугивания его загробными муками или обещаниями «райской» жизни.

5 *«Эй, Микадо, будет худо, перебьем твою посуду»* — ура-патриотический лубок, распространялся во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Стихотворный текст В. А. Гиляровского. Картинка носила название «Боевая песенка донцов» и вышла одновременно у И. Сытина и М. Соловьева.

Микадо — титул японского императора.

6 *«О мужике Епихе»* — точное название «О цыгане, мужике и его кобыле». Первое издание — в 1878 году. Картинка имела большой успех. В 1914 году М. Щеглов «перелицевал» эту картинку. Вместо цыгана — русский солдат, вместо мужика — Вильгельм II.

КНИГА ДЛЯ НАРОДА

Лубочные книги, об издании которых говорит И. Д. Сытин в период своей деятельности на Никольском рынке, относятся к так называемой лубочной литературе.

Зарождение этого вида литературы относится к середине XVIII века. Сначала основное внимание уделялось картинке, текст играл второстепенную, вспомогательную роль. Постепенно, с ростом грамотности, текст начал вытеснять изображение.

Такая книжка отличалась дешевизной. Книжка в 16 страниц (8 заполненных и 8 чистых) стоила от 2 до 4 копеек. Благодаря дешевизне эти книги имели широкое распространение среди дворовых крестьян, мелкого духовенства и ремесленников.

Содержание их первоначально чисто религиозное — иллюстрации к библии, евангелию и т. п. С XVIII века лубочная литература использует уже и сказки, историческую тематику. В лубочную литературу попадали некоторые произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др., часто в искаженном виде; а также произведения народной сатиры («Ерш Ершович», «Суд Шемякин»). Однако демократическая и просветительная струя в лубочной литературе была незначительной, преобладало консервативно-мещанское и религиозно-охранительное направление. Типичным для лубочной литературы было произвольное толкование сюжетов и образов русской и мировой литературы и фольклора, вульгарный язык, сентиментальность, дешевое балагурство, подделка под народность. Художественный уровень лубочных изданий был весьма невысок.

И. Д. Сытин пытался улучшить содержание и форму издаваемых им лубочных книжек для народа, привлекая крупных писателей, художников, издавая классиков. Однако это удалось ему лишь впоследствии, когда, опираясь на прогрессивную русскую интеллигенцию, широко привлекая ее к издательской деятельности, он приступил к изданию многих действительно полезных для народа книг. В издании же лубочной литературы Сытин шел по общему пути, поставляя Никольскому рынку многочисленные авантюрные и псевдоисторические повести («Повесть о приключении английского милорда Георга» М. Комарова, «Гуак, или Непреоборимая верность», «Таинственный монах», «Разбойник Чуркин» и др.), грубые переделки народных сказов и былин, жития святых, песенники, письмовники, оракулы и сонники.

[1] *«Повесть о приключениях английского милорда Борга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы»* — лубочная повесть. Составил ранний лубочный писатель Матвей Комаров (ранее повесть имела хождение в списках. Первое печатное издание — 1782). В последующих изданиях печаталась под названием «Повесть о милорде аглицком Георге».

[2] *«Францыл Венециан»* — лубочная повесть о легендарном рыцаре IV века.

[3] *«Разбойник Чуркин»* — распространенный в лубочных изданиях авантюрный рассказ, переделка бульварного романа Н. Пастухова.

[4] *Л. Н. Толстой,* Сочинения, изд. 11, ч. 4. Педагогические статьи, М., 1903, стр. 157.

[5] Цитируется по книге «Полвека для книги», изд. И. Д. Сытина, М., 1916, стр. 270.

[6] *«Русское богатство»* — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 года до середины 1918 года. С начала 90-х годов — орган либеральных народников. Редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским.

С 1906 года «Русское богатство» фактически становится органом полукадетской партии «энесов» («народных социалистов»). Ленин определял направление «Русского богатства» в этот период как «народнически-кадетское».

КОНЕЦ ОФЕНЕЙ

[1] *Петербургский комитет грамотности* при Вольном экономическом обществе (с 1895 — Петербургское общество грамотности) — учрежден в 1861 году. Либерально-буржуазное просветительное общество, ставившее своей задачей распространение грамотности среди крестьян. Печатало и распространяло учебники, учебные пособия, художественную литературу (в основном классиков). Закрыт в 1896 году царским правительством, так как деятельность комитета была сочтена «опасной для самодержавия».

«ПОСРЕДНИК»

«Посредник» — московское книгоиздательство культурно-просветительного характера, основанное в 1885 году В. Г. Чертковым при участии Л. Н. Толстого. Выпускало дешевые брошюры для народа, в том числе серийные издания («Дере-

венское хозяйство и деревенская жизнь», серии по вопросам экономики и т. д.). Издавались и художественные произведения (Пушкин, Короленко, Лесков и др.), религиозно-нравственные произведения Толстого, некоторые из которых были написаны им специально для «Посредника» («Два старика», «Свечка», «Много ли человеку земли нужно?» и др.). Издательство просуществовало до 1925 года.

КАЛЕНДАРЬ

[1] Эта фраза была сказана не Фамусовым, а его свояченицей старухой Хлестовой. См. А. С. Грибоедов, Сочинения, ГИХЛ, М., 1953, стр. 81 («Горе от ума», действие III, явление 16).

[2] На самом деле частные календари появились в России значительно раньше. Так, известен «Христианский календарь на 1784 год», изданный Н. И. Новиковым.

[3] *Скрижали* — две каменные плиты, на которых, по библейской легенде, были высечены 10 заповедей. Здесь — священные слова, святое дело.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[1] *В. Г. Белинский,* Полное собрание сочинений в 12 томах. Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова, т. 3, СПб, 1901, стр. 312.

[2] *«Вокруг света»* — еженедельный журнал путешествий, науки, литературы и искусства. Географический журнал для юношества. Выходил в 1885—1891 годах, издатель-редактор М. Вернер, с 1891 года издание перешло к И. Д. Сытину. Редактор Е. Н. Киселев, затем Вл. Попов. Журнал возобновлен в советское время.

НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

[1] *Русское техническое общество* — научное общество, основано в 1866 году в Петербурге. Ставило своей целью содействие развитию техники и промышленности в России. Существовало до 1929 года.

[2] «Русская история в картинах». Под редакцией Исторической комиссии, состоящей при учебном отделе Общества распространения технических знаний. Изд. И. Д. Сытина, М., 1915.

[3] «Среди цветов. Наглядное пособие при изучении ботаники». Для школ и самообразования. 50 раскрашенных таблиц. Текст С. А. Порецкого, с предисловием и под редакцией Н. А. Рубакина. Изд. И. Д. Сытина, М., 1899.

[4] «Картины по зоологии. Для наглядного обучения». Рисунки с натуры В. А. Ватагина. Под редакцией Н. Н. Городецкого, П. Ф. Дворникова, С. А. Дмитриева и др. 25 таблиц в красках.

[5] *«Естествознание и география»* — научно-популярный и педагогический журнал. Издавался в Москве в 1901—1916 годах.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

Юбилейные издания, выпущенные И. Д. Сытиным, написаны с позиций буржуазной историографии и дают ошибочное толкование важнейшим историческим событиям и явлениям; вместе с тем в них собран богатый фактический материал и для своего времени они имели определенное положительное значение.

[1] «Великая реформа (19 февраля 1861 — 19 февраля 1911). Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем». Юбилейное издание под редакцией А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Тт. 1—6. Изд. И. Д. Сытина, М., 1911.

[2] *Поливановская школа* — привилегированная частная гимназия Л. И. Поливанова в Москве.

[3] «Отечественная война и русское общество (1812—1912)». Юбилейное издание под редакцией А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Тт. 1—7. Изд. И. Д. Сытина, М., 1911—1912.

«ВОЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

«Военная энциклопедия». Под редакцией засл. проф. Николаевской инженерной академии ген.-лейт. К. И. Величко, полк. В. Ф. Новицкого и др. Тт. 1—18. Изд. И. Д. Сытина, М.— СПб, 1911—1915.

[1] Империалистическая русско-японская война 1904—1905 годов.

[2] *Давид* и *Голиаф* — согласно библейской легенде иудейский юноша Давид победил в единоборстве великана Голиафа.

[3] *«Русский инвалид»* — газета военного министерства (с 1869 — орган генерального штаба), выходила в Петербурге в 1813—1917 годах. Редакторы (в разное время) П. П. Пезаровус, А. Ф. Воейков, П. С. Лебедев, Н. П. Писаревский и др. Газета в целом носила правительственный характер, за исключением периода 1861—1862 годов, когда ее редактировал Н. П. Писаревский.

[4] *«Разведчик»* — справочно-библиографический листок для военных — журнал выходил в Петербурге с 1889 по 1917 год, издатель — В. А. Березовский и др. Консервативный журнал, материалы которого отличались крайне низким уровнем.

[5] *«Военный голос»* — прогрессивная военно-общественная газета, издававшаяся В. К. Шнеуром с 1 января по 5 сентября 1906 года. Закрыта по приказу военного министра. И. Д. Сытин имеет в виду попытку группы офицеров возобновить это издание в 1910 году.

[6] Фактически было выпущено в свет восемнадцать томов, в 1915 году издание было прекращено.

«ШКОЛА И ЗНАНИЕ»

[1] *«Библиотека самообразования»* — серия общеобразовательных книг и брошюр, издавалась под редакцией А. С. Белкина, проф. В. И. Вернадского, Н. Д. Виноградова, А. Э. Вормса, А. А. Кизеветтера и др.

[2] *«Всероссийское филаретовское общество народного образования»* — было создано В. М. Пуришкевичем для активной борьбы с прогрессивным направлением в деле народного просвещения.

[3] Строки из стихотворения А. Н. Майкова «Колыбельная песня». А. Н. Майков, Избранные произведения, «Советский писатель», М., 1957, стр. 292.

«РУССКОЕ СЛОВО»

«Русское слово» — умеренно-либеральная ежедневная газета. Выходила в 1895—1917 годах в Москве.

До 1897 года «Русское слово» было бесцветным консервативным изданием. И. Д. Сытин превратил газету в крупное капиталистическое предприятие. Активное участие в «Русском слове» принимали видные буржуазные литераторы — А. Амфитеатров, В. Дорошевич и др.

В газете была широко поставлена информация по России и зарубежная. Тираж ее с 13 200 экземпляров в конце XIX века вырос до 117 000 экземпляров в 1904 году и 739 000 в 1916 году.

В период революции 1905—1907 годов газета была близка к кадетам. В годы первой мировой войны поддерживала шовинистическую политику царизма. После октября 1917 года была закрыта постановлением Президиума Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

[1] *«Русское обозрение»* — ежемесячный литературно-политический журнал. Выходил в Москве в 1890—1898 годах, 1901 и 1903 годах. Фактическим издателем журнала был фабрикант Д. И. Морозов, редактором — князь Д. Церетелев. Реакционное монархическое издание.

[2] *«Московские ведомости»* — старейшая русская газета, выходила в Москве в 1756—1917 годах. Издавалась первоначально (с 1756) Московским университетом в виде небольшого листка; с 60-х годов XIX века по своему направлению — монархическо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев. Выходила до октября 1917 года.

[3] *«Русские ведомости»* — газета, издавалась в Москве в 1863—1918 годах. В первые годы — орган либеральных помещиков и буржуазии. В 80-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря, эмигранты-народники: М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др. С 1905 года — орган правых кадетов; закрыта после Октябрьской революции.

[4] *«Русская мысль»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходил в Москве в 1880—1918 годах. Орган либеральной буржуазии. В 80—90-х годах в газете печатались произведения прогрессивных писателей — Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, М. Горького и др.

После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии. В этот период В. И. Ленин называл «Русскую мысль» «Черносотенной мыслью». Журнал был закрыт в середине 1918 года.

[5] *«Московский листок»* — ежедневная газета, выходила в Москве в 1881—1918 годах. Издатель-редактор — Н. И. Пастухов.

Один из первых в России органов бульварной прессы, рассчитанной на обывателя. После Февральской буржуазно-демократической революции «Московский листок» — политический орган, поддерживавший Временное правительство.

Был закрыт в январе 1918 года за контрреволюционную пропаганду.

[6] *«Гражданин»* — газета, выходила в Петербурге в 1872—1914 годах. Издатель-редактор — В. П. Мещерский.

Монархическое издание, орган крайних реакционных слоев русского дворянства. Газета существовала главным образом за счет субсидий царского правительства.

[7] *«Стрельна», «Яр»* — рестораны в Москве.

[8] *«Одесский листок»* — газета буржуазно-либерального направления, издавалась в Одессе в 1880—1917 годах. Издатель-редактор — В. В. Навроцкий.

[9] *«Россия»* — ежедневная либеральная газета, издавалась в Петербурге в 1899—1902 годах. Издатель-редактор — Г. П. Сазонов. Одним из редакторов «России» был В. Дорошевич.

В 1902 году за публикацию фельетона А. Амфитеатрова «Господа Обмановы», в котором в завуалированной форме высмеивалась царская семья, газета была закрыта, Амфитеатров сослан в Минусинск.

ОНИ ПОМОГАЛИ ПРОСВЕЩЕНИЮ НАРОДА

[1] «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения». Составлен Х. Д. Алчевской, Е. Д. Гордеевой, А. П. Гришенко и др. Тт. 1—3, СПб., 1884—1906.

[2] *Алчевская Х. Д.*, Книга взрослых. Первый год обучения, изд. 16; второй год обучения, изд. 12; третий год обучения, изд. 9, изд. И. Д. Сытина, М., 1915.

[3] «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», изд. И. Д. Сытина, М., 1911—1912, 21 том. (Харьковское общество распространения в народе грамотности).

Издание снабжено многочисленными рисунками, картами, таблицами. Отделы: 1. Физико-математический, 2. Природоведение, 3. Техника, 4. Сельское хозяйство, 5. Медицина, 6. Антрополого-географический, 7. Языкознание и история литературы, 8. Исторический, 9. Философский, 10. Народное образование в России, 11. Общественно-юридические науки, 12. Экономический, 13. Прикладная экономика.

[4] *«Исторический вестник»* — ежемесячный историко-литературный журнал консервативно-монархического направления, выходил в Петербурге в 1880—1917 годах. Основан А. С. Сувориным и С. Н. Шубинским.

[5] *«Декларация прав человека и гражданина»* — политический манифест французской буржуазии, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 года.

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ

[1] Статья 140 Устава о цензуре и печати («Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати в течение некоторого времени какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятых от предварительной цензуры повременных изданий поставляются о том в известность») давала возможность ее самого произвольного толкования и служила предлогом для многочисленных запрещений.

[2] Манифест 17 октября 1905 года, опубликованный Николаем II в дни наивысшего подъема октябрьской всероссийской стачки 1905 года. Обнародованием манифеста царизм пытался выиграть время, чтобы собраться с силами для срыва стачки и разгрома революции.

[3] «Закон о повременных и неповременных изданиях. Временные правила о повременной печати от 24 ноября 1905 года», СПб, 1906, стр. 2.

[4] Статья 132 Уголовного уложения: «Виновный: 1) в составлении сочинения или изображения, статьями 128 или 129 указанных, с целью распространения или публичного их выставления, если распространение или публичное выставление оных не последовало; 2) в размножении, хранении или привозе из-за границы указанных в первом пункте сей статьи сочинений или изображений... если распространение или публичное выставление таких сочинений не последовало, наказывается заключением в крепость на срок не свыше трех лет».

[5] Статья 129 Уголовного уложения, утвержденного 22 марта 1903 года: «Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя... 3) к неповиновению или противодействию закону... наказывается... каторгою на срок не свыше восьми лет...»

[6] *А. В. Ельчанинов,* О самоуправлении, изд. И. Д. Сытина, М., 1906. (Религиозно-общественная библиотека. Серия II. Для народа).

[7] «Полный словарь иностранных слов» под редакцией Сенниковского был конфискован. Позднее (в 1904) вышел составленный М. Поповым «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», изд. И. Д. Сытина, М., 1904.

[8] «Ежегодник внешкольного образования». Под редакцией В. И. Чарнолуского. Вып. 1, изд. И. Д. Сытина, М., 1907.

Справочник содержит полный свод законов и распоряжений по внешкольному образованию, сведения о просветительных обществах, учреждениях по внешкольному образованию, о народных университетах, курсах, библиотеках и т. д.

[9] Статья 1033 Устава о цензуре и печати: «За непомещение в повременном издании судебного определения или административного предостережения... издатель подвергается денежному взысканию, а если определение, предостережение... не будет помещено в течение 3 месяцев, издание прекращается».

Статья 1034: «За перепечатание произведения, запрещенного по суду... виновный сверх конфискации всего издания подвергается денежному взысканию не свыше 300 рублей и аресту не свыше 3 месяцев».

БУМАЖНОЕ ДЕЛО

[1] *«Нива»* — еженедельный иллюстрированный журнал. Издавался в Петербурге А. Ф. Марксом в 1870—1916 годах. В мае 1916 года издание было приобретено Товариществом И. Д. Сытина.

Журнал либерально-буржуазного направления. «Нива» пользовалась большой популярностью. Выходила с различными приложениями. Наиболее важные из них, изданные по совету И. Д. Сытина, сыграли большую культурную роль. Это собрания сочинений русских классиков: М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко и др. В «Ниве» печатались произведения Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. С. Лескова. К журналу прилагались художественные репродукции картин художников И. К. Айвазовского, И. Е. Репина, И. И. Шишкина и др.

ПОЖАР ФАБРИКИ

[1] *«Новое время»* — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1868—1917 годах. Издатель-редактор А. С. Суворин (с 1876), Ф. И. Булгаков и др.

С конца 70-х годов — беспринципная, продажная газета, орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Пользовалась поддержкой царского правительства.

Закрыта по решению Военно-революционного комитета при Петроградском совете 26 октября (8 ноября) 1917 года.

[2] Ресторан Палкина в Петербурге.

[3] И. Д. Сытин имеет в виду следующую строфу из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

«По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью».

А. С. Грибоедов, Сочинения, ГИХЛ, 1953, стр. 36.

ПОХОРОНЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

[1] Сочинения были изданы И. Д. Сытиным. Дорогое издание — под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова, с рисунками в красках, тт. 1—10, М., 1911, цена 55 рублей; дешевое — тт. 1—10, цена 10 рублей.

А. М. ГОРЬКИЙ

[1] *«Летопись»* — ежемесячный литературно-политический журнал. Выходил в Петрограде в 1915—1917 годах. Издатель — А. Н. Тихонов, редактор — А. Ф. Радзиевский.

Положительное значение имел художественный отдел журнала, где печатались произведения писателей-реалистов (А. М. Горького, Ф. В. Гладкова, К. А. Тренева и др.). Журнал вел антивоенную пропаганду, выступал против шовинистической прессы. Однако в целом политическое направление издания было нечетким и противоречивым.

[2] *«Новая жизнь»* — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1917 (апрель) — 1918 (июль) годах; орган группы социал-демократов («интернационалистов»). А. М. Горький был одним из редакторов газеты.

[3] *«Парус»* — книгоиздательство, основанное в 1915 году в Петрограде А. М. Горьким. Выпускало общественно-политическую и художественную литературу, сборники произведений национальных литератур (армянской, латышской и др.). В издании «Паруса» вышел ряд книг Горького. Закрылось в 1918 году.

ИЗДАТЕЛЬ «НИВЫ» А. Ф. МАРКС

[1] *«Славянский Базар»* — купеческий ресторан в Москве.

С. Д. ШЕРЕМЕТЬЕВ

[1] *Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III* — реакционное общество, основано в начале 1896 года в Петербурге с целью противодействия распространению грамотности среди крестьян.

[2] Очевидно, имеется в виду Петербургский комитет грамотности. См. комментарий к статье «Конец офеней» (стр. 256).

[3] *Мурмолка* — древнерусский мужской головной убор — шапка с плоской тульей из дорогой ткани и меховыми отворотами.

БЕСЕДА С ЦАРЕМ

[1] Б. В. Штюрмер — крайний реакционер, в 1903 году «по высочайшему повелению» ревизовал Тверское земство.

[2] *Протопресвитер* — высший чин русского духовенства.

[3] В имении Воейкова был открыт минеральный источник «Кувака», воде которого искусственно приписывались целебные свойства.

И. Д. СЫТИН В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННИКОВ

[1] Имеется в виду IV книга «Народной энциклопедии» — «Сельское хозяйство» (изд. И. Д. Сытина, М., 1915) и юбилейное издание «Великая реформа».

[2] *Ферворн,* Общая физиология. Основы учения о жизни. Перевод с немецкого и предисловие проф. М. А. Мензбира и приват-доц. Н. А. Иванова. Вып. 1—2, изд. И. Д. Сытина, М., 1897.

[3] И. П. Ладыжников.

[4] Д. И. Сытину.

[5] *Телешов Н. Д.,* На тройках, изд. И. Д. Сытина, М., 1895.

[6] *«Что нужно крестьянину»* — брошюра А. Ельчанинова из серии «Религиозно-общественная библиотека для народа», издана И. Д. Сытиным в 1905 году.

[7] *«Пале-Рояль»* — гостиница в Петербурге.

[8] Имеется в виду Швейцария, где в то время жил Н. А. Рубакин.

[9] «Из родной литературы. Младший возраст. Хрестоматия для городских училищ, торговых школ, сельских 2-классных училищ и средних учебных заведений». Составили Н. Н. Городецкий, П. Ф. Дворников, С. А. Дмитриев и др. Ч. 1—2, изд. И. Д. Сытина, М., 1915.

«Из родной литературы. Старший возраст. Хрестоматия для городских училищ, торговых школ, сельских 2-классных училищ и средних учебных заведений». Составили Н. Н. Городецкий, П. Ф. Дворников, С. А. Дмитриев и др. Ч. 1—2, изд. И. Д. Сытина, М., 1915, 2 тома.

[10] *Тойон* — господин, хозяин (якутск.). В рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара» — бог, верховное существо.

[11] *Апокрифы* — памятники легендарно-религиозной литературы, допускавшие в своих сюжетах или их трактовке толкование, отличное от официального церковного учения.

[12] *Духоборы* (духоборцы) — русская христианская секта, возникшая во второй половине XVIII века; преследовалась официальной церковью. В 1843 году большая часть духоборов была переселена в Закавказье. Некоторые из них сблизились с толстовцами, сосланными туда же. В конце XIX века под влиянием последних духоборы отказались повиноваться властям, в частности нести воинскую повинность, что повлекло за собой жестокие репрессии царского правительства.

[13] В начале 1478 года Новгород был присоединен к Москве и утратил свою политическую самостоятельность. Вечевой колокол — символ новгородской независимости — был увезен в Москву и водружен на одной из кремлевских башен.

[14] Русско-турецкая война 1877—1878 годов.

[15] *Кит Китыч (Тит Титыч), Подхалюзин, Вышневский* — персонажи из пьес А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье», «Свои люди — сочтемся», «Доходное место».

[16] *Ответ И. Д. Сытина* — речь, произнесенная И. Д. Сытиным перед участниками юбилейного торжества в 1916 году, посвященного 50-летию его издательской деятельности. Опубликована в газете «Русское слово».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

И. Д. СЫТИН В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Иван Дмитриевич Сытин

ЖИЗНЬ ДЛЯ КНИГИ

Редакторы *Д. Крупин, М. Деревянкина*
Технический редактор *Т. Климова*
Ответственные корректоры *А. Абовьян, И. Козловская*

Сдано в набор 6 июля 1961 г. Подписано в печать 31 октября 1961 г.
Формат $70 \times 92^1/_{16}$. Физ. печ. л. $17^1/_2 + ^3/_4$ (6 вклеек).
Условн. печ. л. 21,35. Учетно-изд. л. 14,4. Тираж 100 000 (25 001 — 60 000) экз.
А 07679. Заказ № 1989. Цена 1 руб. 20 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.